

**АСПЕКТЫ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
КОНФЛИКТА**

12

**Роль России:
реалии и мифы**

Москва, 28-29 июня 2005 г.

Ирвайн
2006

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhaz Conflict

Russia's Role: Realities and Myths

Conference Proceedings:

Moscow, June 28-29, 2005

Editors: Paula Garb
Walter Kaufmann
Arda Inal-Ipa
Paata Zakareishvili

This publication was made possible by financial support from
The William and Flora Hewlett Foundation,
The Heinrich Boell Foundation,
and International Alert

Copyright © 2006 University of California, Irvine

Social Science Plaza A 3151
Irvine, California 92697-5100
(1-949) 824-1227, fax: (1-949) 824-1544
web-site: www.citizenpeacebuilding.org

СОДЕРЖАНИЕ

Foreword	5
Предисловие	6
28 июня 2005, Москва	7
Сергей Маркедонов. Интересы России в Абхазии и Грузии и пути их осуществления	17
Джана Джавахишвили. Россия во внутривполитическом дискурсе Грузии	58
Гурам Гумба. Россия во внутривполитическом дискурсе Абхазии	81
Михаил Шевелев. Южный Кавказ во внутривполитическом дискурсе России	104
29 июня	131
Паата Закареишвили. Какой должна быть «правильная политика» России в отношении грузино-абхазского конфликта?	131
Арда Инал-Ипа. Особенности российской политики. Взгляд из Абхазии	141
Список участников конференции	225

All twelve Russian publications and some English abstracts are available on the internet at <http://www.socsci.uci.edu/~cpb/progs/projpubs.htm>

The editors and project coordinators can be reached at the following e-mail addresses: pgarb@uci.edu; CHPAbkhazia@yahoo.com; paatazak@access.sanet.ge; kaufmann@boell.ge

Полный текст всех двенадцати выпусков на русском языке и английские резюме некоторых из них можно найти в Интернете на сайте <http://www.socsci.uci.edu/~cpb/progs/projpubs.htm>

С редакторами и координаторами проекта можно связаться по электронной почте. Вот их адреса: pgarb@uci.edu; CHPAbkhazia@yahoo.com; paatazak@access.sanet.ge; kaufmann@boell.ge.

FOREWORD

We present the 12th volume in the series of Georgian-Abkhaz dialogue conferences that were launched in 1997 by the University of California, Irvine with funding from the William and Flora Hewlett Foundation. Since 2004 participants from Russia and various international organizations have been involved in the dialogue process. The conferences have had bilateral, trilateral and multilateral sessions involving representatives of various international organizations.

This volume includes transcripts of presentations and discussions at a conference held in Moscow, June 28-29, 2005. The conference was organized in cooperation with the South Caucasus and Moscow representatives of the Heinrich Boell Foundation. The main topic was the role of Russian policies in the South Caucasus in the context of the Georgian-Abkhaz conflict and Russian, Georgian and Abkhaz discourse on domestic issues. Discussions reflected serious differences of opinion among the participants about the realities and assessments of Russian policies in the South Caucasus. Participants expressed different opinions about whether these policies were in the best interests of South Caucasus countries and Russia. The controversies showed that the topic is relevant to all parties. The fact that no agreement was reached on many of these issues indicates the need to continue the discussions because joint analysis of complex regional issues from different perspectives can promote better understanding.

Since 2004 this process has received major administrative and financial support from the South Caucasus Regional Office of the Heinrich Boell Foundation (www.boell.ge). International Alert (www.international-alert.org) has also contributed financially to the process.

Arda Inal-Ipa

Centre for Humanitarian Programmes

Paata Zakareishvili

Center for Development and Cooperation

Paula Garb

University of California, Irvine's Center for Citizen Peacebuilding,
International Studies Program, and Department of Anthropology

Walter Kaufmann

South Caucasus Regional Office of the Heinrich Boell Foundation

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем вам очередной сборник из серии диалога между представителями грузинской и абхазской общественности, который ведется с 1997 года под эгидой проекта Калифорнийского университета (Ирвайн). Этот процесс уже нельзя назвать исключительно двусторонним, поскольку с 2004 года программа традиционных конференций стала включать в себя участие экспертов из России. Участники проекта решили и впредь сочетать в одном процессе разные форматы: двусторонний и трех- или мультисторонний, включающий и представителей различных международных организаций и др.

В данном сборнике публикуются материалы конференции, состоявшейся в Москве в 2005 году. Конференция была организована в сотрудничестве с южно-кавказским и московским представительствами Фонда им. Генриха Бёлля. Основной темой докладов, выступлений и дискуссий, прозвучавших на этой конференции, было осмысление роли политики России на Южном Кавказе в контексте российского, грузинского и абхазского внутривосточных дискурсов. При этом, собственно грузино-абхазский конфликт постоянно удерживался в фокусе внимания участников. Как продемонстрировал состоявшийся обмен мнениями, существуют серьезные расхождения в оценках экспертов по поводу политики, которую Россия должна проводить или реально проводит на Южном Кавказе. На встрече обсуждались вопросы, насколько эта политика соответствует интересам южно-кавказских государств и интересам самой России. Острога состоявшихся дискуссий свидетельствует о том, что тематика конференции действительно представляет взаимный интерес. Тот факт, что по многим обсуждаемым вопросам участники не пришли к согласию, говорит лишь о том, что подобные дискуссии необходимо продолжать и в будущем, поскольку анализ и обсуждение сложных региональных проблем с разных точек зрения обязательно помогут найти взаимопонимание.

С 2004 года данному процессу значительную организационную и финансовую поддержку оказывает южнокавказский региональный офис Фонда им. Генриха Бёлля. Часть финансовых затрат взяла на себя и британская организация «Международная тревога».

Арда Инал-Ипа,
Центр Гуманитарных Программ

Паата Закареишвили,
Центр Развития и Сотрудничества

Пола Гарб,
Центр миротворчества; Калифорнийский Университет, Ирвайн

Вальтер Кауфманн,
Южно-кавказский региональный офис Фонда им. Генриха Белля

28 ИЮНЯ 2005, МОСКВА

Йенс Зигерт – Доброе утро. Я руководитель здешнего московского Фонда имени Генриха Белля. Я хотел бы вас приветствовать в этот солнечный день в Москве, нашу встречу, нашу маленькую конференцию «О роли России в грузино-абхазском конфликте». Наш офис на Южном Кавказе и мы пытаемся поддерживать идею обсуждения грузино-абхазского конфликта вместе с Калифорнийским университетом в Ирвайне. Желаю и нам, и вам удачных двух дней и плодотворной дискуссии. Передаю слово Поле Гарб.

Пола Гарб – Здравствуйте и спасибо, что пришли. Поскольку мы заметили, что время на наше приветствие прошло, мы сразу приступим к делу. Во-первых, я хочу сказать о том, что мы собираемся после этой конференции опубликовать доклады, которые будут представлены, и дискуссии. Все это будет опубликовано в очередном сборнике, которые до сих пор издавались Калифорнийским университетом после каждого грузино-абхазского диалога. Может быть, участники, знают, что уже издано девять сборников. Много миротворческих проектов работает в регионе, мы все сотрудничаем друг с другом. Основная задача этого проекта Калифорнийского университета, а теперь нашими партнерами являются и Фонд имени Генриха Бёлля, и «Интернешнл Алерт», – это сделать как можно более доступным и прозрачным процесс диалога. Есть иногда место и для конфиденциальности, но в нашем процессе, к которому подключены представители гражданского общества, мы считаем, что лучше, чтобы все имели доступ к этому диалогу. Это имеет как научную, так и практическую ценность, потому что много материалов не остается в воздухе после конференции, а доступны для дальнейшего анализа как конкретный продукт этого диалога. Поэтому мы записываем все, что здесь происходит.

Для нашего процесса всегда было очень полезно в начале каждой конференции, чтобы каждый участник – и ветераны, и новые участники – очень коротко рассказали о своих ожиданиях, мотивации участия в процессе. Это особый способ знакомства, который тоже имеет свои научные цели, поскольку можно увидеть динамику в этих высказываниях, особенно когда люди участвуют несколько раз.

Поскольку здесь собралось больше людей, чем обычно и у нас мало времени, мы просим, чтобы каждый участник очень коротко, в двух-трех фразах, сказал бы о своих ожиданиях. Паата, мы хотели бы начать с тебя. Ты дашь пример, говоря о том, какие у тебя ожидания и какая мотивация.

Паата Закареишвили – В самом деле, для меня очень важна такая встреча. Я очень рад, что такие встречи уже превращаются в традицию. В прошлом году была первая встреча подобного рода и вот сейчас вторая. Российский фактор очень серьезен в грузино-абхазском конфликте, раньше мы как-то старались избегать его обсуждения, мы старались больше говорить о грузино-абхазских взаимоотношениях, потому что основное звено конфликта пролегает именно через грузино-абхазские отношения. Но российский фактор очень серьезный фактор, поэтому все равно приходилось его осмысливать без присутствия российской стороны. И с помощью наших друзей – Фонда имени Генриха Бёлля стало возможным, чтобы мы стали вместе за круглым столом обсуждать эти позиции. Поэтому для меня очень важно, чтобы такие встречи продолжались, чтобы в них участвовали те люди, которые искренне заинтересованы в разрешении этого конфликта, в трансформации этого конфликта. Важно, чтобы участвовали люди, имеющие свой собственный взгляд, который мог бы повлиять на грузино-абхазские взаимоотношения. Мои ожидания состоят в том, что мы, грузины, что грузинская сторона поймет, что Россия не такое страшное явление, желающее только плохого для Грузии. И абхазы тоже, как я надеюсь, поймут, что Россия не единственная сторона, которая все может решить за Абхазию. Такие встречи позволят нам – грузинам и абхазам – быть более реалистичными и больше видеть свои силы и свои ресурсы.

Вячеслав Игрунов – Я первый раз на такой встрече. Мои ожидания двойные. Первое. Я действительно, изучая ситуацию конфликта, обнаруживаю, что, по крайней мере, с грузинской стороны идет чудовищная демонизация России. И мне хотелось бы понять причины и основания этого. Второе ожидание. Я хочу учиться, я хочу увидеть, как люди, разделенные войной, умеют говорить друг с другом и ис-

кать решения. России это чрезвычайно надо постольку, поскольку она вовлечена в невероятное количество конфликтов.

Манана Гургулия – Я второй раз участвую в подобного рода встрече. И она мне кажется очень полезной и интересной, потому что роль России на Кавказе и в урегулировании конфликта действительно велика. Паата говорил о важности того, чтобы абхазы поняли, что кроме России есть еще и другие страны, которые могут им помочь в решении проблем. Так вот, я хотела бы, чтобы абхазы, анализируя ситуацию, складывающуюся в соседних странах, могли из этого делать выводы, находить способы, как решать свои проблемы. Подобного рода встречи позволяют лучше ориентироваться в ситуации. Это очень хороший и полезный обмен мнениями.

Михаил Мирзиашвили – Я часто участвовал в грузино-абхазских встречах, но уже давно не встречался, и мне было очень важно встретиться. У меня накопилось очень много вопросов. И мне интересно пообщаться с моими абхазскими коллегами. Это раз.

Второе. Я первый раз участвую в таком формате, когда присутствует Россия. Паата говорил, что мы часто говорим о России, точнее о роли России, но она не присутствовала. Во всяком случае, видимо.

Магдалена Фричова – Я тоже участвовала в двусторонних встречах и во встречах кавказского формата. Очень часто, естественно, вопросы, связанные с Россией обсуждались, но косвенно. Так что, мне очень интересно сопоставление всех этих перспектив.

Виктор Воронков – Я социолог из Петербурга. Для меня интересно, как конструируют конфликт, как конструируют разных игроков на этой сцене участники этой встречи. Мне жаль, что тут не присутствуют другие важные эксперты, скажем, из Соединенных Штатов или из Европы. И другое, что меня интересует – как этот важный конфликт отражается и отразится на развитии собственно России.

Лаша Бакрадзе – Мне тоже очень интересно мнение русской стороны, которую частично можно будет услышать здесь, потому что мы

через вторые руки слышим, что думает Россия, а прямо получить информацию – это всегда интересно. И встреча с абхазами тоже интересна, потому что, я надеюсь, что их отношение к конфликту тоже меняется, как это частично хотя бы меняется в Грузии.

Александр Чечевишников – Честно говоря, я не рассчитываю уяснить, в отличие от коллеги, с точки зрения государства то состояние конфликта, которое есть сейчас, это невозможно, потому что решения принимают не те люди, или большей частью не те люди, которые сидят здесь. Впервые участвую в таком прямом диалоге. Проверить, уточнить, сопоставить те мысли и тексты, которые можно почерпнуть дистантно от сидящих за этим столом людей с их человеческой персонализацией, как это происходит вживую. И есть ли здесь какой-то зазор? Или то, что мне казалось заочно, подтверждается непосредственными ощущениями.

Ираклий Какабадзе – Мне было очень интересно пообщаться напрямую с нашими абхазскими друзьями. Я не буду этого скрывать, что именно это в первую очередь мои ожидания и интерес. И очень интересно сопоставить теоретические и практические аспекты конфликта, узнать роль экономического и социального факторов, фактора доверия, и также осознать в самом себе, в нас, грузинах, в первую очередь, а также в наших российских коллегах, как мы можем отгородиться от империалистического образа мышления и начать конструктивные экономические и социальные отношения.

Лиана Кварчелия – Я ветеран двустороннего диалога, но получается теперь, что и ветеран трехстороннего, потому что была на первой встрече и принимаю участие и во второй. Ожидания мои такие: мне интересно не только обменяться мнениями с представителями грузинского общества, но и услышать оценку ситуации экспертного, политологического российского сообщества, узнать о том, как они видят наш конфликт, какой видят роль России в урегулировании.

Геворк Тер-Габриэлян – Я хотел сказать, что здесь моделируется интересный формат диалога представителей грузинской и абхазс-

кой общественности, российской общественности и международного сообщества. И мне больше всего интересен вот этот аспект. Мне также интересно, что часто говорят: «Кто есть Москва? С кем говорить в Москве?». Мне интересно познакомиться с представителями России, которые здесь сегодня присутствуют, и узнать – кто же есть, в конце концов, Москва, когда речь идет о Кавказе.

Марк Берендт – Я работаю в «International Alert» вместе с Геворком. Я довольно много раз бывал в Абхазии и в Грузии и говорил с многими людьми и делился мнениями, старался понять больше. Но это будет первый раз, когда я участвую в совместном диалоге. И конечно, для меня очень интересно присутствие вот этой новой стороны, узнать, как вообще российская сторона, российская общественность может говорить об этих проблемах.

Людмила Кабанова – Я работаю в российском офисе Фонда имени Генриха Бёлля. Я вспоминаю прошлогоднюю встречу. Она была очень сложной и мне радостно, что все-таки мы смогли собраться, и сегодня состоится вторая встреча. Мне очень интересны люди и точки зрения, которые будут здесь высказаны. И я очень надеюсь, что не будет никаких организационных накладок, поскольку я отвечаю за организацию этой встречи.

Вальтер Кауфманн – Мне на этой встрече интересно именно то, что было бы невозможно на политических переговорах, именно вот этот очень разнообразный состав участников. Тут я не вижу абхазскую или грузинскую делегацию, или российскую делегацию. Здесь очень разные люди из разных слоев – политологи, художники, писатели, представители неправительственных организаций. Для меня вообще грузино-абхазский диалог важен тем, что он создает некоторое интеллектуальное пространство, в котором можно обсуждать конфликт и жить в какой-то мере с этим конфликтом, не решая его, потому что на этом уровне это невозможно. Но все-таки можно действительно узнать, как вопреки этому конфликту можно налаживать контакты. И очень интересно с разных сторон его освещать. Я надеюсь, что российское участие обогатит этот процесс.

Пола Гарб – Мои ожидания многогранны. Конечно, для меня этот процесс стал моделью конструктивного, хорошего диалога людей, которые ищут мирное решение очень сложного конфликта. Это актуальный вопрос и для моей страны. У нас тоже очень много проблем, и вести диалог американцам стало очень трудно на мировой арене. И поэтому это имеет и практическую цель. Но еще и научную, потому что нигде систематически не накоплено столько материалов о диалоге. И я очень рада, что новый этап включает и российскую сторону, то есть появляется новый элемент. Мне это очень интересно в теоретическом, научном плане – какой анализ можно сделать после этой и предыдущей встречи. И я надеюсь на продолжение таких интересных трехсторонних, многосторонних встреч, потому что здесь действительно присутствуют и международные представители.

Арда Инал-Ипа – Пола уже сказала, что этот трехсторонний формат родился после многолетнего развития двухстороннего процесса. И обсуждая опасения двух сторон, причины конфликта, его развитие и т.д. – мы очень часто упирались в проблему политики России на Кавказе. И, наверное, наивно пытались как-то понять, в чем интерес России, в чем ее национальный интерес. Мне кажется, что было очень разумно прийти к тому, чтобы выслушать, как сами российские политологи и представители официальной политики (их сейчас нет, но мне было бы очень интересно услышать и официальную точку зрения) видят, в чем состоят интересы России на Кавказе вообще и на Южном Кавказе в частности. Я надеюсь, что пространство диалога, о котором сегодня много говорили, все-таки иногда дает возможность предотвратить какие-то осложнения. Хотя мы никогда не узнаем, удалось ли нам что-то предотвратить, избежать какого-то обострения, но все-таки здесь есть возможность отобрать у абсурда немного пространства для попытки анализа и какого-то разумного подхода. Мне кажется, что это очень интересно – выслушать мнения всех трех сторон по поводу того, что происходит в грузино-абхазских отношениях и вообще на Кавказе.

Батал Кобахия – Я тоже очень рад присутствовать на такой конференции, потому что она более реально отражает тот контекст, в кото-

ром мы все находимся. В последние годы мы все время изучаем конфликт в рамках абхазо-грузинских встреч, кавказского формата, южно-кавказского формата. И очень редко бывают российские участники. Хотя жизнь показывает, что мы все очень взаимосвязаны. Конечно, это тоже миф, что мы не те, кто влияет на принятие решений. Но может быть и наоборот, миф, что мы влияем. Хотя события последнего времени показали, что как раз таки мы и влияем на принятие решений. Если не будет услышано ваше слово, слово ученых и политологов, то власти будут думать, что они знают то, что знают, и будут поступать так, как поступают. Я просто хочу сказать, что во время избирательного процесса я был потрясен, прочитав массу материалов о конфликте, об Абхазии российских и грузинских ученых. Я был удивлен, как много они знают о регионе, как много они знают о каких-то нюансах, о которых, как мне казалось, мы знаем только у себя внутри. И это, конечно, помогает. И нельзя сказать, чтобы это не влияло на то, как развиваются события и в Абхазии, и вокруг нее. Даже какая-нибудь маленькая статья Сергея Маркедонова, которого мы не знали. Я думаю, что мы как раз те, которые влияют на принятие решения. И мне кажется, что к тому, что здесь будет сказано, будут прислушиваться и очень внимательно изучать.

Сергей Маркедонов – Я тот самый Сергей Маркедонов, о котором сказал Батал. Это уже по сути дела начинается PR. Его послушать, так я изменил ситуацию в Абхазии своей публикацией в «Независимой газете». Дай бог, конечно, чтобы так и было, хотя я далек от столь оптимистических прогнозов конкретно в этой ситуации.

У меня, наверное, ожидания двух планов. Прежде всего, научного, поскольку я представляю научно-экспертное сообщество. То, что здесь будет звучать – это действительно в каком-то смысле срез общественного мнения. Здесь собрались люди, которые думают, пишут, глубоко погружены в проблемы грузино-абхазского конфликта. И для меня интересно услышать эти позиции. И клише услышать, которые прозвучат, наверное, и где-то стереотипы почувствовать – есть ли какая-то эволюция в аналитике, в экспертизе этой ситуации. Помимо научных, есть и другие ожидания – человеческие, гражданские, может быть. Мне кажется, что подобные вещи чрезвычайно

важны. То есть, очень важна для преодоления конфликта диалоговая ситуация, чтобы диалог не прекращался. Какие-то вещи надо проговоривать, может быть, тысячный раз. Хотя, честно говоря, не жду каких-то больших прорывов, естественно, от этой встречи. Но дай бог, чтобы встречи продолжались и дальше, конечно.

Александр Скаков – Сразу скажу, что у меня нет ожидания, что мы все друг друга легко поймем, что все всё поймут, и я тоже всех пойму. Я так не думаю. С другой стороны, мне кажется, что данный формат – трехсторонний – является наиболее перспективным. Конечно, возможны другие форматы, но именно этот формат позволяет наиболее хорошо понять мнения друг друга. Ни в коем случае не допустимо обсуждение проблем Абхазии без участия абхазской стороны, хотя вчера буквально я с этим столкнулся на грузино-российской встрече. Безусловно, иллюзия, что здесь все зависит от России, и что можно говорить с Россией, минуя Абхазию. Поэтому я очень благодарен тем, кто организовал эту встречу – и фонду Генриха Бёлля, и Поле Гарб – за их усилия по налаживанию такого диалога. И надеюсь, что это будет продолжаться и в дальнейшем и когда-нибудь принесет пользу.

Лариса Сотиева – Я хочу сказать о своих ожиданиях. Я много раз была на двусторонних встречах, но в таком формате в первый раз. И для себя я не могу до сих пор понять, почему такой трехсторонний формат? И кто есть Россия? Для меня это большой вопрос. Я чуть-чуть отвлеку вас. Я родилась в Южной Осетии и во время войны вынуждена была уехать на Северный Кавказ и сейчас живу во Владикавказе. И работаю сейчас по проекту «Международной тревоги» в Грузии и в Абхазии. То есть для меня это что-то очень личное. И когда говорят «российский фактор», то мне кажется, что его надо разделять. Россия большая, и непонятно – где есть национальный интерес. Если говорить с точки зрения Северного Кавказа, то я понимаю, как северокавказцы смотрят на конфликт между Абхазией и Грузией, Южной Осетией и Грузией. То есть, достаточно четкие позиции, их несколько. Я думаю, что у нас будет возможность это обсудить. А есть другая Россия, есть Москва и еще много других Рос-

сий. И мне бы хотелось, чтобы российская сторона осознала это, чтобы ожидания грузинской и абхазской сторон стали более реалистичными. Здесь все говорили, что хотят понять, каковы интересы России в этом конфликте. Для нас – российских участников – важно самим определиться: кто мы, и какова наша позиция?

Джана Джавахишвили – Я тоже первый раз участвую во встрече в трехстороннем формате. Мои ожидания, наверное, связаны с одной историей. Года два тому назад мой абхазский друг, показывая мне российский паспорт, сказал: «Посмотри, что Грузия сделала со мной». Я тогда сразу замолчала и начала переживать, потом я стала думать: «Кого это устраивает?» по детективному жанру. Может быть, Россия, потому что очень часто утилизируется эта тема – гражданство и защита своих граждан. И потом я поняла, что тут детективный жанр тоже не действует, потому что именно Грузия сопричастна этому очень сильно. И как раз динамика этих ролей – России, Грузии и Абхазии – мне очень интересна. И я бы с удовольствием это все обсудила здесь. Я с большим интересом и с большими ожиданиями отношусь к этой встрече.

Нино Лежава – Я представляю Фонд имени Генриха Бёлля на Южном Кавказе. Я уже второй раз присутствую в этом трехстороннем формате и у меня, можно сказать, такое познавательное ожидание – узнать экспертную оценку в этом трехстороннем формате и видение российских участников, а также абхазских и грузинских коллег о факторе, а также стратегии России в грузино-абхазском конфликте.

Гурам Гумба – Я ожидаю от этой встречи искреннего, откровенного разговора, откровенной беседы, свободной от шаблонов, от официальных стереотипов, которые существуют. Я ожидаю, что этот разговор позволит нам сделать один шаг, приблизиться к пониманию позиций, интересов трех заинтересованных сторон, которые сегодня здесь находятся, включая и Россию, потому что она в этом конфликте не посторонний наблюдатель. Узнать мнения представителей этих сторон – вот мои ожидания.

Станислав Лакоба – На самом деле, мне тоже очень интересно услышать мнение российских экспертов, коллег по ситуации в целом, и в Грузии, и в Абхазии на более широком фоне, в контексте ситуации на Южном Кавказе, тем более, что ситуация очень изменилась в Грузии после известных событий, выборов. Ситуация изменилась и в Абхазии после выборов. Мне, например, очень интересно, чем вызвана такая затянувшаяся пауза в российско-абхазских отношениях в последнее время, поствыборная такая пауза. Я считаю, что это главный вопрос не только для нас, но и для развития как российско-абхазских, так и российско-грузинских и грузино-абхазских отношений.

Виталий Тарнава – Несмотря на свой природный оптимизм в данном случае не питаю никаких иллюзий, что подобные встречи на что-то могут повлиять и изменить. Дело в том, что я думаю, что беда всех народов на постсоветском пространстве – это то, что нас за горло держит наше прошлое и не отпускает. И на сегодняшний день конфликт – это же все-таки не просто конфликт, это следствие войны, а такие вещи, тем более на Кавказе долго заживают. И поэтому может быть, какой-то оптимизм можно извлечь из нашей встречи просто как для будущих поколений, которые смогут что-то извлечь из того, что мы тут сегодня наговорим. Но сегодня никаких практических результатов я не вижу. Но общаться, конечно, надо. Лучше все-таки разговаривать, чем воевать. Я думаю, что если нас в таком формате закрыть где-то на год, мы даже, наверное, подружимся. Может быть, даже полюбим друг друга. Но от этого конфликт не разрешится. Но все-таки делать это надо. Кто-то же должен делать первые шаги. Но надежд больших я не питаю.

Арда Инал-Ипа – Сейчас мы попросим Сергея Маркедонова приступить к докладу. Итак, Сергей Маркедонов – заведующий Отделом проблем межнациональных отношений Института Политического и Военного Анализа.

Сергей Маркедонов

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В АБХАЗИИ И ГРУЗИИ И ПУТИ ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

После того, как процентов девяносто участников высказались за желательность выслушать анализ российской стороны, российской позиции, я чувствую некий груз ответственности. Я должен как-то оправдать ожидания. Но эти ожидания не должны быть завышенными. Свое выступление я хочу построить из нескольких блоков. Первый блок будет посвящен новым реалиям, которые складываются на Южном Кавказе в последние года два – 2004 и 2005 годы. То есть, я буду рассматривать роль России на Южном Кавказе. На мой взгляд, сейчас рассмотрение российских интересов в грузино-абхазском конфликте чрезвычайно актуально из-за новых вызовов и реалий, в которых Россия оказалась в последние два года на Южном Кавказе.

Следующий момент. Я бы хотел дать некие системные основания вовлеченности России в южнокавказский внешнеполитический театр. Строго говоря, зачем вообще России все это нужно? Что это – некий атавизм, рудимент имперского мышления или здесь есть некий другой подход, другая мотивация? И дальше я хотел бы рассмотреть основные этапы российской политики в отношении Грузии и Абхазии. Я говорю о Грузии и Абхазии как о разных субъектах не потому, что готов сейчас признать Абхазию как независимое государство или не признавать. Я не представитель государственной власти. Я выступаю здесь как эксперт. Я просто считаю, что на сегодняшний момент непризнанные государства, это касается не только Абхазии, но и Приднестровья и Южной Осетии, в меньшей степени Карабаха, являются самостоятельными акторами на постсоветском пространстве. Поэтому не вижу ничего продуктивного и позитивного в том, чтобы ограничивать анализ этих акторов какими-то формально-юридическими аспектами. Мы можем отказывать в формально-юридическом существовании непризнанным государствам, но, тем не менее, они существуют, проводят свою политику, имеют свои вооруженные силы, имеют свою идентичность, образовательное пространство, социо-культурное пространство и т.д. Никуда от этого не деться.

Вот, собственно говоря, из таких трех блоков я хочу построить свое выступление.

Я хочу сказать, что последние два года – это 2004 и 2005 годы – для российской политики на Южном Кавказе во многом стали переломными. Дело здесь не в конкретных политических удачах или неудачах, просчетах, вызовах, которыми были наполнены эти два года. Мне кажется, что в 2004-2005 годах произошел крах инерционного российского политического сценария и на постсоветском пространстве, и на Кавказе. Давайте я вам напомним основные вехи. 2004 год для российской политики на Южном Кавказе начался под знаком Грузии. 2004 год – это политический триумф, я другого слова здесь не буду использовать, Михаила Саакашвили. Действительно, впервые на постсоветском пространстве у России появился оппонент, у которого есть, безусловно, политическая воля, у которого есть четкое представление о том, чего он хочет, есть понимание своих целей в отличие от других достаточно невнятных политиков. Впервые на постсоветском пространстве появился достаточно волевой внятный политик. Это, безусловно, некий вызов. И год закончился под знаком Грузии, он во многом проходил под знаком Грузии. Россия утратила свое влияние в Абхазии. Конфликт вокруг Южной Осетии показал, что российские ресурсы существенно переоценены и грузинской стороной, и нашими международными партнерами. И границы российского влияния здесь тоже достаточно ограничены. Конец года был ознаменован масштабным, я бы сказал, системным кризисом в отношениях между Абхазией и Россией. То есть, если непризнанное государство и Абхазия рассматривались в нашем мире, в нашем экспертном сообществе как некая российская внешнеполитическая и геополитическая собственность, это оказалось далеко не так. И то, что произошло в Абхазии, я рассматриваю как одну из существеннейших ошибок и провалов российской внешней политики и на пост советском пространстве, и на Южном Кавказе, в частности.

Здесь можно отметить и достаточно осложнившиеся отношения между Россией и Арменией. Это тоже факт, который может быть пока не виден, но существенен. Особенно я здесь отметил бы вывод российской базы из Ахалкалаки. Особого военного значения эта база не имела, безусловно, но политическое значение огромное, если гово-

речь о доверии со стороны армянского мира, армянской диаспоры Кавказа к российской политике, то после этого вывода это доверие существенно снизится и снижается. Я могу говорить об этом по общению со своими армянскими коллегами, у меня достаточно тесные контакты с ними. На мой взгляд, подобный провал, подобный системный кризис стал следствием нескольких причин. Первое, это отсутствие внятной стратегии на кавказском направлении. Я полностью поддерживаю выступление и тезис госпожи Сотиевой, когда она говорит о том, а что такое российская политика? А где этот интерес? Вот нам задают вопрос: «А где ваши национальные интересы? Где ваша политика?». Мне иногда самому хотелось бы узнать, а где эта политика. Каковы, так сказать, ее составляющие части и где ее квинтэссенция?

Следующий момент. Признание бывших республик Закавказья некой внешнеполитической собственностью Российской Федерации как правопреемницы СССР. В нашем МИДе, похоже, забыли о том, что внешняя политика, если перефразировать Эрнеста Ренана, это как нация, это ежедневный плебисцит, здесь никакой внешнеполитической собственности быть не может. Надо быть привлекательным, надо быть хорошим партнером и гарантом и доказывать это каждый день. Никто в этой сфере ничего так просто, «задаром» не дает.

Следующая ошибка, которая имела катастрофическое влияние – это ставка на советский запас прочности. Куда они денутся, приползут, русский язык все знают, все учились в партийных школах и университетах. И как следствие – ориентация на просоветскую идеологию, риторику, политические символы и силы, позиционирующие себя как просоветские.

Следующий очень важный момент и очень важная ошибка и отсюда из-за такого подхода – ставка на отношения только с властью. К сожалению, в отличие от американцев, которые работают всегда интенсивно и с властью, и с оппозицией, Россия работает только с властью. И отсюда была потеря большого влияния с середины 90-х годов в Грузии. Можно поддерживать Абхазию, не поддерживать в грузино-абхазском конфликте, но влиять-то на ситуацию в Грузии надо. Просто все забросили в начале 90- годов и никто этим не занимался. Во многом появление Саакашвили для российского политического класса стало неприятным сюрпризом, как будто его не было

раньше. Это был достаточно известный политик. Он же не как чертик из табакерки выпрыгнул. С определенным background'ом и т.д. Но работать с оппозицией российская власть не умеет, не хочет и таким образом пожинает плоды. Потом удивление вызывают разного рода революции и т.д.

И следующий момент: сохранение статус-кво кавказской политики, которая сложилась к началу 90-х годов. В отличие от многих моих коллег в европейских странах и в Грузии, я считаю, что Россия сделала много позитивного в начале 90-х годов в плане урегулирования горячей фазы конфликта. Но она оказалась очень мало способной к дальнейшему постконфликтному урегулированию. Посчитала, что достаточно прекратить вооруженную фазу конфликта и на этом можно успокоиться. Собственно, отсюда и проникновение дружеских игровых на южнокавказский театр. Я вот приведу здесь высказывание американского дипломата в 1996 году, когда он говорил о необходимости осуществлять такую политику, которая укрепляет стабильность всех режимов власти в Закавказье, не оспаривая очевидного доминирования России и не принимая на себя политических обязательств. Это 1996 год. До 1997 года американское экспертное сообщество собственно так и рассматривало Южный Кавказ, как зону российских интересов, как некую российскую собственность. Вот от этого тезиса я хочу оттолкнуться, говоря о том, что Россия имела и в Абхазии, и в Грузии к началу 90-х годов неоспоримую фору. Никакого американского вмешательства в общем-то здесь не было. Неким рубежом является 1997 год. В 1997 году появляется очень интересная статья господина Ариэля Коэна, некая констатационная программная статья, где он говорит следующее. Я процитирую. Он призывает осознать, что Кавказ и Центральная Азия перестали быть сферой российского влияния после распада Советского Союза. «Четыре века российской экспансии на юге закончились. В посткоммунистической России отсутствуют воля общества и военные ресурсы для того, чтобы возродить империю путем открытого применения военной силы...» ... Надо было быть более расторопными, привлекательными, эффективными и добиваться нужного результата. Второй вопрос. Почему, собственно говоря, Россия заинтересована в Южном Кавказе? Вот мы говорим о том, что есть некоторый систем-

ный кризис, который является следствием провалов и просчетов первой половины 90-х годов. А зачем вообще России этот самый Южный Кавказ? Может быть, действительно, отдать его другим, уйти, покаяться, как предлагают у нас некоторые радикальные правозащитники. Кавказ, в принципе, единый регион, несмотря на административные и территориальные деления, одно перечисление которых заняло бы не мое выступление, а многотомную монографию, можно было даже отдельный спецкурс изучать про административно-территориальные изменения на Кавказе. Так вот, несмотря на них, Кавказ является в социокультурном смысле и во многом и в политическом смысле, единым регионом. И проблемы, которые возникают на Южном Кавказе – политические, социальные, экономические немедленно реализуются или продолжаются на Северном Кавказе, хотим мы того, или нет. Это не имперская воля, это не империалист Маркетонов этот тезис выдвинул. Это некая объективная реальность. Вот я обращаюсь к госпоже Сотиевой, которая говорила про Южную Осетию. Ведь логическим продолжением грузино-осетинского конфликта во многом стал осетино-ингушский конфликт уже на территории российского Кавказа, Российской Федерации, потому что во многом ударную силу североосетинских этнонационалистов составляли выходцы из Южной Осетии. Бригада «Ир», которая участвовала в событиях в Пригородном районе, была югоосетинской и т.д. Если мы говорим об абхазской ситуации, то ситуация в Абхазии мгновенно вызвала реакцию у адыго-язычных субъектов Российской Федерации. Мало, кто рассматривает такое понятие, как «черкесский мир», мало, кто его анализирует, но это достаточно серьезная сила. Роль армянского диаспорального мира понятна и известна, его признают и анализируют. То же самое и с черкесским миром.

Я немножко отвлекусь. Вот я был недавно в Адыгее, когда там рассматривался возможный проект объединения с Краснодарским краем. Мгновенно, как только этот тезис был брошен руководством Краснодарского края, в Майкопе появились эмиссары из Нальчика, Черкесска, которые стали прощупывать возможные политические ходы. То есть, черкесский мир – это тоже важный фактор и внутри России. Этот фактор влиял и влияет до сих пор на ситуацию, поэтому, когда говорят: «Пусть Россия как-то надавит на Абхазию, быст-

ренько решит все вопросы и т.д.», это в значительной степени игнорирование многих внутренних причин того, почему Россия так заинтересована в своем присутствии в Абхазии и не может их сдать за пять копеек в результате каких-то тайных махинаций, торгов за Абхазию. Очень многие проблемы, которые возникают на Южном Кавказе, имеют северокавказское продолжение. Я говорил об осетинской ситуации. Можно сказать и об абхазской ситуации. Можно говорить и об армянской ситуации. Да, следствием карабахского конфликта стала массовая миграция армян в Ставропольский и Краснодарский края. И отсюда конфликтность, пока латентная, между коренным населением, неказачьим движением и, допустим, армянским населением района КавМинводы, или, скажем, некоторых территорий Краснодарского края. Общекавказской проблемой является проблема турок-месхетинцев. Депортированные из Грузии турки-месхетинцы обосновались в Краснодарском, Ставропольском краях. В постсоветской России именно с турками-месхетинцами была связана первая этнически мотивированная миграция из Краснодарского края, из-за нерешенности их статуса. Ну, тут еще можно вспомнить Чечню и Панкиси, эти взаимосвязи тоже и т.д. Таким образом, любые проблемы Северного Кавказа, которые являются внутренними проблемами России, имеют, так или иначе, южнокавказское продолжение. Хочет того или не хочет Россия, это вещи объективные. Поэтому Россия заинтересована в своем полноценном присутствии на Южном Кавказе. Другой вопрос – как понимать это присутствие, его формат, его необходимые ресурсы и политический курс для этого. Я хочу сказать, что если мы рассмотрим уже конкретную ситуацию, абхазскую и грузинскую, и посмотрим на краткую историю российской политики, подойдем к современным дням, то увидим, что стратегического курса по отношению к Абхазии и Грузии у России не было с начала 90-х годов. Такой курс был в позднем Советском Союзе. Грузия в позднесоветские времена рассматривалась как антикоммунистическая Вандея – здесь и события апреля 1989 года, и Звиад Гамсахурдиа, и радикальный грузинский этнонационализм, который создал, на мой взгляд, больше всего проблем для самой Грузии, потому что проблема целостности Грузии и проблема во многом превращения этого государства в false state в 90-е годы, по край-

ней мере до Саакашвили, это следствие политики Гамсахурдиа – «Грузия для грузин», то есть заранее нереализуемая концепция. Грузия – самое полиэтничное государство из государств Южного Кавказа. Я понимаю, если такой концепт выдвинет Армения – он неприемлем этически, но он оправдан с точки зрения реальной политики. В Грузии этот концепт совершенно не оправдан. Так вот, в позднесоветское время отношение к грузинским этнонационалистам, к Гамсахурдиа было, естественно, отрицательным. Грузия воспринималась как некая антикоммунистическая Вандея. Абхазия воспринималась как просоветское образование. И вот отношение к Абхазии как к некоему заповеднику советского, коммунистического времени осталось вплоть до сегодняшнего дня, хотя это далеко не так на самом деле, что и показали выборы октября и вся эта последующая кампания. Действительно, Абхазия голосовала за Советский Союз не потому, что так любила советскую власть и весь Советский Союз. Это был объективный выбор. Если были какие-то проблемы в отношениях с Грузией, Грузия занимала наиболее радикальную позицию из всех республик Советского Союза, может быть только Прибалтику можно поставить рядом по наиболее радикальной антикоммунистической, антисоветской позиции. Абхазия голосовала на референдуме в марте 1991 года за сохранение Советского Союза, а абхазский харизматический лидер Владислав Ардзинба входил в объединение «Союз» в Верховном Совете еще Советского Союза и отсюда было соответствующее отношение союзной власти. Когда Советский Союз прекратил существование, в России никто не занимался выработкой какого-то внешнеполитического курса вообще, и уж тем более в таком узком направлении, как грузинское и абхазское направление. Строго говоря, в России шло несколько процессов, которые отвлекали политический класс. Это процесс приватизации, естественно, ресурсов, собственности. Очень увлекательный процесс, безусловно. В политическом отношении это двоевластие – борьба между Верховным Советом и Президентом. Поэтому когда говорят «российская политика в грузино-абхазском конфликте», нужно выяснять, кого имеют в виду. Я был в Тбилиси в ноябре, и там некоторые грузинские эксперты говорили: «Вот у вас была политика...». А я говорю: «Политика кого –

Белого дома или Кремля?». В России было двоевластие. До октября 1993 года было два центра, две политики, по сути дела. Поэтому говорить о том, что была какая-то системная политика, мы не можем.

Если говорить о Грузии, то Россия поддержала президента Шеварднадзе, потому что Гамсахурдиа рассматривался как зло, может быть, абсолютное или наибольшее зло. Был поддержан Шеварднадзе, был намек на поддержку Грузии – это подписание Ташкентских соглашений, это передача тяжелого вооружения. Я тут процитирую Станислава Лакоба, с которым я согласен, когда он говорит, что «Россия с одной стороны Грузию в Абхазию приглашала, с другой стороны разжигала определенные надежды на то, что в случае чего – поддержит». Вот я с этой оценкой, с этой концепцией в принципе применительно к 1991-92 годам согласен. Когда конфликт уже вступил в открытую фазу в августе 1992 года, мы можем говорить о нескольких направлениях российской политики. Это, естественно, Верховный Совет во главе с Хазбулатовым, который поддержал Абхазию, опять же, потому что в Верховном Совете доминировали люди национал коммунистических взглядов, хотя это очень условно. Они видели в Абхазии, которая занимала просоюзную, просоветскую позицию свою силу. Ардзинба был депутатом группы «Союз», поэтому – своя сила. Вообще, я хочу сказать, что в это время произошла инструментализация грузино-абхазского конфликта. К Грузии стали относиться так: вот, мол, это демократы, а абхазы – коммунисты. То есть, никто не понимал сути этого конфликта, не пытался разобраться в этих вещах. Каждый пытался его использовать в какой-то своей внутривластной борьбе. Я вот вспоминаю ситуацию в сентябре-октябре 93 года. Люди чуть ли не на тотализатор ставили – кто тут победит – Ельцин или Верховный Совет. И там какие-то грузино-абхазские взаимоотношения мало кого на самом деле интересовали. То есть, процесс двоевластия был более увлекательным. Отдельно была военная позиция. Это, конечно, российские военные. Это особый подход, особая позиция. Российские военные не любили, и это ни для кого не секрет, Эдуарда Шеварднадзе. Он был министром иностранных дел, и с ним связывали очень непопулярные решения по выводу советских войск из Германии. И, кстати, я был свидетелем того, как многие офицеры пострадали от этого вывода. Я не ос-

париваю, естественно, необходимости этого вывода, я понимаю, что здесь вина в большей степени на российских чиновниках, которые помощь материальную использовали не так, как надо, не в тот карман, так сказать, путая государственный со своим. Но реально процесс вывода был очень болезненным. Я жил тогда в Ростове-на-Дону. И от Ростова до Новочеркасска в течение года-двух выросли военные городки, начиная с палаток. И вот эта нелюбовь к Шеварднадзе в грузино-абхазском конфликте тоже сыграла свою роль, безусловно. То есть, отношение к Шеварднадзе было как к разрушителю Советского Союза, врагу армии. И поэтому можно говорить о том, что российские военные занимали здесь свою позицию, во многом самостоятельную. Если же говорить о российских спецслужбах, то демонизировать их роль совершенно не стоит, потому что они в этот период переживали процесс перманентных реорганизаций. Говорить о том, что российские спецслужбы – это «рука Москвы», как в свое время в годы «холодной войны» пугал Вашингтон, тоже представляется не очень возможным, если иметь в виду грузино-абхазскую ситуацию. Была еще одна Россия – Россия региональная. Можно говорить о том, что и здесь была политика очень разная. Если мы, допустим, посмотрим на президента Кокова, то президент Коков занял очень осторожную позицию, потому что у него в Нальчике был свой очень интересный игрок – Конфедерация горских народов Кавказа, которая выступила в поддержку Абхазии, безусловно. И не просто выступила в поддержку Абхазии, но и попросила Кокова поделиться властью и фактически передать ее Конгрессу кабардинского народа, чего Коков не мог. И это спровоцировало серьезный политический кризис осенью 1992 года в Кабардино-Балкарии. А что касается президента Джаримова в Адыгее, то там совершенно другая реакция. Практически открытая поддержка Ардзинба, открытая поддержка Абхазии, открытый призыв поддержать абхазскую сторону, в том числе и военным путем, фактически открытый набор добровольцев и поздравления, телеграммы с удачным штурмом Сухума. В Майкопе мне даже показывали, где были эти пункты, как набирали туда и т.д. Вот, пожалуйста, ситуация многоцентрия, многодверности российских интересов, российской политики во время открытой фазы грузино-абхазского конфликта. Если посмотреть Карачаево-Черкес-

сию, да, черкесское движение, конечно, проявило интерес к этому конфликту и поддерживало абхазов, но поскольку большинство в этой республике составляют карачаевцы, и глава республики Владимир Хубиев был карачаевец, там об этом никак официально не заявляли и никак не поддерживали. То есть, много этих политик, как говорится. Поскольку я здесь говорил о военном факторе, то вовлеченность российских военных в конфликт существенно сузила маневр российской власти. Признать, что военные имеют свой интерес, и что их не контролируют, никто не мог, естественно. С другой стороны, я еще раз говорю, Россия испытывала помимо двоевластия, приватизации и других интересных процессов, еще один очень интересный процесс – процесс регионализации, то что называют парадом суверенитетов. И вот здесь зачастую претензии абхазской стороны – почему Россия не признала Абхазию? А потому, что Россия сама переживала страшный процесс регионализации. У нас уже была своя Чечня в 1991-94 годах, фактически свое непризнанное государство со своими органами власти, незаконными вооруженными силами и т.д. Татарстан, с которым худо-бедно в 1994 году удалось подписать договор о разграничении полномочий. Очень много этих полномочий Татарстану было дано, а потом целая сеть договоров о разграничении полномочий с Кабардино-Балкарией, Якутией и т.д. Плюс – российский Северный Кавказ действительно переживал этот всплеск парада суверенитетов. Даже Дагестан, который где-то уже с середины 90-х годов отказался от каких-то крайне сепаратистских идей, в начале 90-х годов даже Дагестан болел сепаратистскими идеями. Реальной силой была Конфедерация горских народов Кавказа. Очень серьезные проблемы также создавал черкесский мир в начале 90-х годов. Поэтому, когда говорят, что российской политикой была политика натравливания чеченцев на грузин, то это не так, это не была политика натравливания. Давайте смотреть более комплексно на эти вещи, не упрощая. Отчасти Россия согласилась или спустила рукава, закрыв глаза, смотрела на участие северокавказских народов, потому что это был процесс канализации северокавказского сепаратизма. Я не знаю, кто бы действовал по-другому. Давайте представим себе реальную ситуацию. Допустим, у Грузии, Армении и Азербайджана появляется такой парад суверенитетов, есть возможность на-

править этот парад в какое-нибудь русло. Всегда есть определенный коридор возможностей. Иногда мы пытаемся решать проблемы, особенно конфликтные, исходя из каких-то романтических представлений. На мой взгляд, циничное миротворчество и циничный прагматичный разговор иногда более, может быть, полезен, потому что он дает реальную подвижку, реальные продвижения к урегулированию ситуации. В том, что в 1993 году грузино-абхазский конфликт завершился, я, например, вижу большую позитивную роль, которую действительно сыграла Россия. Российское государство к этому моменту несколько усилилось. Она перестала быть той отрицательной величиной, которой была в начале 90-х годов, не ноль, а отрицательная величина... 93-94 годы – это решение о создании зоны безопасности и именно российские миротворцы, которые хотя и действуют по мандату СНГ, сегодня являются разделяющей силой. Россия сыграла позитивную роль. Здесь я больше о негативе говорил. А здесь позитивный момент то, что Россия смогла остановить вооруженную, открытую, горячую военную фазу этого конфликта. В любом конфликте всегда есть победители и побежденные, безусловно, нравится это кому-то или не нравится. Кто-то потерял больше. Абхазия, безусловно, стала для Грузии этнонациональной травмой. Это, безусловно. Потому что само по себе грузинское самоопределение, еще в апреле 89 года, это ведь была реакция на Лыхненский сход. То есть, сама борьба за самоопределение, за отделение во многом оказалась зарифмована с Абхазией. Грузинская независимость и Абхазия оказались такими братьями, сямскими близнецами. Поэтому это была большая травма. Но теперь представим себе на секунду, что Россия отказывается от своей миротворческой миссии. Мне часто приходилось слышать со стороны грузинских коллег, что Россия нечестный маклер, что она ведет себя не очень хорошо в грузино-абхазском конфликте. Здесь вспоминается чаще всего инцидент 98 года в Гальском районе, который с грузинской стороны называется второй этнической чисткой. Я сейчас специально говорю об этом с грузинской стороны, не делаю никаких собственных оценок и умозаключений по поводу этой ситуации. По крайней мере, можно констатировать также, что жесткая проамериканская риторика Шеварднадзе и дрейф его в сторону Запада, в сторону США – это 98 год, до того такого

однозначного отказа от российской ориентации в Грузии не было. Напомню, что в 94 году Грузия вступает в СНГ. В 93 году Россия поддерживает Шеварднадзе еще раз, притом сильно поддерживает во время гражданской войны в Мегрелии. Реально ведь ситуацию спасло именно российское военное вмешательство. В 98 году действительно после событий в Гальском районе, после серии инцидентов в Гальском районе, которые грузинская сторона называет второй этнической чисткой, происходит поворот Грузии однозначно в сторону Соединенных Штатов. И наиболее из всех других стран СНГ Грузия становится жестко антироссийской. И при этом грузинская сторона рассматривает грузино-абхазский, а также грузино-осетинский конфликты во многом в грузино-российском формате. И вот с 98 года это очень четко прослеживается в заявлениях как официальных лиц, так и экспертов. Здесь есть некая солидарность. Признавая определенное влияние России, хотя я уже пытался показать, что действительно какого-то стратегического курса здесь не было, на самом деле. И стратегического намерения оккупировать кусок Грузии. Если бы был этот проект, то они могли это обсуждать, но такого проекта никогда не было реально. Мне кажется, что здесь есть определенная ловушка. Да, влияние России есть, безусловно. Но спросите у абхазских участников – у них разве нет длинного списка претензий к России? Разве все позиции совпадают между Россией и Абхазией по многим пунктам? Нет, конечно. Один из пунктов серьезных претензий с абхазской стороны – это экономическая блокада, которую Россия держала с 94 года. Начались события в Чечне. Очень жесткие действия были сделаны по отношению к Абхазии. Говорить, что Россия однозначно поддерживала Абхазию на протяжении всего этого периода, мы не можем. Да, какие-то вещи, как, например, раздача паспортов может свидетельствовать в пользу этого утверждения. Но раздача паспортов – это один момент, а, допустим, поведение России на выборах в 2004 году – это другой момент. Нельзя это рассматривать как проабхазский момент. Вообще если говорить о выборах 2004 года – это, наверное, особый случай. Когда я был в марте с Александром Скаковым в Абхазии и там выступал на российско-абхазском семинаре, то я говорил о том, что выборы октября 2004 года стали для Абхазии второй важной вехой в идентификации этой не-

признанной республики, в политическом сознании и т.д. Если в 1992 году был сделан выбор просто в пользу независимости, «нам нужна независимость и все, неважно какая», при этом содержательные аспекты этой независимости не обсуждаются. В известном смысле с какой-то натяжкой принцип Энвера Хаджи – «будем мы есть траву, но капиталистам на поклон не пойдем», «да, будем есть траву, но к грузинам не пойдем». Но уже в 2004 году происходит наполнение независимости неким содержанием. «Мы хотим, чтобы у нас был более прозрачный политический класс, а не коррумпированный. Мы хотим нормального государства, а не номенклатуры, которая приватизирует власть и, в общем-то, стрижет купоны на дележке ресурсов. Мы не хотим власть по принципу семьи. Мы хотим нормальной политической конкуренции. Мы хотим нормального гражданского общества, при этом оставаясь независимыми». Это очень важная вещь на самом деле, потому что вопрос независимости это тот вопрос, по которому абхазский политический класс, абхазская элита, абхазское общество достигло консенсуса. Это не обсуждаемые вещи. Если сравнивать ситуацию в Чечне, то у России всегда в Чечне были свои коллаборанты – Гантамировы, Кадыровы, Завгаевы, Автурхановы. Другой вопрос – какого качества эти коллаборанты. Это другой вопрос. Насколько они искренне преданы России. По крайней мере, они себя так позиционируют и работают на этот имидж. У Грузии в Абхазии мы не можем назвать коллаборантов. То есть, какие-то территории, какие-то группы людей именно этнических абхазов, которые бы заявляли себя сторонниками в той или иной форме интеграции в состав Грузии. Грузинская сторона, допустим, мне может назвать Аду Маршания. Ну, а сколько пушек у Ады Маршания? Сколько и что она контролирует? У Автурханова были пушки, у него были территории, был Надтеречный район. У Ады Маршания ничего подобного нет. Ее влияние в Сухуми или в Гагре в общем-то равно нулю, либо стремится к этой замечательной величине. То есть, говорить о том, что есть коллаборанты, мы не можем.

Я уже стремлюсь к завершению. Я уже буду, как говорит генерал, «подводить ремуже сказанному». Потому что мыслей есть очень много. Я специально попытался какие-то полемические вещи проговорить без жесткой структуры.

Почему я заговорил о коллаборантах? Это говорит о том, что во многом проблема грузино-абхазского конфликта заключается в поисках нормальных отношений, нормального диалога Тбилиси с Сухуми, а не с Москвой. Мы видим, что Москва очень многие вещи понимает не вполне адекватно, это и выборы показали. Было пять пророссийских кандидатов. Зачем поддерживать кого-то одного? Ну, это же совершенно очевидно любому. Поддержите всех пятерых понемногу. И кто победит, того и назовите нашим. И скажите, что именно этого вы ждали и стремились и хотели всегда и всю жизнь. Что это действительно, ваш друг и брат навсегда. А не объявляйте какие-то паузы потому, что лично кто-то с кем-то там какие-то вопросы не решил.

Если говорить о российской политике на Кавказе, «подводя резюме», мне кажется, что проблема здесь во многом в эффективности и целостности России самой как государства. Я обсуждаю в этом кругу эту нашу внутреннюю проблему, потому что от этого во многом зависит успех российской политики, в том числе на Кавказе в постсоветском пространстве. Россия, наконец, должна себя самоидентифицировать, а не продолжать оставаться осколком Советского Союза. Россия – это другое государство. Это не плохо, и не хорошо. Нельзя в качестве идентичности брать Советский Союз. Когда Газманов поет «я рожден в Советском Союзе», создается ощущение сумасшедшего дома. Ну, какая Прибалтика в составе России? Россия это новое государство и должна быть новая идентичность – российская, а не советская. Соответственно под это должны выстраиваться управленческие структуры, образовательные программы и т.д. Потому что не может быть в российском государстве советская армия, советская милиция, милиция борется со спекулянтами, спецслужбы, которые симпатизируют коммунистическому Китаю, просто потому что он коммунистический, не задумываясь о реальных национальных интересах и т.д. Государство борется с терроризмом, а у нас улицы называются именами Кибальчича, Перовской и т.д. То есть, улицы имен террористов. Но не может государство, борющееся с терроризмом, иметь своими символами террористов, для начала.

И второй очень важный момент. Государство должно быть действительно очень формализованным. То, что видим мы сейчас, к сожалению, это не усиление государства. Когда мы говорим о системе

назначений при отсутствии публичных процедур, при отсутствии политической конкуренции, это только приводит к системе коррупционной вертикали и к фундаментальному ослаблению государства. Это приводит к усилению номенклатуры как правящего класса, но не к усилению государства. Это принципиально разные вещи. А если говорить о регионах, то, что происходит в Чечне, например, это просто сдача власти бывшим сепаратистам, которые фактически системные сепаратисты, которые не бегают по горам, повесили в кабинете портрет Путина и российский триколор, но это вовсе не означает, что они действуют в интересах России и проводят пророссийскую политику. Я сразу оговорюсь, что я сторонник жестких действий по отношению к чеченским сепаратистам, всегда был и остаюсь. То есть, одна из задач российской власти – действительно усиление государства, именно государства, а не номенклатуры, минимизация коррупции, потому что побороть ее окончательно просто невозможно. Необходимо установление формальных связей, не коррупционно-клановых, не вот этот тейп или этот вирт танцует и делит власть, а установление нормальной политической конкуренции. Сейчас действительно в России демократ и патриот – это не противоположные слова, о чем у нас пытались говорить в начале 90-х годов. И противопоставлять эти вещи совершенно глупо. Это вещи абсолютно тождественны именно сейчас, вот некий момент истины. Потому что действительно сохранение России как единой большой страны с большим влиянием на постсоветское пространство возможно только при условии сильного ответственного демократического государства. Во многом России нужно самоопределиться и тогда уже предложить на постсоветское пространство некий реальный проект. Не советскую ностальгию, не первых районных секретарей, которые когда-то мылись в бане с первыми российскими секретарями, а реальный проект, реальные экономические интересы, реальные гранты и тогда уже привязывать к себе и экспертные сообщества, и политическую элиту постсоветских государств. Еще раз скажу, что для меня это безальтернативный вопрос – российское присутствие на постсоветском пространстве должно быть. Хотя бы даже потому, что у России есть реальный исторический опыт управления этими территориями, реальные знания этих территорий. Мы можем говорить

о том, хорош американский формат присутствия на Кавказе или плох, это вопрос дискутируемый, но пусть официальные американские структуры покажут мне, например, план грузино-абхазского урегулирования. Он есть? И если он есть, то я хотел бы с ним ознакомиться не для того, чтобы его критиковать... раз американский не значит обязательно критиковать. Но он должен быть, если есть такое присутствие и желание. Пока этого нет. Пока единственным гарантом в той же грузино-абхазской ситуации является российский миротворческий контингент. Давайте из этого исходить.

Еще раз скажу, что я не пытался выстроить очень жесткий структурный доклад. Я хотел обозначить вот такими мазками болевые точки в этой проблеме. Спасибо.

ДИСКУССИЯ

Михаил Мирзиашвили – У меня два вопроса. По Вашему докладу мне показалось, что у России нет четкой политики или она фрагментарна, раздроблена. Но в конце Вы сказали, что все-таки Россия должна присутствовать на Южном Кавказе, потому что у России есть опыт и знание этого региона. И что она там должна делать, по-вашему? Если, с одной стороны, нет политики, очень много ошибок, с другой стороны есть знания, которые она как-то не использует. Если она использует эти знания, то в чем она их должна использовать? Какое присутствие должно быть? Экономическое, политическое или другое? Это один вопрос.

И другое – это уточнение. Вы сказали, что Россия не могла не реагировать на южноосетинский и абхазский конфликты. Вы привели пример, что этот конфликт перешел на Северный Кавказ, южноосетинские формирования участвовали в ингушском конфликте. И потом Вы сказали об абхазском конфликте. Я бы хотел уточнить – как абхазский конфликт влиял на Северный Кавказ?

Сергей Маркедонов – Момент первый – методологический. Я не делаю знака равенства, не отождествляю Россию и нынешнюю политическую элиту. Приходят президенты... Ельцин, Путин, Иванов,

Петров, Сидоров... Россия – это другое, Россия остается, президенты и элиты уходят. У России есть объективные интересы на Южном Кавказе. Я уже сказал об этом. Действительно, Кавказ – это регион, который можно определить в соответствии с очень интересной теорией американской историографии политологии как фронтир. То есть, это территория, где нет жестких, четких, устоявшихся границ на сегодняшний момент, нет четких устоявшихся идентичностей, устоявшихся государств, состоявшихся, состоятельных государств и т.д. Поэтому задача России закрыть фронтир. Фронтиры заканчиваются тогда, когда все эти вещи «устаканиваются», как пишет один из исследователей американского фронта господин Томпсон. Я считаю, что задача России, первая и главная – это обеспечение стабильности и безопасности в этом беспокойном регионе. Стабильный и безопасный Кавказ России нужен. Стабильность и безопасность на Южном Кавказе означает повышение градуса стабильности и безопасности на российском Северном Кавказе, а значит, это повышает и уровень состоятельности России как государства. При беспокойном фрагментированном Северном Кавказе Россия тоже не может быть вполне состоятельным государством, назовем вещи своими именами. То есть, нет четкой политики сейчас – это не значит, что этой политики не должно быть. Некоторые принципиальные ее моменты я попытался озвучить, связанные с идентичностью, с проектированием, конечно, должно быть экономическое присутствие. На мой взгляд, если попробовать приземлить это в плоскость российско-грузинских отношений, помните ближневосточный конфликт и формулу Рабина – надо вести переговоры так, как будто нет никакого терроризма и бороться с терроризмом так, как будто нет никаких переговоров. России нужно экономическое присутствие в Грузии, нужно новое меню грузино-российских отношений. Здесь и вопросы приватизации, например, вопросы проникновения российского бизнеса должны обсуждаться, и эти проекты должны реализовываться. Абхазия – это отдельная вещь, которая, на мой взгляд, должна быть выведена из «меню» российско-грузинских отношений и рассматриваться в «меню» отдельном. Это отдельная проблема. И с Грузией надо отношения пытаться выстраивать так, как будто пока нет никакой Абхазии. Помните, как в фильме «Ватерлоо»: «Где пруж-

саки? На луне». Выстраивать вещи, которые соответствуют интересам и России, и Грузии. Это, например, охрана дагестанского и чеченского участков границы. А то, что касается Абхазии, я еще раз говорю, ключ этой проблемы надо искать не только и не столько в Москве, но и в самом Тбилиси. Грузия на сегодняшний момент готова, например, предложить государственный проект, основанный на идее гражданской нации? То есть, не Грузия для грузин, не Грузия с верховенством этнического большинства, а гражданская нация. Хотя бы то, что Россия сделала как многонациональный народ Российской Федерации. Готова Грузия записать в своей Конституции, что сувереном власти, сувереном в этой стране является многонациональный народ Грузии, грузинской республики? Готова или нет?

Реплика – должна.

Сергей Маркедонов – Да, совершенно верно. Должна быть готова. То есть, здесь очень многие моменты и очень многие вещи упираются в волю и желание политического класса Тбилиси. Я понял бы и, может быть, принял бы и разделил бы весь пафос и всю критику грузинских экспертов, моих коллег и моих даже товарищей хороших, когда Грузия бы все это сделала и перешла бы к концепции гражданской нации, к реальному федерализму в Грузии, и бюджетному и политическому и т.д. Если бы вы все это сделали, то можно было бы сказать: смотрите, мы все это сделали, а Россия там что-то торпедирует. Тогда пафос понятен, тогда я его принимаю. А пока этих вещей не сделано. Например, то, что касается Осетии – мы дадим самую широкую степень автономии. А ее пощупать можно, эту степень автономии? Где? В чем?

Вот мне Александр подсказывает, что действительно, очень многие вещи здесь идут в противоположном направлении.

Мы сейчас не Россию обсуждаем. Дойдет очередь, я скажу и о России. Как вы видели, я не собираюсь приукрашивать российскую действительность. Я считаю, что просто нельзя говорить о том, что ключи к урегулированию грузино-абхазского конфликта лежат в Кремле. Эти ключи разные, от разных участков и в разных местах. Я призываю к панорамному мышлению. Не надо искать универсальную

отмычку. Вот Кремль, мы сейчас туда доберемся, и там лежит ключ. Нет, все это значительно сложнее. Есть настроение людей, есть фобии на уровне массового сознания. Некоторые предлагают: давайте купим какую-то элиту. Это же тоже путь утопичный. Ну, элиту вы купите, а все население? Или каждого купите с конвертом? Так, наверное, нельзя. То есть, Россия должна присутствовать на Кавказе.

И второй Ваш вопрос насчет влияния абхазского конфликта на внутрикавказскую ситуацию. Я уже здесь говорил об оживлении в связи с грузино-абхазским конфликтом этнонациональных, этнонационалистических движений на Кавказе. Самый мощный здесь игрок был – это Конфедерация горских народов Кавказа во главе с Мусой Шанибовым или в миру Юрием Шанибовым, этническим кабардинцем, историком. Произошла некоторая дестабилизация ситуации в Кабардино-Балкарии в сентябре-октябре 1992 года, когда на волне проабхазских настроений проводили митинги Конфедерация горских народов Кавказа и Конгресс кабардинского народа в Нальчике с требованием к руководству Кабардино-Балкарии занять более радикальную позицию, поддержать открыто абхазцев, начался сбор оружия и т.д. И президент Коков, который понимал, что у него республика двусубъектная, он не может исключительно на кабардинский ресурс ориентироваться, прибег к помощи российского федерального центра. Был тогда приглашен российский ОМОН, и определенный порядок в Нальчике был наведен. Конгресс кабардинского народа был осужден как экстремистская организация. И фактически после этого он утратил политическое влияние на ситуацию. Хотя, например, к десятилетию со дня победы абхазов в грузино-абхазской войне, так я бы стал называть, в Нальчике попытались организовать выставку, посвященную участникам этого конфликта. Многие кабардинцы приняли деятельное участие в грузино-абхазском конфликте. Султан Сосналиев – министр обороны – он же кабардинец этнический, был министром обороны во время конфликта, и сейчас является министром обороны.

То же самое касается ситуации в Адыгее. Я уже, в принципе, об этом рассказывал. Просто повторяться, наверное, не имеет смысла. Просто произошло очень сильное оживление идеи всеадыгского, всечеченского интегризма, я бы так сказал. Во время грузино-аб-

хазской войны несколько очень важных форумов были проведены в Адыгее. Тогда очень активно стала педалировать идея репатриации черкесов в Адыгею. Потом были приняты соответствующие законодательные акты, но это было уже чуть позже после грузино-абхазского конфликта. Однако массовой репатриации не произошло. Если взять Кабардино-Балкарию, то порядка 500-600 человек – представителей потомков махаджиров-черкесов вернулось. В Адыгее – то же самое. То есть, была попытка во время косовского конфликта вернуть косовских адыгов на территорию Адыгеи. Но идея в принципе провалилась, потому что они попали под мощный рэкет собственных соотечественников. Но в любом случае, очень питательная почва для идеи черкесского интегризма, репатриации, идеи этнической собственности на адыгскую землю. Эти идеи получили свою питательную почву именно в это время. Кстати, Адыгея, если говорить о республиках Северного Кавказа, являлась одним из рекордсменов по нарушению федерального законодательства. Там, например, кандидат в президенты должен был иметь ценз оседлости и знать обязательно адыгейский язык. Это к вопросу об уровне федерализма. Видите, какой в России был запредельный уровень федерализма. В результате, во время кампании 1997 года в Адыгее не прошел кандидат Леднев, потому что он не знал адыгейского языка и не проживал определенного времени на территории Адыгеи. Он был просто отцеплен на уровне сбора подписей. Он был сотрудником федерального министерства социальной защиты. Это к вопросу об уровне автономии в России. Готова Грузия, например, предоставить такой статус Абхазии на сегодняшний момент? Или Южной Осетии?

Вальгер Кауфманн – Мне был очень интересен Ваш доклад и очень много для меня понятного. Смутила меня одна вещь. Вы сказали, что Россия компетентна, потому что именно знает эти территории. Вы употребили именно слово «территории», когда Вы говорили о Южном Кавказе. И в этом для меня отражается отношение – опять это территория, а не общество или государства. Понятно, что сложные государства, не очень совершенные и, может быть, еще не существующие в полном смысле слова. Все-таки, интересно отношение к этой

теме. Мне хотелось бы услышать – какие Вы видите интересы Грузии в России, если Вы ставите себя в позицию грузинского политика?

Сергей Маркедонов – То есть, мне надо немножко перевоплотиться в грузинского политика. Если бы я был президентом Саакашвили или его советником, то что бы я посоветовал? Когда я говорил о территории, здесь не было однозначно негативной коннотации. Я просто назвал это территорией, подразумевая, что это включает в себя и общество, и государство, и социокультурное пространство и т.д. Мы ведь с вами не будем отрицать, что территория Кавказа, общества, этносы кавказские входили в состав российского государства под разными флагами с конца XVII – начала XIX столетия. Это определенный опыт взаимодействия. Если мы говорим о грузинской литературе, армянской литературе, азербайджанской – ее знают хорошо в России. И интеллектуальное российское сообщество действительно любит, уважает и знает все эти вещи. Кинематограф, литература и т.д. Средний российский интеллектуал знает, кто такой Шота Руставели. Я, честно говоря, не сомневаюсь в компетентности и знаниях европейских и американских коллег, но сомневаюсь, чтобы имена Шота Руставели, Важа Пшавела говорили кому-то что-то более, чем просто название. Это тоже важный момент. Здесь можно говорить и о контактах между различными элитами, начиная от Багратиона и Лорис-Меликова, заканчивая ханом Нахичеванским. Кстати, два генерала, которые в 17 году отказались признавать власть Временного правительства – один из двух это хан Нахичеванский, татарин, как тогда называли – кавказский, этнический азербайджанец. То есть, степень интеграции элит достаточно высока была. Общий язык, общий background. Я об этом уже говорил. Скажем, когда в 57 году начался процесс европейской интеграции, вот такого близкого соприкосновения не было. Вам, наверное, прекрасно известен опыт взаимоотношений Франции и Германии. Очень сложный исторический опыт, который удалось преодолеть и достичь того уровня интеграции, который есть сейчас, и который является примером для подражания. Я говорил об этом, прежде всего. Речь идет не о том, чтобы эти государства, эти нации, эти территории вошли в состав России. Речь идет о добрососедских отношениях с сильным российским эко-

номическим и политическим влиянием. В этом я ничего плохого опять же не вижу, в том, что такое влияние есть и будет, учитывая все те факторы, о которых я сказал.

Теперь, что касается интересов Грузии в России. Ну, не будем забывать такой момент, как достаточно большая грузинская община в составе российского государства. Если говорить о большой для грузинской стороны проблеме беженцев из Абхазии, то порядка пятидесяти тысяч по моим оценкам грузин проживает на территории Российской Федерации – беженцев из Абхазии. Не вообще грузин, а беженцев из Абхазии. Притом, по некоторым оценкам в Москве – порядка десяти тысяч.

Реплика – Проживают или выживают?

Сергей Маркедонов – Кто проживает, а кто выживает. По-разному, кто-то проживает, кто-то выживает, кто-то процветает. Вот об этом бы я заботился, и меня бы это интересовало. Естественно, если бы я был грузинским политиком, безусловно, меня интересовала бы проблема целостности Грузии. Безусловно, чего греха таить. Я бы пытался рекомендовать какие-то вещи, направленные на восстановление этой территориальной целостности. Раз Грузия – государство признанное, притом признанное в границах Грузинской ССР, то я бы эти вещи предлагал. Другой вопрос, какими способами и средствами. То, что произошло в прошлом году в Южной Осетии, показало, что вооруженный кавалерийский сценарий невозможен. Скорее всего, предложения носили бы такой характер, как говорил генерал Ермолов – «не штурм, а длительной осады». Прямой штурм и прямое какое-то политическое давление невозможно. Если в Южной Осетии, допустим, есть грузинские анклав, есть даже в южноосетинской администрации этнические грузины, и проблема осетин, она не столь, скажем, в отличие от проблемы абхазской, территориальная, она не привязана к конкретной территории. Много осетин и в Тбилиси проживало, и в Боржоме и т.д. Они лучше знают грузинскую культуру и грузинский язык. То есть, один из первых пунктов предложения – это диверсификация грузинской политики к разным территориям. Наверное, более мягкая по отношению к осетинскому воп-

росу, потому что здесь можно найти и определенных коллаборантов. Футболист Гугаев – знаковая фигура, Вашим соотечественникам, немцам, забил гол в 81 году. То есть, есть определенные коллаборанты, есть определенные заявления. Вот недавнее заявление Важи Хачапуридзе, которое было дезавуировано, было оно или не было, но по крайней мере ничего подобного в абхазской ситуации быть не может. Наверное, по абхазской ситуации, если бы я был грузинским политиком, более жесткую какую-то линию выработал бы. Но, очевидно, что с военной точки зрения ничего бы не улыбалось. Поэтому более жесткую риторику, но без военного вмешательства. Даже имея около двухсот пятидесяти тысяч грузин на территории Абхазии, военное вмешательство Грузии закончилось поражением. А сейчас нет и этих агентов влияния, условно говоря. Поэтому более жесткая риторика. Понятно, что военный путь и в осетинском и в абхазском случае невозможен. Нет ресурсов у Грузии для этого. Жесткая риторика – это не война, безусловно. То есть, если бы я был советником президента Грузии, я бы посоветовал педалировать все время, во-первых, тему беженцев, гуманитарная катастрофа, гуманитарные аспекты и т.д. и работать на международный имидж в этой связи. Говорить об этнически чистом государстве и т.д., конечно, нет.

Лариса Сотиева – Я тоже с большим интересом слушала Ваш доклад. И для себя отметила очень важный момент. Вы говорили о военном факторе во время активного грузино-абхазского противостояния. Вы отметили, что военные в какой-то момент стали автономны от российской власти. И мне бы хотелось услышать Ваш прогноз на сегодняшний день в будущем. Что может случиться сегодня, когда власть сконцентрирована у силовиков, у военных? Живя на Северном Кавказе, я бы сказала, что у меня такое чувство, что военные делают политику. Мне кажется, что какие-то генералы, которые еще не достроили дачи в Подмосковье, хотят продолжения конфликта, они хотят провозить чеченскую нефть, делать деньги и т.д. На самом деле, у людей такое чувство, что война необходима для бизнеса. Вот другой пример – тот же Кадыров. Кадыров очень тесно сотрудничает с военными, они делают бешеные деньги. Я не могу сказать, что Кадыров поддерживает национальную политику России. Каковы

могут быть прогнозы? И, конечно, все это будет сильно влиять на конфликты на Южном Кавказе и на Северном Кавказе.

Сергей Маркедонов – Я бы не переоценивал... Один из традиционно кавказских пунктов излишней демонизации – это фактор военных. Да, в начале 90-х годов военные действительно приобрели определенную автономию. Это было вызвано теми процессами, которые я уже называл: процесс двоевластия, приватизации и т.д. И еще один очень важный момент. Ельцинское руководство военных боялось, отсюда так сказать, эта сфера вообще была вне сферы интересов, прошу прощения за тавтологию, российского руководства. Когда опомнились, поняли, что военные у нас вряд ли способны играть политическую роль. Действительно, смотрите, сначала 90-х годов в России все говорят о том, что военные – коммунисты, националисты, но при этом не было ни одного военного путча. Чисто военного путча. Ничего подобного «ААС», например, во Франции в России нет, и не было. И терроризма, связанного с деятельностью военных, который потряс Францию в 50-60 годы. Ничего подобного нет. И я думаю, что не будет. Был, правда, избран не очень хороший, на мой взгляд, в ельцинский период курс на покупку, скажем, генералитета, который хотели встроить в систему приватизации власти в известном смысле и обеспечить его лояльность. Эта задача решена. И сейчас я думаю, что военные в Абхазии и вообще российские военные вряд ли какую-то самостоятельную политическую линию будут проводить.

Теперь по поводу войны и бизнеса в Чечне. Я категорический сторонник разделения чеченской проблемы и эксцессов чеченской проблемы. Это разные вещи. То, что чеченский сепаратизм требовал федерального вмешательства, в том числе силового вмешательства, для меня совершенно очевидный и непреложный факт. Я не считаю это чеченской войной, как говорят, потому что активных боевых действий нет, война как боевое действие двух сторон не ведется. Это не то, что абхазские и грузинские части. Некие чеченские части, некий единый центр сопротивления и российские части – этого нет. Война как таковая, в первую чеченскую кампанию началась в декабре и к весне она была закончена как война. Вторая начиналась в августе в

Дагестане и, в принципе, к новому году, поскольку тут и Дагестан был завязан, военная фаза закончилась. Дальше – терроризм, дальше – диверсии, дальше – партизанские действия. Войны нет, как войны двух центров. Поэтому если касаться чеченской темы, почему я противник идеи переговоров? Потому что никакой общий лидер чеченцев реально не контролирует всю ситуацию. Бессмысленно было с Масхадовым вести переговоры, потому что как Джерри Адамс, он не мог дать приказ прекратить боевые действия. Его бы не выполнили, и не выполняли. Если говорить о Масхадове, то этот человек трижды нарушил им подписанные Хасавюртовские соглашения. Чеченская тема для меня тема больная и интересная. Одним из первых пунктов Хасавюртовских соглашений было коалиционное правительство. Пятьдесят процентов дудаевцев, пятьдесят процентов завгаевцев. Оно было тут же сорвано Масхадовым, который сам стал премьер-министром правительства. И там были одни сепаратисты. Там был пункт о 2001 году, статус Чечни был отложен. В 97 году Чечня поправками своей Конституции была провозглашена исламским государством. Это было второе нарушение Хасавюртовских соглашений. Третий раз было нарушено через три недели. Соглашение предполагало отсутствие диверсий и нападений. Начались нападения на российские военные части через три недели после Хасавюрта. И еще один очень важный момент. Судопроизводство на шариатской основе через три недели после Хасавюрта. Поэтому не вижу смысла говорить о переговорах, потому что нет субъекта переговоров и нет объекта переговоров. А о чем мы будем переговариваться? Переговоры предполагают некий объект. Грузины и абхазы собираются обсуждать статус Абхазии. Это объект переговоров. А в Чечне, скажите мне пожалуйста, может быть, вы знаете, а я просто не знаю, кто из полевых чеченских командиров выступает за независимую республику Ичкерия? Да никто. Нет таких. Никакой независимости чеченской республики Ичкерия никто не выдвигает как политическое требование. Уже нет этого. Это было в самом начале 90-х. Нет этого требования. Поэтому о чем пока говорить? Абхазский бизнес в Тбилиси я что-то не припомню, а чеченский бизнес в Москве, Петербурге есть. Об истреблении в Чечне я бы тоже не стал говорить, как о некоем сознательном курсе.

И по поводу генералов и бизнеса. Я не отрицаю тех эксцессов, которые связаны с деятельностью военных или спецслужбистов в Чечне. Но я бы разводил вещи связанные с эксцессами и нарушениями и необходимость силового вмешательства в Чечне. Это две разные вещи. Кадыров и военные – это все-таки, на мой взгляд, два разных центра силы. Одна из проблем Чечни, и очень серьезная на мой взгляд, это раздробленность власти. Она рассредоточена между военными, кадыровской администрацией, российскими федеральными агентствами и ведомствами и т.д. Нет некоего единого центра антикризисного управления республикой. Должен быть некий единый антикризисный центр со своей стратегией, которая не сводится только исключительно к ситуативным зачисткам, которые, кстати, не очень эффективны. Я бы об этом сказал вот так. То, что власть попала в руки выходцев из спецслужб, вовсе не означает, что это повышение этатизма, этатистского качества элиты. Люди, которые выходят из спецслужб, но играют по частным интересам или корпоративным, а не по общенациональным, мало чем отличаются от олигархов. Они играют по корпоративным интересам, только он не олигархический, а связан общей историей, общим background'ом чекистским. Нет общенационального взгляда на все эти вещи. То есть, появление большого количества чекистов у власти не повышает этатизм. Это просто некая мимикрия номенклатуры, номенклатурного капитализма, который сложился в России. Вот так бы я оценил эту ситуацию.

Прогнозы по ситуации в России в целом... К сожалению, если говорить о российском Северном Кавказе, сейчас мы наблюдаем очень сильное оживление и обновление конфликтов, которые вчера казалось, были урегулированы. Возьмем, например, кабардино-балкарский конфликт. Он в 96 году казался в принципе совершенно решенным. Теперь ожидание муниципальной реформы очень обострило эту ситуацию. Было несколько балкарских митингов из-за территориально-административных преобразований. Честно говоря, у меня очень нехороший прогноз в связи с муниципальной реформой. Как федерализм в России невозможен под один стандарт, Магадан и Дагестан – слишком разные территории. И муниципальная реформа тоже под один стандарт невозможна. Просто механическое увеличение муниципалитетов может привести к этническим спорам. И, кста-

ти, в ожидании муниципальной реформы очень сильно обострился осетино-ингушский конфликт, вам хорошо знакомый. Как будут делить Пригородный район? С муниципальной реформой у меня связаны не очень хорошие предчувствия. Парад суверенитетов начала 90-х годов на Кавказе был вызван реакцией местных элит. Местные этнонационалисты, как оппозиционные, так и партократы, просто конвертировали свою партийную принадлежность на этнонационализм, это они предложили эту повестку дня, и власть была вынуждена как-то реагировать. Нынешнее же обновление конфликтов, во многом, уже является результатом ошибок самой власти. Возьмите, например, ситуацию в Адыгее. Буквально на пустом месте обостряется в связи с идеей объединения с Краснодарским краем. Про ситуацию по осетино-ингушскому конфликту я сказал. Чечено-дагестанские противоречия. Очень серьезный клубок. Одна неудачная зачистка и вспыхивает весь клубок чечено-аварско-кумыкско-лакских отношений. Это обновление конфликтов на Северном Кавказе меня немножко пугает, честно говоря. И пугает еще потому, что я не очень вижу стратегию. Когда Дмитрий Козак в своем докладе пишет о том, что власти в республиках фактически приватизированы местными элитами, нет демократизации, нет каких-то высоких стандартов, я готов аплодировать Дмитрию Козаку. Но у меня к нему вопрос: «Господин Козак, а не ты ли поддержал господина Бетдыева со своим зятем? Не ты ли помог назначить господина Зязикова, который в условиях Беслана повел себя просто не как политик и не как мужчина? Разве не вы проводите политику кадыровизации Чечни, то есть, сдачи ее чисто внешней лояльности?». Здесь больше вопросов, чем ответов. Поэтому прогнозы здесь умеренно-пессимистичные.

Батал Кобахия – Вы говорили, что Россия – осколок СССР. На самом деле это мы осколки, а не Россия. Я бы сказал, что это была некая российская идентичность, сформированная в советское время. И вот в процессе потери такой российской идентичности, с распадом СССР, мы имели массу конфликтов. Я хотел бы задать такой вопрос. Вы сказали, что Россия находится в поиске новой идентичности. Каков Ваш прогноз, в процессе поиске самоидентификации, какие еще катаклизмы нам стоит ожидать? Ну, не на Северном Кав-

казе. Там уже понятно Вы выразили. Понятно, что уже ничего не скажешь по этому поводу. А вот на Южном Кавказе, как Вы думаете, какие еще катаклизмы нам стоит ожидать, потому что ясно, что и конфликты были спровоцированы частично потерей идентичности, а вот формирование новой идентичности – это хорошо будет для нас или еще хуже?

Сергей Маркедонов – Поиск новой идентичности – это не плохо и не хорошо. У нас действительно была общая советская идентичность. Это так. И она была не только навязываемая, это концепция советского народа. Помимо навязывания она имела определенные корни. Если мы посмотрим на другой конфликт, на другой территории нерушимого Советского Союза – Приднестровье, то приднестровская идентичность во многом была советской идентичностью. Она не была этнической, это не была борьба русских против молдаван. Это была борьба во многом советской идентичности, учитывая особенности Приднестровья. Там было много предприятий подчиненных союзному центру. Игорь Смирнов появился там в 87 году, сам дальневосточник и т.д. Это был конфликт советской идентичности в чем-то. На первом этапе мне кажется, что и в Абхазии, и в Южной Осетии был отчасти конфликт тоже советской идентичности. Это было на первом этапе, по крайней мере. Действительно, если мы посмотрим на политическую борьбу осетин и абхазов в 1989-1991 годах, то это вряд ли можно назвать сепаратизмом. Это не сепаратизм, потому что выступали за Советский Союз и сохранение этой идентичности, этой единой страны. Сепаратистами стали после 1991 года, после распада СССР по отношению к Грузии. Конечно, процесс поиска новой идентичности – это болезненная вещь. Но без этого нельзя. Действительно, Советского Союза нет. На сегодняшний момент нет ни политических, ни силовых, ни военных, ни идейно-политических предпосылок для его восстановления. Как сказал наш президент о том, что «кто не тоскует по Советскому Союзу, у того нет сердца, а кто хочет его возрождения, у того нет головы». Действительно, сердце. Наши эмоции как-то связаны с Советским Союзом, но очевидно, что никаких предпосылок для его восстановления нет и быть не может. Потому что для этого надо будет восстанавливать ЦК КПСС, плановую экономику, советскую

идентичность. Советский Союз без всех этих вещей невозможен. Надо было сделать демократический союз, но тогда бы это был уже не Советский Союз. Помню, как-то в школьные годы я писал сочинение по Островскому «Луч света в темном царстве», Катерина и т.д., и я там написал, что Катерина бросилась в Волгу, а надо было бороться за свои права. Мой замечательный учитель написал, что тогда это была бы не Катерина. Поэтому тогда это был бы уже не Советский Союз, а что-то другое. Какая нужна идентичность? Ну, это вопрос не столько ко мне, сколько к вам – жителям Южного Кавказа, какой вы хотите видеть эту идентичность. То ли поставить во главу угла фактор этнический, то, что Шлезингер называл – сделать основой государственного культа этничности. Грузия – это территория для грузин, Абхазия – только абхазов, тут только грузины ходят, здесь только абхазы ходят, там только армяне ходят и больше никто. Либо сделать ставку на другую идентичность. На мой взгляд, в условиях Кавказа, более привлекателен не принцип Шлезингера, а нация согражданства. Можно говорить о французском понимании нации – нации как согражданства. Потому что иначе круг замыкается. Получается, что Южная Осетия, Абхазия или Карабах начинают бегство от больших сообществ, которые навязывают им свою этническую идентичность, а сами повторяют тот же самый путь. И уже меньшинства, которые оказываются там – армянское в Абхазии, допустим, или грузинское в Южной Осетии, они уже чувствуют себя не совсем в своей тарелке, не совсем в своей стране. На мой взгляд, концепция политической идентичности более привлекательна. И, кстати, я рискну сказать мысль, если бы я был уже советником абхазской стороны, то я бы много постарался сделать для интеграции вернувшихся в Гальский район мегрелов – сделать из них, так сказать, проводников идеи независимой Абхазии. Это можно, на мой взгляд, сделать. Можно и нужно было сделать то же самое и с армянами. То есть, нельзя рассматривать эти этнические меньшинства, как людей второго сорта. Ведь в абхазской Конституции, насколько я знаю, записано, что президентом может стать этнический абхазец. А как вы будете мерить кровь? А если русский, а если армянин, или кто-то еще намешан? А если классный русский, например, такая персона, как Воронов появится? Почему бы ему не быть главой Абхазии? Я, например, считал бы, что это здорово. Если бы абхазы пошли

по пути не этнического абхазского государства, а сказали бы, что «мы бежали от грузинского этнонационализма, а у нас здесь политическая нация, и есть парочка мегрелов в министерствах и сколько-то депутатов, и они учат абхазский язык и являются патриотами Абхазии», то для европейского сообщества это был бы показатель именно демократической состоятельности Абхазии. То есть, нельзя делать этих людей агентами другого влияния. Потому что у вас получается готовая пятая колонна. Надо сделать из противников союзников, по крайней мере там, где это возможно и нужно. Пока с точки зрения PR, с точки зрения каких-то пропагандистских вещей, идея абхазской полиэтничности проигрывает. Хотя, если мы посмотрим на грузино-абхазский конфликт, он тоже будет многогранный и, может быть, более мозаичный. Например, в составе абхазских сил воевал известный батальон Баграмяна. Этнически русский вице-спикер Воронов очень многое сделал для обоснования абхазского суверенитета, греки воевали и т.д. То есть, эти факты тоже были. Нельзя говорить, что только грузины с абхазами воевали. Это более мозаичная вещь.

Джана Джавахишвили – Вы говорили про новый проект. Мне хотелось бы услышать Ваше мнение: Как Вы представляете желаемую ситуацию, конструктивную, которую Вы видите, что можно достичь в ближайшие пять лет, например?

Ираклий Какабадзе – У меня несколько вопросов и постараюсь очень быстро их перечислить. Я с Вами абсолютно согласен в том, что не существует одной российской политики и т.д. Первый вопрос состоит в том, что Россия поддерживает? Я не согласен с Вами, что она не имеет ставленников в Грузии, во-первых, террорист Георгадзе сегодня тоже прикрывается Россией, к несчастью, как я думаю, к нашему и к вашему. Прикрывается Нателашвили – маргинальная националистическая фигура. Россия, Советский Союз тоже в свое время помогли Гамсахурдиа. Но я хочу сказать – зачем российская политика не делает ставку на прогрессивное движение мира? И она не делает ставку на это, потому что русское посольство обо всех антивоенных акциях Грузии узнает или через месяц или вообще не узнает. Это одно.

Второе – как Вы думаете, может ли экономическое развитие пойти по интеллектуальному бизнесу? У меня тут есть двоюродный брат, который работает в компьютерном бизнесе, и я знаю, что в Москве очень много хороших компьютерщиков, мирных бизнесов. В Грузию в основном приезжают люди, связанные с ВПК и соответствующим бизнесом, и они не делают большого бизнеса. А вот эти люди – большой интеллект России, который приезжал и имел большое влияние в Грузии и будет иметь, если приедет, он не используется Россией. Почему это происходит, как Вы думаете?

Я согласен с российской точкой зрения, что Кавказ должен быть нейтральной зоной, то есть, ни одна военная база, в том числе и НАТО не должны быть. Но почему сегодняшняя российская политика подталкивает Грузию и, может быть Азербайджан тоже, как бы прямым путем прямо к НАТО? Этот вопрос зиждется на том, что интеллектуальная и культурная связь, которая есть, нивелируется и военная связь становится главной.

Лиана Кварчелия – Вот Вы говорили о том, что Россия должна экономически и политически влиять на Южный Кавказ. Считаете ли Вы, что внутри самой России должны произойти какие-то, возможно, системные изменения, чтобы это влияние не воспринималось как угроза на Южном Кавказе? Даже когда Вы говорили, по репликам присутствующих можно было видеть, что, по крайней мере, сегодня это воспринимается как угроза.

Виктор Воронков – У меня не вопрос, а реплики. Меня несколько удивил нормативный подход докладчика к проблеме. Моя реплика касается только необходимости присутствия России на Южном Кавказе. Вот эта необходимость, мне кажется, недостаточно была Вами обоснована. А точнее, обоснована, в общем, ошибочно. Она исходит из концепции безопасности России, которая сейчас очень популярна в России и охватывает все, что угодно. Один аргумент был связан с опытом управления на Кавказе. Я ничего позитивного в этом опыте управления особенно не вижу. Это опыт имперского управления, опыт подавления, опыт эксплуатации. Современное влияние России тоже исключительно негативное, потому что, смотрите, какая страна вли-

жет, что она из себя внутри представляет. Такая антидемократическая подавляющая свободу своих собственных граждан, коррумпированная страна. Посмотрите, с кем дружит Россия. С Лукашенко и с самыми одиозными режимами. Поэтому представлять себе, что такая Россия может оказывать позитивное влияние на Кавказе, мне кажется, что это очень проблематично.

Второе, чем оправдывалась необходимость присутствия России на Кавказе – это конфликты, которые происходят на Южном Кавказе, и которые Россия фактически поддерживает, вопреки своим представлениям о том, что здесь не должно быть конфликтов, потому что это небезопасно для России. Так вот, Вы говорите, что заинтересованность связана с большим количеством беженцев от этих конфликтов, которые приходят в Россию и создают неустойчивую ситуацию в самой России. А разве не само государство конструирует своими институтами армян, турок-месхетинцев, беженцев, вообще разные этнические группы, по-разному конструируя законы или политические практики? Поэтому мне представляется, что, например, предложение ввести в Конституцию Грузии многонациональный народ Грузии – это примерно та же самая ошибка, которая существует в российской Конституции – многонациональный народ России. Потому что этничность, благодаря которой мы можем этнизировать любые политические и другие конфликты, ее надо выводить из публичности и сделать приватным делом, а не подчеркивать, что есть разные национальности. В этом смысле, конечно, мы все наследники Советского Союза, который навязал нам все эти этнические границы, довел до предела этот своеобразный мультикультурализм и ввел этнические территории, и ввел этничность в паспорт. Я предполагаю, что если бы, например, Россия распалась и дальше, что мы не исключаем, то, конечно, было бы непонятно, какие интересы возникли у Москвы на Кавказе, которая бы не граничила с Кавказом? Так же, как исчезли интересы в Африке, хотя у нас огромное количество беженцев из Африки, но мы сейчас об этом не заявляем.

Сергей Маркедонов – Я, наверное, начну с последнего. Слово «империя» не имеет негативной или позитивной коннотации. Когда вы смотрите на ветер, ветер – это плохо или хорошо? Это – ветер. Расте-

ние растет – это плохо или хорошо? Империя – это определенный принцип, определенный опыт организации и взаимодействия, управления, определенная идентичность. Нельзя это рассматривать только как негативный или только как позитивный момент. Я бы не стал говорить только об исключительно негативном российском имперском опыте на Кавказе. Я беру весь Кавказ – Южный и Северный. Мы можем почитать, например, слова соратников Шамиля, которые были записаны в 70-е годы XIX века о том, что на Кавказе впервые стало возможно свободно проезжать без разбойников. Элементарный разбой на дорогах на Северном Кавказе прекратился с российским влиянием. Если говорить об имперском российском влиянии, то чеченский алфавит сделал русский филолог Услар. Об этом тоже забывать не надо. Хотя нельзя забывать и Ермолова тоже. Имперский опыт – он очень разный и многоплановый. Распад империи вовсе не означает торжества демократии и свободы. Распад австро-венгерской империи – мы до сих пор сталкиваемся с его последствиями на Балканах. Россия – это однозначно имперское государство. Друзья мои, а какой на Южном Кавказе был выбор-то? Турция? Турция, может быть, была более привлекательным и более модернистским вариантом для Грузии, чем Россия? А модернизация? А капитализм? И все эти культуры повседневности? Кто это принес на Кавказ? Может быть Турция с Ираном? Я понимаю, что сегодня США интереснее, чем Россия. И я не против этого. Да, действительно, США на сегодняшний момент предлагает более модернизаторский, более привлекательный проект. Об этом я говорил. Я с этого начал, собственно говоря. Не надо делать из меня империалиста или сторонника советского опыта. Я, собственно, сказал, что нынешний системный кризис России на Кавказе вызван продолжением инерционного советского сценария. Но это вовсе не означает, что Кавказ в XIX веке имел какой-то более серьезный выбор. США были вообще далеко. Идея европейского дома, европейского союза тоже как-то не возникала. Турция и Россия. Если говорить о Турции, может быть, господин Тер-Габриэлян поддержит меня, для Армении связь с Россией была вопросом просто физического выживания этноса, если говорить о связи с Россией. Да, я имею в виду Восточную, а не Западную Армению. То же самое мы говорим и о Грузии и о Северном Кавказе, где вообще не

было нормальных государственных институтов, такое было хаотическое броуновское движение. Поэтому имперский опыт принес как позитив, так и негатив. То, что касается самих предикатов государственности, то во многом они были именно имперским опытом принесены. И модернизация, и капитализм, и все эти структуры, о которых я сказал, и во многом письменность, и знакомство с европейской и американской культурой тоже. Россия стала мостиком в Европу, между прочим, и инструментом европеизации. Мы об этом как-то забываем. Россия не стала для государств, для территорий Кавказа некой, так сказать, азиатчиной. Это инструмент модернизации и европеизации. Об этом я не стал бы забывать.

Следующий очень важный момент. Я собственно не являюсь сторонником этничности. Я об этом сказал много раз. Формула «многонациональный народ Российской Федерации» – это был компромисс между Абдулатиповым и Тишковым, которые работали над этой концепцией. И концепт полиэтничной нации в этот проект не прошел. Конечно, более привлекательна полиэтничная нация. Нация – как согражданство. Я бы, действительно, от этничности отказался. Но дело в том, что в Грузии, если говорить о Грузии – о конкретном паттерне грузинском – в начале 90-х годов педалировалась идея о том, что это государство для выражения именно этнических интересов грузин. Это путь неправильный. Так же, как для России было бы неправильно заявлять о том, что Россия – это государство для этнических русских. Не просто неправильно, а губительно. Об этом я везде писал публично и говорил. Потому что это та же этничность в политике. Поэтому нужна деэтнизация политики – единая гражданская нация.

По поводу НАТО и планов НАТО на Кавказе. Мне кажется, что с НАТО связаны очень сильно завышенные ожидания. И мне понятно, почему. Действительно, на Кавказе появился свой клуб проигравших – Азербайджан и Грузия. И клуб проигравших надеется на решение своих проблем с чьей-то помощью, что, кстати говорит о том, что на Кавказе всегда важно было некое доминирование. Был период персидско-турецкого доминирования на Кавказе. Потом российского доминирования. Сейчас приходит, возможно, черед американско-европейского доминирования. Сами государства на Кавказе не очень состоятельны. Если вы такие состоятельные, то решите

вопрос самостоятельно. С Абхазией или Карабахом... решите вопрос сами. Не можете, значит, тогда... Опять мы здесь апеллируем к истории, да? 1918-1921 годы – объявилось три государства на Кавказе. Образовались Азербайджанская демократическая республика, Грузинская демократическая республика и Армения. Все те конфликты, которые мы сейчас наблюдаем – они были там тогда же. Это опыт самостоятельного государственного строительства. То есть, наверное, нельзя абсолютизировать и рассматривать исключительно в лазурных тонах собственное государственное строительство. На Кавказе всегда было, так исторически сложилось, начиная с борьбы Сасанидского Ирана с Византией, а еще раньше Рима с Парфией – некое доминирование каких-то крупных держав. Сейчас приходит американско-европейское, оно сменяет российское, оно более привлекательное, более модернизационное. Вполне нормально, что же делать? Россия оказалась в этот момент не на высоте ситуации. Но в целом, я хочу сказать, что я бы не переоценивал НАТОвские возможности. НАТО сейчас как организация находится в некоем кризисе ценностей и целей. Это организация для обеспечения европейской безопасности, евроатлантической безопасности. НАТО расширяет границы и представления о сфере своей безопасности и сфере своей компетенции. Этот блок был создан во время «холодной войны» для противостояния советскому натиску в Европу. Где тут Советский Союз и где его натиск?

У российской власти действительно отсутствует взвешенная политика на Южном Кавказе. Где-то наблюдается слишком проармянский крен в ущерб нормальным отношениям с Азербайджаном. Это не значит, что тут же надо поругаться с Арменией и побежать дружить с Азербайджаном. Должны быть нормальные, вменяемые, адекватные отношения. И Азербайджан, и Армения России нужны по разным обоснованиям.

Теперь, что касается желательности нового проекта и что туда можно вложить и т.д. Да, Россия пришла к тому процессу, который переживали европейские страны в первой половине XX века. Это утрата некоего колониального господства, это деколонизация. Можно сказать, пришла к своему Бандунгу. Если мы посмотрим на ситуацию с бывшими колониями, кто сейчас главный партнер на Кубе?

Испанцы, по сути, выиграли заново испано-американскую войну. Кто главный экономический партнер в Алжире? Французы. Происходит новое экономическое, освоение бывшими метрополиями своих колоний. Не политическое, военное и административное, а экономическое. И где-то постконфликтное. Кто является госспонсором урегулирования в Анголе? Португалия. И очень видным госспонсором, и важным и т.д. Я бы говорил о таком формате, как экономическое развитие по всем параметрам и постконфликтное урегулирование – два аспекта, которые проводят все европейские государства. Самое главное не пытаться пыхтеться и говорить, что это некая уникальная ситуация, и никто никогда такого не переживал. Да переживали все. И Франция оказывалась после Алжира в схожей ситуации, и другие европейские государства. Россия действительно подошла к некоему своему Бандунгу. Главное, новую стратегию попытаться выработать. Что происходит сейчас? Я приведу некие параллели. Ни у кого не вызывает сомнения, что Советский Союз должен был уйти из Центральной и Восточной Европы в 80-90-е годы. Именно как государство-метрополия, фактически. Но это же не значит, что мы должны были прекратить свое экономическое влияние, культурное влияние и т. д. Фактически, при позднем Горбачеве уход из Восточной Европы стал просто сдачей всего, что можно сдавать. Сейчас происходит то же самое. После серии цветных революций Россия находится в каком-то ауте. Уже нет каких-то реакций на поступающие извне сигналы. Должна быть концепция. Да, мы проиграли, тот старый инерционный сценарий потерпел крах. Признали и выработали новый. О некоторых параметрах нового сценария я уже говорил.

Вячеслав Игрунов – Я не хочу задавать вопросов. Здесь написано «дискуссия» и я думал, что можно будет высказаться. Тем более, что с коллегой я почти во всем согласен. А когда много согласия нечего и задавать вопросов. Мне все понятно. Я для своих грузинских коллег хотел сказать несколько вещей, но так как времени мало, то я сожмусь. Я хочу сказать, что многие грузинские коллеги подчеркивали один и тот же вопрос – зачем нам такая Россия? Ладно, они уже не спорят – может быть, Россия и нужна, но такая Россия совершенно не нужна. И тут коллега Воронков страшил нас страшной импер-

ской Россией и прочими вещами. Я хочу сказать, что на самом деле для нас не так уж важно, какая Россия, потому что есть конкретная ситуация, в которой России нужна целостная и стабильная Грузия. Это в интересах стабильности России, но Россия точно понимает, что целостной, сильной и стабильной Грузия может быть только устроенная федеративно, конфедеративно... Иначе устроена, нежели она устроена сейчас. И здесь, как бы плохо не относилась к своим регионам Россия, как бы она не относилась к своему федерализму, назначая президентов из Москвы, она, тем не менее, заинтересована в реальном федерализме Грузии. И то, что реакции Путина такие же, как реакции Саакашвили, к делу отношения не имеет. Коллега Воронков хорошо знает фронтистские движения в Балтии, когда объединенные фронты выступали против независимости, против демократии в балтийских странах. Они в основном были коммунистические, они были плохие. Их так и оценивали. Но, однако же, именно эти плохие фронты отстаивали проблемы прав человека. Именно коммунисты отстаивали проблемы прав человека. Именно они протестовали против этнократии. А очень хорошие российские демократы били их по всем возможным местам и поддерживали антидемократические устремления этнократических элит. Поэтому вовсе не факт, что плохая Россия играет плохую роль там. Более того, реально именно Россия предотвратила продолжение кровопролития в той же Грузии, такая плохая как есть, расколота и т.д. Я согласен. Об остальных вещах я, может быть, потом скажу. Только я скажу про Россию, которую не надо пугать. Здесь говорят: «силовики» и т.д. Нет никакой власти силовиков в России. Забудьте. В России на протяжении всей ее истории никогда не удавались военные перевороты. Хоть это были стрельцы, хоть это был мятеж Корнилова. Всегда, какой бы сильной в военном отношении не была Россия, в ней никогда военные не устраивали своей диктатуры. Всякие диктатуры устраивали только гражданские – хоть Сталин...

В данном случае важна институциональная роль России, а не ее внутреннее устройство. Об остальных вопросах мы поговорим потом.

Магдалена Фричова – на протяжении последних десяти-двенадцати лет развивалась активная роль разных субъектов российской по-

литики на Кавказе. Если рассмотреть роль, в которой на одной стороне Кремль, а на второй стороне Дума и даже МИД, как Вы считаете, насколько скоординированы эти роли? Если посмотреть на примерах, которые касаются конфликтов. Сразу после первого раунда абхазских выборов была естественно делегация из Государственной Думы, сразу после первого дня выборов были заявления российского МИДа, которые говорили, что все нормально произошло, до того были встречи президента Путина с кандидатом Хаджимба. Насколько все же скоординированы роли, которые играют разные субъекты российской политики? Иногда кажется, что скоординированы, а иногда в других случаях – нет. Если посмотреть на грузино-осетинский пример – одно говорит российский МИД, второе – посол, третье – Мансуров, новый глава Северной Осетии, который говорит, что единственный путь – это объединение. Как это прочесть снаружи?

И второй вопрос. Вы сказали, что основной интерес – это стабильность и безопасность на Кавказе. Мне интересно, насколько эффективна российская политика на сей момент именно в преследовании этой цели? Опять-таки вы привели примеры двойных зажимов, которые иногда прослеживаются в российской политике. Вы сами привели пример Абхазии, где на одной стороне пенсии и паспорта, на второй стороне, прошлой зимой, когда были все эти выборные дела, перекрытие границы и мандариновая блокада и т.д. Насколько Вы считаете, что это улучшает построение доверия во взаимоотношениях стран через прозрачность, открытость и насколько это эффективно в преследовании той политики, которая себе ставит целью создать стабильное и безопасное пространство?

Сергей Маркедонов – Опять столько вопросов, что это похоже на монографию, а не на отдельное выступление. Я считаю, что действительно, если говорить о многовекторной российской политике, где-то, наверное, с 1993-94 года степень этой разновекторности стала меньше. Но не исчезла, как мы видим и по заявлениям по поводу баз и по поводу ситуации в Абхазии и Южной Осетии. Думские представители, разные министерства, администрация президента по-разному иногда трактуют все, что происходит. Это авторитета не добавляет. Это показывает отсутствие полной состоятельности как государства. То,

что касается роли России в 90-е годы в урегулировании конфликтов, я бы сказал так, что Россия оказалась очень эффективна в первой части. Это – остановка открытой военной фазы конфликтов. Это – Дагомыские соглашения по Южной Осетии, создание смешанной контрольной комиссии как гаранта мира в этой республике. И ситуация 1993-94 года – миротворческая операция в Абхазии. Мы можем говорить об имперской политике России. Здесь я соглашусь с господином Игруновым. Давайте представим, что нет российских миротворцев в зоне безопасности, нет их в Гальском районе, нет их у реки Ингури и т.д. Все уходит с завтрашнего дня. Свято место пусто не бывает, хорошо. А теперь представим, что туда приходят другие миротворцы. Они готовы нести какие-то определенные потери в живой силе, которые есть и возникают? Реагировать правильно на провокации, которые есть? Я вот что-то не вижу. Это просто как карикатура в феврале 1917 года. Трон с таким штыком – не угодно ли сесть на престол? Стоят люди, одетые в одеяние царя и все как-то от престола желательно подальше. Я не вижу сейчас этой готовности. Кто готов? Украинцы готовы? Да, ради бога. Пусть завтра приходят и занимаются миротворческой деятельностью. Они готовы сегодня? Не готовы. Значит, разговор не ведем. Если уйдут миротворцы, то там будет конфликт. А почему вы не допускаете такого момента, что есть значительная часть населения, которая с этой имперской Россией связывает свое физическое выживание и свои гарантии, как было, кстати, на базе в Ахалкалаки? Я-то лично считал, что по российским базам не может быть единого подхода. После свержения Абашидзе можно было из базы в Батуми выходить хоть завтра. Никакой роли она абсолютно не играла. И споры вокруг этой батумской базы не стоят выеденного яйца. Ахалкалаки – это другое. Там значение было не военное, а политическое. Потому что значительная группа связывала свое личное выживание, свою личную безопасность с этой базой. Вот и все. И такой уход – это очень сильный урон для авторитета России. То же самое и в Абхазии. Да, любое миротворчество совершенно замечательно. Но если есть в этом конфликте хотя бы одна из сторон, заинтересованная в этом российском миротворчестве, значит, рановато это миротворчество прекращать. А такая сторона есть. Это тоже очень важная постанковка вопроса среди прочего. И вот другой момент, о чем говорит коллега из Грузии –

вот украинцы могут прийти. Пожалуйста. Где они? Сегодня мы думаем об этом. Так давайте сначала подумаем, а потом представим. Приходят украинцы со своим развернутым планом урегулирования, со своими предложениями по военной, политической, полицейской организации этого контроля в зоне безопасности. Давайте будем тогда предметно говорить. Пока этого ничего нет. Пока плохая имперская Россия худо-бедно держит эту ситуацию, этот конфликт. Россия оказалась не очень эффективна в постконфликтном урегулировании. Она, действительно, смогла остановить кровопролитие, но оказалась плохо приспособленной к дальнейшему продвижению к реальному миру. С точки зрения каких-то проектов, с точки зрения каких-то конкретных предложений. Но опять же, если мы посмотрим на те предложения, которые есть из других источников, не из России, например, «план Бодена», который предполагает первым пунктом возвращение беженцев. Мы беженцев представляем зачастую как дедушек, бабушек и грудных детей. А это придут бывшие владельцы гостиниц, директора санаториев, люди, которые были в криминальном авторитете, потерявшие две-три дачи, две-три квартиры и т.д. Люди с большим счетом, люди лично пострадавшие, и там их встретят люди, которые тоже имели достаточно большие потери. Для маленького абхазского народа три тысячи – большие потери. И вот представьте – с грузом ненависти возвращаются беженцы, и там их местное население с тем же грузом ненависти встречает. То-то будет большой мир на этой земле. Давайте смотреть реалистично. Романтика. Это очень хорошо. Я тоже за мир во всем мире. Если бы можно было завтра отменить все войны, я бы вышел первым на демонстрацию. Но, к сожалению, пока так не получается. Поэтому нужно смотреть на любое урегулирование реалистично. Я не говорю – цинично или прагматично. Аспирин – хорошее лекарство, но не для лечения плоскостопия. Лекарство само по себе хорошее и есть болезнь реальная. Есть проблема беженцев в Абхазии? Есть. Болезнь? Болезнь. Лечить ее можно возвращением? Нельзя. Вот и все.

Пола Гарб – Мне кажется, что было бы интересно в конце сегодняшнего дня поговорить о процессе. Не столько о содержании разговора, сколько о культуре диалога. Обычно, когда мы начинаем дву-

сторонние конференции, процесс всегда обговаривается. Мы договариваемся о том, как именно мы будем вести разговор. Я бы хотела, чтобы каждый имел в виду не только содержание, потому что очень важно развивать для этой трехсторонней работы хорошую культуру диалога. Так что, прошу вас, если у вас появятся какие-то мысли по этому поводу в течение сегодняшнего дня, мы уделим какое-то время для обсуждения впечатлений относительно самого процесса.

Геворк Тер-Габриэлян – Я тоже хотел сказать по процессу. Я отрефлексировал предыдущее заседание и подумал, что мы часто проводим мероприятия двусторонние, общекавказские, различных форматов и людей, которые пребывают в конфликтах или даже если нет насильственного конфликта, но есть огромные разногласия между ними. И во всех этих мероприятиях возникает тот же самый феномен, который, мне показалось, может возникнуть и сейчас. Когда человек что-то говорит, он выступает в глазах другого человека, слушателя как представитель определенного направления. То есть, если я сейчас что-то говорю, от меня ожидают, что я армянин и говорю что-то армянское и про Армению и, может быть, у меня есть армянский интерес. Когда этот феномен возникает, говорящий уже воспринимается не совсем как исследователь. И в итоге аргумент, который пытались привести начинает исчезать. Здесь есть этот момент, потому что собрались в определенном смысле представители сторон. Хотя идея была в том, чтобы звучал исследовательский дискурс. Давайте попытаемся сделать так, чтобы наши принадлежности, идентичности, национальности и т.д. не мешали бы тому, чтобы нас услышали и чтобы мы услышали.

Джана Джавахишвили

РОССИЯ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГРУЗИИ

Для меня большая честь, что этот доклад доверили мне. Я хочу сказать, что это в какой-то определенной степени дебют, потому что обычно я делаю доклады по психологии, потому что я психолог, а не политик.

Еще по процессу я хочу сказать, что после доклада я бы предпочла, чтобы шла дискуссия, а не только вопросы ко мне. И я бы попросила всех грузинских коллег подключиться и не оставлять только на мне ответственность отвечать на все вопросы.

Начиная доклад, я хочу сказать, что взаимоотношения России и Грузии за последние годы после обретения независимости можно описать как запутанный клубок взаимоотношений, который очень далек от трансформационного подхода, когда учитываются взаимные интересы. Это рамки доклада. А основная тема доклада – это переплетение и динамика и опять же запутанность легитимных и нелегитимных ролей, интересов, форматов во взаимодействии. В первой части доклада я буду говорить о легитимных и нелегитимных интересах и действиях России, которые играют роль в российско-грузинских взаимоотношениях.

Основной тезис доклада таков – легитимные и нелегитимные роли взаимно переплетены; очень часто легитимные форматы используются для претворения в жизнь нелегитимных интересов; и третий тезис – претворение в жизнь нелегитимных интересов через легитимные форматы и роли ведет к полной дискредитации легитимных форматов и участия в них России. Вот это, фактически, основная тема моего доклада. Я еще хочу сказать, что тема очень интересная и интригующая и, наверное, по возвращении в Грузию я буду писать доклад, который будет основываться на определенных экспертных исследованиях.

Сейчас я хочу коснуться того, как претворяются в жизнь нелегитимные интересы со стороны России. Первое – через отсутствие учета

интересов Грузии. Это первый принцип. Второе – через базирование только на своих интересах. Несмотря на то, что предыдущий докладчик подчеркнул многосубъектность российской стороны, она, в основном, базируется на собственных интересах, часто Макиавеллиевских, и на логике «холодной войны». Третий и четвертый пункты касаются утилизации. Происходит утилизация двух очень важных моментов. Первая – это утилизация интересов сторон в конфликте – Абхазии и Южной Осетии. И тут я хочу опять же вспомнить предыдущего докладчика, который говорил, что Россию упрекают в проабхазскости. На самом деле Россию можно упрекнуть в «пророссийскости» в этом плане, потому что ни для кого не секрет, что, утилизируя или защищая в каком-то плане интересы той же Абхазии или Южной Осетии, Россия не защищает их, а льет воду на свою мельницу. И, наконец, виртуозная утилизация ошибок грузинской стороны. Это не упрек, а комплимент: утилизация ошибок грузинского политического курса и грузинских политических курсов, которые были и в начале конфликта и продолжаются. Возьмем хотя бы самый явный пример изоляции Абхазии, которой не оставили выбора, кроме как через Россию, искать связи с внешним миром, что и усилило влияние России на Абхазию. В предыдущем докладе говорилось об опыте «территориального управления», – наверное, здесь очень схожи ошибки России и ошибки Грузии: все время подчеркивание территории versus населения и versus самих субъектов.

В периоде подготовки доклада я старалась разграничить легитимные роли и интересы от нелегитимных ролей и интересов России по отношению к Грузии, и это было сложно. Что касается легитимных, можно набросать такое меню: первое – ближайший сосед, вопросы общей безопасности, которые связаны и с защитой границ, с теми же вопросами терроризма, контрабанды, траффика – за этим стоит интерес в безопасности и влияние на ближайшее соседство; второе – сохранение роли влиятельного игрока в южнокавказском контексте и вообще в кавказском контексте; сохранение сильного голоса в международном сообществе по теме Кавказа, в вопросах Кавказа.

Сейчас о том, что касается нелегитимных интересов, или как они воплощаются в жизнь: первое – тут я прибегу к помощи предыдущего докладчика, который упоминал об атавизмах, рудиментах

имперского стиля, советского стиля – рассматривать Кавказ как собственность; это прекрасно отражается, например, в названии «Владикавказ» («владеть Кавказом»). Это, как бы, историческая иллюстрация; второе – это разные теневые круги. Наверное, не стоит их перечислять. Это, может быть, и приближенные к Кремлю, и к мэрии Москвы, и к генералитету Южного федерального округа, которые имеют свои интересы и свои повестки.

Сейчас я постараюсь на конкретных примерах проиллюстрировать динамику переплетения легитимных форматов с нелегитимными интересами и действиями. Я начну с участия в грузино-абхазском и грузино-осетинском конфликтах. Я постараюсь перечислить легитимные форматы и проглядывающие через них нелегитимные интересы и действия. Начнем с участия в переговорных процессах и российских миротворческих сил (хочу напомнить, что в 90-х годах вступление в СНГ и тогда, и сейчас Грузией воспринимается как вынужденный акт, изначально в этом существовал двойной стандарт). Потом – членство в ООН и участие в Женевском процессе; членство в группе друзей Генерального секретаря ООН и исходящая из этого роль в переговорном процессе; участие в четырехстороннем формате, особенно по вопросам безопасности; инициирование трехстороннего формата Сочинского процесса, который параллельно идет с Женевским и не всегда конструктивно; и под конец – разные частные односторонние инициативы (например, недавно, весной 2005 года, была инициатива четырехсторонней встречи президентов, которая не состоялась, поскольку Саакашвили в ней не участвовал).

Все перечисленные выше – это легитимные процессы, форматы, но в них участие России не всегда прозрачно, не всегда явно и не всегда справедливо. Возьмем, к примеру, югоосетинский случай. Это, опять же, миротворческие силы, лидирующая роль и три батальона, которые задействованы. Фактически, в осетинском батальоне больший человеческий ресурс состоит из североосетинских сил. Но в то же самое время – Рухский тоннель, который является каналом, по которому, ни для кого не секрет, перетекает военная техника и оружие. И особенно явным это становится в периоды обострения грузино-югоосетинских отношений. Что касается четырехстороннего формата, в Грузии он очень часто упоминается, как «три против одно-

го», поскольку Северная Осетия выступает в нем отдельным субъектом. В заключение можно сказать, что в официальных переговорных форматах все время проявляются двойные стандарты.

Теперь хочу перейти на конкретные примеры вмешательства в жизнь регионов конфликта. Наверное, стоит начать с так называемой паспортизации. Мы сегодня уже говорили об этом. Фактически паспортизация тоже один из путей легитимизации нелегитимного вмешательства в жизнь региона. И это связано, с одной стороны, с усилением влияния, с другой стороны, с двойными стандартами через апеллирование к защите своих граждан. И еще, что немаловажно, это легкая легализация криминальных фигур, которым сейчас очень легко получить российский паспорт. И все эти годы это было так: перевозки, которых я уже коснулась, – это орудия и военная техника, и т.д. Помимо всего перечисленного надо упомянуть политическое давление, которое осуществляется с одной стороны путем имплантации своих кадров в высшие эшелоны власти, как в Абхазии, так и в Юго-Осетии. И недавние выборы в Абхазии были очень хорошей иллюстрацией к этому. Я позже еще вернусь к вопросу теневой экономики, которая связана с влиянием на конфликтные регионы. Кстати, один из мифов про грузино-абхазский конфликт связан как раз с теневой экономикой, недвижимостью и генералами. Миф гласит, что Россия отняла Абхазию у Грузии, то есть, это сделали российские генералы, потому что они хотели иметь дачи на Черном море. Как ни абсурдно звучит, но такой миф существует, и он имеет под собой очень отдаленное, но какое-то основание.

Контрабанда. Не хочу углубляться в эту тему, но по исследованиям американского центра борьбы с транснациональной коррупцией и контрабандой (“Smuggling through Abkhazia and Tskhinvali Region of Georgia”, A. Kuhianidze at all, TraCCC, American University’s Transnational Crime and Corruption Center, Georgia Office, Tbilisi, 2003), Гудаутский аэропорт и некоторые российские военные фигуры способствуют перевозке наркогрузов. Уже, наверное, вскользь я упомяну железную дорогу. В плане теневой экономики я ничего не оцениваю и опять же говорю, что, может быть, в условиях изоляции, в которую Грузия поставила Абхазию, это был выход. Но опять же здесь практика двойных стандартов. С одной стороны, эмбарго СНГ, а с другой

стороны – открытие железной дороги и туризм, который сейчас начинается. То есть, этот упрек касается России больше, чем Абхазии.

Сейчас я хочу перейти на более широкие вопросы безопасности. Уже сегодня упоминалось и говорилось об этом. Начну с Панкисского ущелья. Особенно во вторую чеченскую кампанию Панкисское ущелье привлекло внимание России. Ни для кого не секрет, что грузинские власти тогда были не в состоянии контролировать события, которые происходили в Панкисском ущелье. Вместе с беженцами проникали боевики, которые как бы восстанавливали силы, а потом возвращались на войну. Вот такая фактология повлекла фактически сильное давление со стороны России и утилизацию Панкисского чеченского фактора. Тут и американское вмешательство было, и российское вмешательство. И была общая платформа борьбы с терроризмом. И очень интересно, как они по-разному подходили к этой проблеме. Со стороны России была политика устрашения, и мы знаем, что было несколько бомбежек. А со стороны Америки, это было установление традиции военного сотрудничества, что потом повлекло за собой 850 грузинских солдат в Ирак, и что привнесло программу тренингов и оснащения, что было встречено с большим возмущением с российской стороны. Когда все это начиналось, я была в Сочи и смотрела телевизор – Российский первый канал – и вдруг узнала, что я уехала из страны, а возвращаюсь в никуда, потому что показывали, как Грузия распалась на части. И помню свой шок. И, наверное, тут важно упомянуть медиа-дискурс, который, мягко говоря, не всегда объективен. И это, наверное, естественно. Наверное, не стоит требовать от медиа большой объективности, поскольку это распространенная практика. И последнее, чего я хочу в контексте Панкиси коснуться – это мониторинговая миссия ОБСЕ, которая как раз в связи с неразберихой на границе была введена в 2000 году. И вплоть до 2004 года она обеспечивала прозрачность границы между Грузией и Россией, и это обеспечивало некоторые гарантии безопасности. Но фактически из-за того, что ОБСЕ и Россия не сошлись в вопросах по мандату, миссия была прекращена, и это, я думаю, должно быть поводом для сожаления.

Сейчас хочу перейти к вопросам военных баз. Есть такой распространенный анекдот по этому поводу в Грузии. Говорят, что анг-

личане, уходя, никогда не прощаются, а русские никогда не уходят, прощаясь. В 1999 году на Стамбульском саммите ОБСЕ было достигнуто соглашение по выводу тяжелой российской техники до 2000 года и по выводу российских военных баз из Гудауты, Ахалкалаки, Батуми, Вазиани – до 2001 года. Это произошло в Вазиани. Но по остальным военным базам не изменилась ситуация. И вот мы все наблюдали недавние события после марта 2005 года, когда в парламенте Грузии были приняты некоторые соглашения, декларации по неисполнению Стамбульского соглашения Россией, и когда 30 мая наши министры иностранных дел пришли к согласию о выводе российских военных баз до 2008 года из Ахалкалаки и Батуми. Этим соглашениям, конечно, еще предстоит свершиться. Вопросы стоят с одной стороны технические, с другой стороны российская Дума должна ратифицировать соответствующие документы. Это тоже предстоит сделать, и как это будет – неизвестно.

В этом контексте следует упомянуть обсуждения антитеррористических действий которые строятся опять же не на паритетной основе. Идет обсуждение того, сделать ли центр против терроризма или учредить патрулирование российскими силами, например, Панкиси. И не предполагается параллельная, симметричная мера для грузинских военных сил. Как следствие – этот вопрос на сегодня в тупике.

Наверное, тут стоит коснуться того, что означает для Грузии иметь военные базы на своей территории. Мы сегодня говорили о демонизации. Не знаю, насколько это можно назвать демонизированием, но определенный образ врага в лице России, конечно, существует. И он ассоциирован с советским образом ценностями, стилем жизни и т.д. И эти базы Советского Союза символически воспринимаются, как «враг в тылу». И это восприятие очень болезненное.

Я хочу перейти к вопросам, связанным с нацменьшинствами. Например, компактно проживающее армянское население в Самцхе-Джавахетском регионе (Ахалкалаки, Ниноцминда) в российских военных базах видит гарант своей неприкосновенности, безопасности и защиты против Турции. Вот тут большое расхождение между официальной позицией или позицией большинства и позицией меньшинства, что еще больше разобщает и так фрагментированное общество в стране. Российское влияние здесь очень большое. Через

базу – это один фактор. База переплетена с денежной русской валютой и российскими масс-медиа (которые более доступны в Джавахетии, чем те же грузинские). К сожалению, это все происходит на фоне ошибок и ошибочного курса грузинского правящего центра. Тут встает еще вопрос трудовой миграции, которая особенно высока среди меньшинств. Предыдущий докладчик приводил цифры. Это 600 тысяч трудовых мигрантов из Грузии, которые проживают в России. Часть из них, конечно, из районов, где проживают нацменьшинства. В Грузии нет двойного гражданства, и для того, чтобы легче обходиться и не приобретать визы (которые тоже надо отнести к процветанию теневой экономики, так как это повод к коррупции), люди приобретают российские паспорта. Я уже сказала, что это очень легко сделать. И они как бы сами себя ставят в нелегальное положение: получается, что у них двойная идентичность. Это, наверное, не только на политическом уровне, но и на социальном и психологическом.

Отдельно надо рассматривать вопросы экономики и зависимости. Мы прекрасно знаем, что в энергетическом смысле Грузия зависима от России. И это, наверное, те реалии, которые существуют и надо иметь их в виду, уважать и учитывать.

Под конец доклада я просто хочу перечислить мифы и легенды, которые существуют в русско-грузинских отношениях с грузинской стороны. Первый миф – это то, что грузино-абхазский или же грузино-осетинский конфликты двухсторонние конфликты между Россией и Грузией. Все эти годы, исходя из этого мифа, не учитывались самые основные субъекты конфликта. Второй миф – это то, что во всем виновата Россия, и отсюда – избегание ответственности по поводу того, что произошло во время конфликта, исходя из этого мифа. Третий миф – это то, что можно «к России повернуться спиной, а к Западу передом» (если взять фразу из известной сказки). Это, конечно, нереалистично, потому что Россия – самый влиятельный сосед, который никогда не денется и надо с ним налаживать отношения и как можно более хорошие. И четвертый миф – это то, что Запад спасет Грузию. Особенно это проглядывалось при визите Буша, когда среди населения появились транспаранты: «Буш – ты спасешь Грузию». Для улаживания Грузино-Российских отношений надо переосмыслить эти мифы.

В принципе, я закончила. Большое спасибо за внимание.

ДИСКУССИЯ

Батал Кобахия – Полувопрос. Если рассматривать, Джана, твой доклад «Россия во внутривластном дискурсе Грузии», то ты говоришь в нем о легитимных и нелегитимных методах. Если бы ты делала доклад «Грузия во внутривластном дискурсе Абхазии», то, наверное, получилось бы то же самое. Это легитимные и нелегитимные методы вмешательства. В связи с этим один вопрос. В твоём докладе есть понимание того, что национальные меньшинства и некоторые другие среди населения Грузии не видят гарант безопасности в грузинском государстве и иногда видят такой гарант безопасности в России. Можно ругать их, что они такие неразумные и видят гарант безопасности в России, а можно пойти по другому пути и сделать так, чтобы у них сместились их представления о безопасности. Скажите мне, а что делается в Грузии для того, чтобы стать привлекательной для своих граждан, для национальных меньшинств, которые проживают сегодня на территории Грузии?

Джана Джавахишвили – Конечно, я это говорила, абсолютно никого не вина. Конечно, Грузия сама дала повод своим нацменьшинствам, чтобы они себя так ощущали. И, конечно, первое, что сейчас надо делать – это строить правовое государство, которое будет основано на защите прав человека и которое даст возможность каждому гражданину почувствовать себя полноценным, полномочным, полноправным и защищенным. И это очень сложно, потому что все мы знаем, в каких сложных условиях мы живем. И не всегда политика идет в том направлении, в котором бы хотелось. Но есть надежды.

Вячеслав Игрунов – Очень важный для меня доклад. Я сижу и все время думаю. Предыдущий докладчик рассказывал о роли России, о российском видении и у него было очень много критических замечаний в отношении собственной страны. И вот в этом докладе тоже очень много критических замечаний в адрес собственной страны. Это очень здорово. Но с другой стороны, я задаю себе вопрос – а вот хоть по одному пункту, касающемуся России, есть краска нечерная? То есть, прямо скажем, что это все мифология черная. Ну а есть ли

хотя бы какой полусветлый миф относительно России или какая-нибудь светлая черточка, присутствует это во внутреннем дискурсе в Грузии? Я вот задаю себе вопрос, я могу очень много критических замечаний высказать в отношении России и вот думаю, а что же светлого есть в Грузии? Мне очень трудно ответить на этот вопрос. Мне кажется, что и у вас тоже такое же трудное положение по отношению к России. А все-таки, что в реальности? Грубо говоря, во время революции роз, Иванов посодействовал тому, чтобы не пролилась кровь. Или из Аджарии вывезли Абашидзе, чтобы кровь не пролилась. Есть ли это в сознании грузин или это только мифология в Москве? А может быть, еще что-нибудь?

Джана Джавахишвили – Я сказала, что есть образ врага. И если говорить на политическом уровне, современная политическая элита антироссийски настроена. Если говорить на уровне населения, наверное, все эти годы работали не в сторону светлого отношения к России. Я могу сказать, что на всех уровнях есть больше восприятия негатива, чем позитива. Есть светлые пятна на уровне культурного взаимодействия и ностальгии по российской культуре, и это есть особенно в старшем поколении. Но на политическом уровне я не вижу. Те два примера, которые вы привели, да, это определенно конструктивные роли. Но, к сожалению, вот эти нелегитимные претворяющиеся в жизнь роли и действия, они окрашивают в свой цвет все остальное. Уже предвзятое отношение складывается после этого. Наверное, выход в том, чтобы восприятие стало объективным, чтобы отношения строились на паритетных началах. Но Россия тоже не готова к этому. Я сегодня это почувствовала из доклада Маркедонова. Фактически первый доклад начался с прощания с советскими собственническими тенденциями и т.д., но закончился тезой новой модели, которая должна основываться на доминировании России. Так что, в России, как я думаю, тоже нет готовности к паритетным отношениям.

Лариса Сотиева – Джана, ты сделала призыв к грузинской делегации, чтобы они тебе помогали. Если есть желающие помогать, отвечать на вопросы, то, пожалуйста.

Михаил Мирзиашвили – Я не знаю, помогу ли. Но у меня вопрос для уточнения. Говорилось о паспортизации. Имеется в виду выдача российских паспортов абхазам. И говорилось, что это способствовало легализации криминала. Я хочу разъяснения, потому что это и так удавалось криминалу.

Джана Джавахишвили – Я не говорила, что ставка только на паспортизацию для легализации криминала, но это один из путей, который облегчает это дело.

Ираклий Какабадзе – Очень интересный был доклад у Джаны. И я в принципе согласен со многими постулатами. Я просто хотел сделать комментарий для наших друзей из России, для господина Маркедонова. Вопрос идентичности очень важен. Я думаю, что во внутривнутриполитическом дискурсе Грузии к России, конечно, обозначился после 1989 года негативный настрой. Я сам присутствовал, когда генерал Родионов нам бесцеремонно сказал на бюро грузинского ЦК, что церковь Гареджа – это развалины. То есть, советская армия не будет заботиться о старых грузинских развалинах и т.д. И образ русского военного, я думаю, что очень сильно пострадал после этого. Хотя и до этого не было особенно хорошего имиджа. Когда Ганди говорил о деколонизации Индии от Англии, он сказал: «Как можно больше англичан в Индию, и как можно меньше английских военных». Этот тезис подходит и для Грузии тоже. Почему-то к нам реже стали приезжать из России. Я рос, когда к нам каждый год приезжала Бэлла Ахмадуллина, Евтушенко, Вознесенский. Такие интеллектуалы, как вы, пили грузинское вино. Но сейчас лучшая часть российского общества в Грузию не приезжает. К сожалению, военные у нас тоже плохие. Это мое такое маргинально пацифистское мнение. Хороших военных не существует. Но для того, чтобы объявить Кавказ зоной мира и демилитаризованной зоной, почва хотя бы малая есть. И Россия для этого ничего не делает.

Я скажу от своего имени. Мне никак не позорно потерпеть поражение от абхазов. Я наоборот, думаю, что если Грузия в военном отношении столкнется с абхазами и Грузия победит, я не хочу быть грузином, и я не хочу продолжать так жить. Если мы с абхазами столкнем-

ся, то мы должны только терпеть поражение. Но если мы с русскими сразимся, я не буду жить, если мы потерпим поражение. Я не согласен жить. Так что, с русскими можно только другим путем общаться. И у нас есть история такого пути. У нас есть история общения. Сестра моей матери была замужем за Михаилом Светловым, который взял грузинскую княгиню совсем другим путем, вовсе не оружием. И он говорил: «Зачем бедному еврею такой большой дворец?». Но в принципе этот путь все-таки существует. И я думаю, что в Москве особенно молодым интеллектуалам стоит подумать о том пути, который исторически имеет прецедент. И я думаю, что в грузинском дискурсе отношение к России будет менее агрессивным и империалистической силой, допустим, НАТО и Запада, проявится более отчетливо. Я сейчас также не выношу американских солдат, которые находятся в Грузии. Но что мешает тому, чтобы найти союзников в Грузии против этого – это русские войска. Русские войска нам мешают стать более независимыми от Америки. Нужно думать о смене тактики и стратегии России, как доминировать на Кавказе, если вы действительно хотите доминировать, на что у вас есть какие-то легитимные претензии. Я не отрицаю, что у России есть большие культурные и экономические возможности, которые она может задействовать, придя в Грузию. Она может стать очень хорошим союзником. Но не Россия, которая представлена сапогом. Россия, которая представлена интеллектом и искусством, красотой и т.д. И мы не задумываемся, что кроме реал-политик существуют другие воззрения в политическом мышлении. Я имею в виду идеал-политик, а не марксистско-радикальное мышление, то мышление, которое было у Федора Михайловича Достоевского. Так что, это мой комментарий.

Александр Чечевишников – Алаверды одному из методов Сергея Маркедонова. Позволю себе также взять, как он взял несвойственную, наверное, ему функцию советника президента Саакашвили. И тоже хочу сделать комментарий, но уже в роли советника каких-то субъектов политико-формирующего сообщества в Грузии. Наверное, доклад, который прочитала Джана, видимо, подготовили коллективно, и авторы хотели бы продвигать свои идеи к лицам, принимающим решения в Тбилиси и наставлять их, так сказать, на путь истинный. Но если без

эмоций, если с профессорской кафедры посмотреть на этот доклад, то он очень логичен, но только в том случае, если при его рассмотрении, при его рефлексии использовать на веру правило дефиниций, которые в скрытом виде в нем присутствуют. То есть, по Вашим правилам, невозможно применить к нему никакую критику. Это будет бессмысленно. То есть, доклад в первой своей части, когда речь шла о легитимном и нелегитимном, носит сугубо герметический характер, закрытый. То есть внутри себя это логично. Как только начинаешь эту герметичку вскрывать, там все рассыпается. Сама по себе методология – легитимный, нелегитимный – она имплицитно привносит за этот стол некие наши традиционные представления о внутригосударственном праве. Во внутригосударственном праве между легитимным и нелегитимным есть очень четкий барьер. И в каждом национальном праве, тем более, в уголовном кодексе все очень четко, там очень небольшая серая зона, в рамках которой можно что-то трактовать, как законное или незаконное. В международном праве ничего подобного нет. Одно и то же обстоятельство, одно и то же действие в одной системе координат может рассматриваться как легитимное, а в другой системе координат оно будет рассматриваться как нелегитимное. И поэтому, когда Вы априори относите действия России – эти действия легитимные, а те действия нелегитимные – вы уже открываетесь для очень тяжелой критики. Потому что на каждое ваше обвинение, что это нелегитимно, практически всегда, я не хочу сейчас говорить конкретно, потому что тогда очень далеко надо заходить, практически всегда можно найти международно-правовое основание, которое говорит о том, что с той точки зрения Вы, наверное, правы, а вот с этой точки зрения правы мы.

И еще более жесткая вещь. Не бывает нелегитимных интересов. Это, как говорит наш президент, он любит вот эти формулы употреблять – это «сапоги всмятку». С точки зрения международного права, как и любого права, есть нелегитимные действия. Если я хочу иметь четкое представление о структуре и перспективах развития стратегических и ядерных сил Соединенных Штатов Америки, у меня есть такой интерес. Как можно объявить этот интерес нелегитимным? Вот когда вы поймаете меня за руку, когда я нарушу законы Соединенных Штатов Америки, извлекая эту информацию, ну вот

тогда можно говорить о нарушении вашего национального права. И более того, искусство политика заключается в том, чтобы, применяя легитимный инструмент, достигать тех самых целей, которые кто-то может интерпретировать как нелегитимные. То есть, вот здесь, если транслировать подобного рода логические конструкции на политический уровень, надо подумать о том, что будет говорить министр иностранных дел.

И второй момент, не методологический, а чисто конкретный. Коллега упоминала о паспортах, уже указав на некую неоднозначность, двусмысленность вообще этой темы. В Вашем выступлении прозвучало чрезвычайно жесткое обвинение, которое находится в разряде того, что обсуждается по принципу «карты на стол». Гудаута – наркогруз. Вот здесь надо класть карты на стол. Когда такие вещи вслух проносятся, необходимы доказательства. Это у нас неофициальное мероприятие и мы все здесь существуем в личном качестве. Но как только официальное лицо такие обвинения озвучивает и, если он не прилагает фотоматериалы и прочие агентурные результаты, то он открывается для сильного контрудара. Какая-то княгиня Марья Алексеевна где-то в центре каком-то что-то сказала... Боже мой, существуют сотни центров в Америке. Мало ли кто где чего написал. Это очень серьезный вопрос. Может быть, кто-то считает, что могли быть аналогии с аэродромом в Грозном, который был оффшорной зоной некоторые годы, где тоже, в принципе, никто никого за руку не поймал. Ну, не по наркотикам, конечно, а по другим предметам экспорта. Но эти вещи – наркогрузы, наркотраффик – это серьезное обвинение, будучи выставленное голословно, оно просто дискредитирует того, кто эти обвинения ставит на серьезных переговорах.

Джана Джавахишвили – Я начну с последнего. Представителям криминальных кругов стало легче покупать паспорт. Это уже сейчас налаженная система. Я это подразумевала. Хотя, конечно, это не единственный путь. Им всегда как-то удавалось легализоваться.

Большое спасибо за Вашу обратную связь. Мы это все учтем. Наверное, я думаю, надо будет в первом параграфе дать понимание легитимности и не легитимности. Или может быть, даже изменить фразеологию. Но Вы, наверное, поняли, что мы подразумевали. Есть

действия и интересы, которые дискредитируют сторону и невозможно построение доверия на фоне этих действий и открытого демонстрирования этих интересов. Это то, что подразумевалось. И еще хочу сказать. То, что касается контрабанды наркотиков, я тоже принимаю Ваше заявление абсолютно. Конечно, я на официальном переговорном процессе министру иностранных дел не сказала бы об этом.

Магдалена Фричова – Конечно, Вы абсолютно правы в том, что надо очень четко и строго разграничивать, особенно в научной работе, что в правовом поле или в поле международного права, хотя трудно дифференцировать эти термины. Мне больше кажется, что цель этого доклада – обрисовать восприятие во внутривнутриполитическом ракурсе, как воспринимаются роли. И, естественно, с точки зрения легитимности или нелегитимности, лучше говорить о ролях, чем об интересах. Потому что интересы могут быть абсолютно разные, и с одной точки зрения они легитимные, с другой – они нелегитимные. Но что касается ролей, мне кажется, что то, что говорила Джана более касалось уровня восприятия в грузинском дискурсе на данный момент. Это, может быть, надо было подчеркнуть. В докладе не было цели связать это с документами международного права.

Виктор Воронков – У меня тоже комментарий по поводу легитимного и нелегитимного. Я бы сказал, что существуют некоторые формальные правила, которые государства официально заявляют, а существуют неформальные практики. В Советском Союзе всегда господствовали неформальные практики. Неформальное или обычное право замечательно уживалось с этими практиками. И сегодня, конечно, все неформальные практики, о которых Вы говорите, государство не может контролировать, государство не может с этим бороться, государство слабое. А военные привыкли делать именно так. И каждый нормальный советский, сегодня российский, человек будет делать именно так, он не пойдет в суд разбираться: прав он или не прав, а решит другими способами – по понятиям. С другой стороны, мы можем говорить, что Россия не контролирует свою армию. Россия – слабое государство, и она не может это контролировать, ну как в Чечне. И, наверное, нужно это признать.

Что касается образа врага. Образ врага исключительно зависит от того, какой дискурс создается в элите. Вот возьмем грузин в России. Вот Вячеслав Игрунов сказал, что ему даже трудно представить светлый образ, но непонятно, что мы читали о Грузии все время и вообще о Кавказе, какая-то черная дыра. Если поступала какая-то информация, это в лучшем случае какие-то природные катастрофы, а вообще война, бандитизм, люди пропадают и т.д. И создался общий черный образ Кавказа, который перенесся на людей, которые приезжают с Кавказа. Ксенофобия означает, что мы боимся людей, которые приезжают с Кавказа, из этого ужасного места. Я не знаю, что пишут в грузинской прессе о России. Но я не исключаю, что каждый факт – это есть только интерпретация факта. Без интерпретации факта нет. И поэтому я, понимая, как российская пресса работает с образом кавказца, то же самое могу предположить относительно грузинской стороны, что там делается то же самое.

Теперь по поводу высказывания – «мне не стыдно потерпеть поражение от абхазов». А я бы сказал так – «мне не стыдно потерпеть поражение от Европы». Я не могу идентифицировать себя с государством, таким, какой сегодня является Россия. Я бы хотел, чтобы пришли эти демократические правила, если нельзя самим бороться за эти правила, так чтобы победить. Я бы сказал, что по последнему опросу, который я недавно читал, РОМИРовскому, 22 процента россиян не готовы с оружием в руках защищать Россию. И это мне внушает мысль, что у нас что-то изменится. А что касается образа России, то Кавказ совершенно не оригинален в этом смысле. Я ссылаюсь на опросы, в которые я не верю. Но в этом есть просто интерес. В Европе недавно проводился большой опрос – какие страны наиболее симпатичны и не симпатичны, первое место заняла Швеция для европейцев как самая симпатичная, а Россия заняла предпоследнее место. Ничего удивительного.

Реплика – А какое государство занимает последнее место?

Виктор Воронков – Я думаю, что Белоруссия, но я сейчас не помню.

Станислав Лакоба – Вот Вы перечисляли различные мифы, в том числе один из мифов... конфликт между Грузией и Россией по вопросу Абхазии. Извините, но мне кажется, что и у вас было достаточно мифов, некоторые мифы здесь упоминались относительно Гудаутской базы, как вы сказали. Начнем с того, что Гудаутской базы на самом деле сегодня нет. Более того, я вам скажу, что самолеты там не летают. Нет просто самолетов. Так что я не знаю, кто может перевозить и что. Если уж на то пошло, то можно перевозить и другим путем. Не обязательно для этого нужно использовать авиацию.

Вы упоминали также сроки вывода баз. В Стамбульских соглашениях на самом деле было упомянуто о выводе баз в Вазиани и Гудауте. И это было сделано в срок. То, что касается двух других баз – Ахалкалаки и Батуми – вы знаете, что дата не была определена. Было сказано, что нужно будет вывести эти базы, но на основе двустороннего соглашения, что и произошло сейчас... Я не буду говорить о том, что было сказано по поводу абхазских паспортов. Тут уже было замечание, естественно, что мы обратили на него внимание. Я хочу сказать, что когда-то кое-кто из представителей криминальных абхазских кругов получали грузинские паспорта. И в основном этот слой людей получал паспорта в 1994-1995 годах, запросто получали, за копейки. Вообще эта история очень интересная, потому что мне доводилось принимать участие и в переговорах в Женевском формате в 1994 году, когда решался вопрос миротворческих сил. Очень много тогда было поездок. И последняя поездка была в 1995 году. Кстати, тогда и президент Ардзинба вылетал с нами в последний раз в Голландию. Была такая встреча. Потом по инициативе грузинской стороны было запрещено вот такие поездки совершать. Фактически вот этот старый советский паспорт, то есть, так как у нас не было своих паспортов, он был аннулирован, и нам сказали: либо берите грузинские паспорта, чего естественно мы не могли сделать, либо вообще не будете ездить. Никто, естественно, не ездил. Только в особых случаях были какие-то контакты и поездки. И тогда, между прочим, мы говорили некоторым представителям Грузии, в частности Кавсадзе и другим, о том, что наступит время, когда мы сможем получить, скажем, российские паспорта. Они говорили, что это абсурд. Мы говорили, что эра Ельцина не будет вечной, мо-

жет кое-что измениться в этой политике. И естественно в 1999-2000 году настал такой момент, когда были предоставлены эти паспорта, российское гражданство. В Абхазии с удовольствием приняли это решение, потому что необходимо было передвигаться, необходимы были контакты, необходимо было как-то пересекать границу. До этого был еще один вариант, когда предлагали что-то вроде ООНовских паспортов. Такой разговор тоже был. Но опять-таки категорически была против грузинская сторона. Но, в конце концов, нас невозможно исключить из этой жизни. Недавно была представительница Еврокомиссии. Она приезжала по вопросам архивов, истории и т.д. в Абхазию и я ей рассказал о том, как был сожжен архив абхазский и Абхазский институт языка, литературы и истории. Причем в один день. Она не поняла и спрашивает: «Случайно?». Когда я сказал, что дважды поджигался архив, потому что один раз жители собрались и потушили огонь, потом гвардейцы окружили его и снова подожгли, и что мы неоднократно обращались к международному сообществу. Ее ответ был такой: «Вы, к сожалению, не признаны и потому...». Но я сказал ей, что это вопрос гуманитарный, разве это имеет отношение к тому, признаны мы или нет? То же самое и с проблемой паспортов – для нас это гуманитарная проблема, прежде всего. И, конечно, это необходимо учитывать. И такой еще вопрос затрагивался до вашего выступления. Но и вы тоже упомянули миротворческие силы. С такой легкостью одних вывести и заменить другими невозможно, на самом деле это очень сложно. И, наверное, многие забывают о том, что такие силы вводятся по соглашению обеих сторон в конфликте. То есть, на это должна дать согласие и абхазская сторона. Хотя выведены они могут быть по решению одной из сторон. Вот в это тоже, наверное, очень многое упирается. И мне кажется, что все это необходимо учитывать, тем более, что все, кто здесь выступает, отмечают то, что все же роль России на сегодня большая, несмотря на то, что позиции России, как говорят многие, ослаблены на Южном Кавказе. Но необходимо учитывать, что Россия в этой ситуации будет делать все для того, чтобы закрепиться и в Абхазии, и в Южной Осетии, и в других регионах, где только можно будет зацепиться. Это необходимо учитывать. И я думаю, что все сидящие здесь прекрасно осознают, что все же без участия России невозмож-

но будет решать проблемы на Южном Кавказе еще на протяжении определенного времени.

Джана Джавахишвили – Было несколько комментариев по поводу наркотраффика. Я хочу сказать, что мне пришлось недавно делать наркоотчет по ситуации в стране, и нет живого места. По всей нашей пограничной полосе входят и уходят наркотики. То есть, я не хотела сказать, что это только там происходит. Фактически все границы слабо защищены и если раньше отсюда в Европу уходили, сейчас даже из Европы завозят субutexс. Я просто говорила по отчету, который касался 2003 года, я забыла это упомянуть, где было сказано об участии некоторых русских военных. Это как раз тот бизнес, когда у криминала нет границ. Это не касается кого-то одного.

Батал Кобахия – То, что Вы говорили, Александр, по поводу легитимности и нелегитимности, мне напомнило сериал «Богатые тоже плачут». Когда говорят о легитимности и нелегитимности представители государств, которые являются субъектами международного права, а тут мы сидим из непризнанных государств. Поэтому у меня вопрос возник к Джане. Когда строилась эта система легитимно – нелегитимно, насколько она действительно адекватна ситуации, насколько это легитимно? Насколько отражались другие интересы? Разумеется, международное право имеет такую массу стандартов, что любое легитимное право любой стороны можно подвергнуть сомнению. Например, это может быть, даже к фонду Бёлля относится. Насколько легитимно было чуть ли не в последний день, когда мы уже купили билеты, поменять в программе конференции название Сухум и сделать флеш «и». Был целый процесс, в котором мы обсуждали, как нас называть, мы считаем, что мы представители города Сухум. Но фонд Бёлля, видимо, считает, что надо сделать флэш. Но насколько это легитимно? Я видел, что «Интернешнл Алерт» издал книгу «Бизнес и конфликт», где публикует карту Абхазии, которую дают грузинские исследователи, где они используют топонимику, которая не была ни в советский период и ни в другой – «Абхазети», еще и на английском. Тут вопрос легитимности. Для меня легитимно, исходя из международного права, чтобы меня называли

так, как я себя называю. Если вы не можете этого сделать, то вы меня предупреждаете об этом. Мы с вами беседуем на эту тему, и соответственно принимаем свои решения. Но делать это так, когда мы уже на трапе самолета и едем сюда и присылать приглашение, где меняется, в общем-то, наша история, это неправильно. Это к вопросу легитимно и нелегитимно.

Второе. Что касается паспортизации, конечно, все-таки у нас неофициальный формат, но, тем не менее, мы публикуем книги, и в принципе тут представлены достаточно интересные ученые. Когда, Джана, Вы говорите – «легитимизация криминальных фигур через паспортизацию», то всегда, конечно, требуется разъяснить – а разве легитимно вообще лишать людей возможности иметь какой-либо паспорт? Мне кажется, что это и есть «апофигей» криминализации, незаконности, когда люди, все население, целый народ не имеет возможности иметь паспорта. Скорее всего, не легитимно было не давать им паспорт. А давать паспорт – это легитимизировать процесс, тем более, что ни Россия, ни Абхазия не нарушила никаких легитимных стандартов. Почему? Потому что, поскольку Абхазия не является субъектом международного права, то естественно, она не подпадает под эти стандарты, а Россия издала закон о том, что все, кто входил в бывший СССР, имеет право получить паспорта. А Грузия сделала все возможное для того, чтобы вырвать этот процесс из контекста и советского и постсоветского пространства. Не было нелегитимных действий ни граждан Абхазии, ни Абхазии, ни России в этом смысле и в этом отношении. Почему я это говорю? Потому что, если бы это просто было сказано и пошло бы в отчет, то мне было бы неприятно, как будто мы не понимаем того, о чем говорим. Для меня тогда возникает такой вопрос. Очень часто мы сталкиваемся в нашей внутривнутриполитической жизни с тем как мы будем жить – легитимно или не легитимно? Легитимно – это как бы законно. Не легитимно – это обычное право, наши понятия, ценности. Когда люди, которые принимают решения, говорят, что они не могут жить по закону, а хотят жить по чести и совести, у меня сразу возникает вопрос – если вы знаете, что закон никак не отражает сущность вашей совести, чести, морали, традиций, то надо работать над законом, чтобы ваши ценности имели легитимный характер. Поэтому всякие пре-

тензии в отношении того, что паспортизация – это не легитимный процесс, это порождает конфликт. Или утверждение о том, что Абхазия является маленькой частью большого наркотрафического пути – это, конечно, хорошо, когда Вы делаете исследования в Грузии, я не сомневаюсь, что Ваши исследования в Грузии по наркотрафику достаточно солидны. Вы, наверное, везде побывали. Но вообще было бы неплохо побывать в Абхазии и убедиться, что тут нет той базы, которая становится легендой. Это похоже на дискуссию о том, что украдены некие радиоактивные вещества в Физико-Техническом Институте для того, чтобы убедить международное сообщество, что Абхазия владеет некими элементами, из которых можно сделать атомную бомбу. Эта информация тоже периодически поступает из грузинской официальной прессы.

В принципе, я хотел сказать, что когда мы говорим о легитимности и не легитимности, я хотел бы, чтобы говоря о грузинском дискурсе о роли России, все-таки задумались и об абхазском дискурсе. И вот Ираклий, дорогой, пацифист высокого уровня, потрясает меня своими патерналистскими суждениями о том, что ему не позорно проиграть Абхазии, но он ни за что не мог бы проиграть России. Меня вообще удивляют рассуждения такого уровня, потому что обычно пацифисты говорят: и с Россией я тоже не буду воевать. Тут действительно патернализм высшего порядка, прикрытый шовинизм, или национал-пацифизм, может быть это новый термин. Но я думаю, что если внимательно посмотреть, то появляется немножко другой момент, не совсем пацифистский. И Ганди не имеет к этому никакого отношения.

А что касается ностальгии в российско-грузинских взаимоотношениях, я не могу не отметить, что в принципе Грузия всегда была в привилегированном положении в этом контексте. Для России Грузия всегда была в особом положении на Кавказе. То же привилегированное положение по случайным или иным обстоятельствам она имела и в советский период, когда даже в советском киноискусстве создавался образ грузина, гораздо более привлекательный, чем, например, простого якута. И в принципе, есть о чем ностальгировать. И было бы неплохо, чтобы мы тоже об этом задумывались. А сейчас, конечно, новый этап отношений России и Грузии. Наверное, России

тоже надо задуматься над тем, как она будет присутствовать на Кавказе, в частности в Грузии. Но, во всяком случае, по Абхазии мы определимся в следующем докладе.

Лариса Сотиева – Спасибо, Батал. Затем Сергей Маркедонов и на этом дискуссия заканчивается. Слишком бурная.

Сергей Маркедонов – То, что бурная – это хорошо. Это показывает, что люди не безразличны к этой проблеме. Если бы тут деревянное железо обсуждали, то это было бы менее интересно. Есть два небольших замечания. Здесь, собственно, как мне кажется, когда мы говорим о легитимности, немножко путаем легальность и легитимность. Легальность, то есть, соответствие той или иной статье закона, формально-юридической норме. Легитимность в веберовском понимании, восприятие власти как власти своей. Если в Грузии очень значительная часть населения не воспринимает власть как свою, то это проблема. Вот, допустим, Абхазия, осетины, очень сложные проблемы, в Джавахетии, очень непростые проблемы в Квемо-Картли, очень непростые проблемы с интеграцией ассирийского, курдо-изидского меньшинства и т.д. Если люди не видят эту власть как свою власть, то государство имеет большие проблемы с легитимностью. Это не какая-то ахиллесова пята Грузии. Проблемы с легитимностью есть и у нас, может быть в меньшей степени, и в других кавказских государствах. То есть, здесь действительно, мне кажется, что для обеспечения легитимности лучше начинать с внутренних механизмов, чем искать какие-то вещи на стороне.

И второй момент. Джана сказала об антироссийской ориентации грузинской элиты – Саакашвили и т.д. Я попробую озвучить такой, может быть, нестандартный тезис. Мне кажется, что обвинения Саакашвили и его соратников в русофобии несколько завышены. Саакашвили – это ситуативный политик, который, если помните, во время своей инаугурации в храме Гелати в первой части демонстративно протягивал руку России и говорил о том, что с чистого листа надо начать отношения с Россией. Он был бы готов быть очень про-российским политиком на самом деле, если бы Россия дала Абхазию, сдала бы позиции в Южной Осетии и поддержала бы его курс

на соби́рание грузинских земель, на поддержку, так сказать, Давида Строителя – П. И в этом случае Саакашвили был бы вполне пророссийским политиком. Именно какой-то русофобии у него нет, как и у его окружения. Когда у нас в России пытаются представить Саакашвили марионеткой Запада, то это мне кажется большим преувеличением. В Саакашвили я вижу достаточно волевого человека, достаточно последовательного, в отличие от многих российских лидеров, которые вначале заявляют один тезис, вначале говорят: «мочить всех в сортире», а потом сдают республику системным сепаратистам. Вот это – непоследовательность. Саакашвили четко заявил свой тезис о том, что он собирает Грузию. Ну, и собирает. Вы посмотрите, если любая ворона прокаркала слово «Абхазия», то тут же МИД Грузии делает соответствующее заявление по этому поводу. Из выступления в выступление президент Грузии говорит про 250 или 300 тысяч (хотя это абсолютное преувеличение количества) беженцев. У нас провели референдум в Чечне. Про 220 тысяч русских беженцев и 21 тысячу убитых чеченскими сепаратистами ни президент, ни председатель центрризбиркома России не вспомнили. Это к вопросу о волевом характере и представлении о целях и ценностях. У Саакашвили они, безусловно, есть. И скорее не Запад его использует, а он использует Запад. Его проамериканская риторика могла бы смениться пророссийской и прокитайской, если бы эта сила поддержала Грузию в соби́рании земель. Поскольку Запад проявляет определенный интерес и считает его по background'у своим человеком, он озвучивает эту терминологию. В свое время, еще в советские времена Андрей Дмитриевич Сахаров как-то назвал Грузию малой империей. И в этом есть определенная справедливость. Не могу сказать, что стопроцентная, но определенная. Грузия ведь во многом повторяла Советский Союз, это был мини-Советский Союз. Тоже построенная по принципу квази-федерации, доминирование центра, Москва – для Советского Союза, Тбилиси – для Грузии и т.д. Возьмите даже представительство в советских органах, в палате представителей. Украина с 50-миллионным населением сколько имела представителей, и Грузия с 5-ти миллионным сколько? То есть, некое привилегированное положение было. И если говорить вот о таком имперском дискурсе, да, Саакашвили империалист, но империалист – защитник малой импе-

рии. Он ее защищает всеми доступными способами, кстати, блестяще. Как политику, я ему отдаю должное. Действительно, сильный политик, в отличие от многих в российском руководстве. И я бы не стал его изображать таким антироссийским. Вопрос – нужно ли России играть в игры, которые задумал президент Саакашвили? Вот вопрос. Но это дискуссионный вопрос.

Джана Джавахишвили – Если вы помните, наверное, помните прекрасно, в начале правления Саакашвили в конфликтных сторонах была опаска того, что у него наладятся отношения с Россией и это будет не в пользу Абхазии и Южной Осетии. Но этого не случилось. То есть, ни в коей мере не говорилось о том, что Саакашвили – марионетка Запада. Наоборот. Просто сейчас современная ориентация Грузии направлена на Запад.

Лариса Сотиева – Я хочу поблагодарить Джану за очень интересный доклад и всех тех, кто участвовал в обсуждении этого доклада. И сейчас, с вашего позволения, я представлю Гурама Гумба.

Гурам Гумба

РОССИЯ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АБХАЗИИ

Тема моего доклада одновременно проста и очень сложна. Проста, потому что на первый взгляд, присутствие России в Абхазии зримое и незримое, всеобъемлюще, всесторонне во внутренней политике Абхазии, не говоря уже о внешней политике, которую за последние двенадцать лет очень сложно назвать самостоятельной. Любое важное политическое решение в Абхазии рассматривается через призму интересов России. Даже при назначении на крупные, значительные должности в республике тоже учитывается лояльность этого претендента по отношению к России. Помимо субъективных причин это вызвано и определенными объективными причинами. Военно-политическая неурегулированность в отношениях между Абхазией и Грузией и реально существующая военная угроза со стороны Грузии, действительно, диктуют полную ориентацию Абхазии на Россию в поисках союзника. Можно сказать, что установление тесных связей и сотрудничества Абхазии с Россией диктуется жизненно важной необходимостью. Исходя из той геополитической ситуации, которая сегодня сложилась, у нас как бы другого выхода и нет. И в абхазском обществе такая ориентация ни у кого не вызывает сомнений, по большому счету. Тем более, что Грузия вложила в руки России такой важный рычаг влияния на Абхазию, как блокада, которая полностью нас изолировала от окружающего мира. Практически выход в мир у нас происходит только через Россию. Это, безусловно, дает России возможность использовать обширный арсенал приемов и технологий своего влияния, реализации своей политики в Абхазии. Это и финансово-экономические, и информационно-манипулятивные, и военно-политические средства. И судя по тем аргументам, которые приводились официальными российскими представителями в период кризиса, связанного с выборами президента, когда закрывалась граница Абхазии с Россией, то не исключено, что в этот арсенал при необходимости будет включено использование кон-

цепта «криминальная власть», «международный терроризм», «исламский фундаментализм» и другие специфические инструменты.

С другой стороны, тема сложная, потому что четко не определена для нас позиция России по отношению к Абхазии. Она многоплановая, многоуровневая. Для нас не ясны сами интересы России в Абхазии. Естественно, это усложняет понимание нашего отношения к России и отношения России к Абхазии. Как показали события в период кризиса, стереотип об абхазах как послушных исполнителях воли Кремля оказался довольно мифологизированным. Это стало неожиданностью для общественности России. Честно говоря, не только для России и Грузии, и определенных международных организаций и государств, которые интересуются грузино-абхазским конфликтом и вообще Абхазией, но и для самой власти Абхазии это стало неожиданностью. В то же время у большей части населения Абхазии, абхазского общества в свою очередь вызвало удивление то, что это стало неожиданностью. О причинах такого, на первый взгляд, неожиданного поведения абхазского общества в российской и грузинской прессе писалось достаточно много, поэтому я не буду на этом останавливаться. Но отмечу, что в этих публикациях в основном делается акцент на внешних причинах. События в Абхазии рассматриваются в зависимости от влияния внешних факторов, как ответная реакция на них. В то же время совершенно или почти совершенно не учитываются внутренние причины. Если учитываются, то это связывается с необходимостью смены власти, дискредитировавшей себя, ставшей почти полукриминальной, а также с тем, что абхазы – такой уникальный, маленький, но гордый народ, которому силой ничего нельзя навязывать. Вроде это был такой эмоциональный порыв со стороны абхазов. Безусловно, все эти факторы имеют место быть, но главная причина не в этом. Хотя, что касается уникальности, то я не вижу здесь никакой уникальности. Мы живем и развиваемся в соответствии с теми общими закономерностями, которые присущи всем народам на том или ином этапе их исторического развития, независимо от их численности – их сто миллионов или сто тысяч. И уникальность наша заключается лишь в форме проявления этих закономерностей, то есть, в нашей национальной культуре. Все эти проблемы полностью, естественно, я не смогу охва-

тить. Как я сказал, влияние и роль России довольно всесторонние, и обо всем я не смогу сказать. Но я думаю, что мои коллеги потом дополнят или поправят меня. Я бы хотел остановиться на той мифологии и на тех стереотипах, которые существуют и на той реальности, которая на самом деле есть в Абхазии. Без учета внутренних причин довольно сложно будет представить себе реальную картину в Абхазии и роль России в Абхазии. Не только роль России, но и взаимоотношения Абхазии и Грузии и того, что лежит в основе нашего конфликта. Особенности абхазского национального движения не учитываются порой не только международным сообществом, но и абхазскими экспертами, и это мешает пониманию того, какие процессы у нас происходят.

Одной из особенностей абхазского национального движения было то, что его истинные цели, движущие мотивы не соответствовали сформулированным ее лидерами политическим целям. Вы знаете, что, начиная с 50-х годов, идет открытая борьба абхазского народа за выход из состава Грузии и вхождение в состав Российской Федерации, то есть фактически из одной части империи в другую. В конце 80-х годов речь уже идет о том, как добиться статуса союзной республики в составе Советского Союза. Обоснованием этого было то, что Грузия проводила политику полной ассимиляции абхазского народа, лишения его языка и культуры. И это стало основанием для того, чтобы требовать вхождения в состав Российской Федерации. Грузия была частью СССР, и она проводила ту программу как установку, данную КПСС. То есть, одна из целей, которая стояла в СССР – это ассимиляция малочисленных народов путем поглощения малочисленных более крупными и формирование советского народа. Таким образом, переход в состав России не снимал этой проблемы, потому что все союзные республики проводили ту же самую политику соответственно целям КПСС. Правда, кто-то более усердствовал, как Грузия, например, а кто-то менее. Если взять все постановления Центрального комитета КПСС по поводу восстания абхазов, которые происходили через каждый десять лет, то в них речь шла только о перегибах и поспешности руководства в том смысле, что, дескать, абхазский народ еще до конца не созрел для полной ассимиляции, подождите, мол, потом надо ее подготовить. В принципе

вот такая постановка вопроса – выход из состава Грузии и переход в состав России – и обусловили в тот период правовое обоснование абхазского национального движения. В первом случае, дескать, в 1810 году Абхазия добровольно вошла в состав России, а во втором случае, с 1921 по 1931 годы Абхазия была договорной и едва ли не союзной республикой. Естественно, такая тактика борьбы в советский период была вызвана объективными причинами, хотя бы тем, что Абхазия по системе матрешек входила в двуединую империю. И, естественно, существовавшие условия диктовали необходимость выхода сначала из одной матрешки, а затем – из следующей. Что и обусловило особенности абхазского национального движения.

Если коротко о том, что лежит в основе абхазского национального движения. В основе лежит, конечно, не противоправный акт включения Абхазии в Грузию в 1931 году, как это утверждается во всех абхазских официальных документах, а незавершенность демонтажа советской империи и фундаментальная потребность абхазского народа быть свободными и независимыми. Его борьба за достижение национальной независимости, которой он был лишен в результате завоевания Абхазии царской Россией, и превращения ее в колонию, сначала российскую, а затем советской империи. И независимо от того, в какую союзную республику Абхазия бы входила – в состав Грузии, или в состав России или Казахстана – она вела бы в той или иной форме такую же борьбу. Потому что это – национально-освободительная борьба абхазского народа, и она вызвана не внешними причинами, а внутренними и является политическим выражением кардинальных изменений в национальном организме и достигнутым качественным уровнем – уровнем национальной консолидации во второй половине XX века. И именно этим обусловлено стремление абхазского народа к национальной независимости. Об этом свидетельствует вся политическая борьба абхазского народа, начиная с 40-50-х годов. И особенно, освободительная война 1992-1993 годов, в результате которой народ вновь обрел свою самостоятельную государственность. Однако вот эта суть национального движения, ее истинные цели не были осознаны и не были сформулированы ее лидерами. Это одна из особенностей абхазского национального движения. Более того, агрессивная внешняя политика руковод-

ства Грузии, угрозы с ее стороны о готовности физического уничтожения абхазского этноса оказали столь отрицательное воздействие на самосознание национальной элиты Абхазии, что привели к тому, что произошла подмена характера национального движения, его формы. То есть, тактическая цель – освобождение от Грузии превратилась в стратегическую цель, а сама стратегическая цель – независимость Абхазии, что являлось сутью борьбы – была затухана. Это привело к поиску и выработке ложных целей. Независимость стала пониматься как независимость от Грузии, но в рамках России. То есть, проблема выбора между зависимостью и независимостью подменилась проблемой выбора между Россией и Грузией. Но когда Абхазия достигла своей главной цели, как казалось, освободилась от Грузии, то Россия не только не открыла нам своих объятий, а напротив, закрыла, устроив блокаду. И мы остановились растерянные, не зная, что делать с этой независимостью. В этих условиях вместо того, чтобы выразить всенародную волю и объявить независимость, руководство Абхазии начало делать неоправданные уступки, идти на неискренние компромиссы. То неоднократно обращались к России с просьбой принять Абхазию в состав России, одновременно подписывая заявления и протоколы с Грузией о совместном союзном или федеративном государстве, то, наконец, провозгласив независимость, вновь обращались к России об установлении ассоциированных отношений. Словом, политическое руководство страны оказалось морально и политически не готово к самостоятельному плаванию, построению самостоятельного государства. Неосознанность истинных устремлений, мотивов и целей национальной борьбы привели к тому, что понимание основных интересов сузилось до принципов самосохранения, до уровня элементарных потребностей. Стало озвучиваться, что якобы именно сохранение этнической целостности, культурной самобытности является главной мотивацией, стимулирующей абхазов к построению независимого государства. Так как в настоящее время угроза исходит от Грузии, то в определенной части общества государство стало восприниматься как некий щит, и то только на Ингури. И в то же время вместо создания самостоятельного государства, создания необходимых равных условий для раскрытия творческого потенциала всего населения страны, независимо от

их национальной принадлежности, вот уже двенадцать лет происходит активная экономическая и политическая интеграция в российское государство. Государственные учреждения Абхазии начали устанавливать горизонтальные связи с соответствующими ведомствами России, фактически превращаясь в их филиалы на местах. Этому можно найти оправдание. Действительно, объективно существуют оправдания, потому что у нас практически другого выхода нет. Но какие бы не были ссылки на трудную реальность, факт в том, что сама власть начала напрямую ориентировать свое население, своих граждан на другое государство. Тем самым, вопреки всякой логике, подрывали еще не признанное свое государство, его авторитет перед своим населением, перед внешним миром. Таким образом, руководство Абхазии будущее своей страны практически связало с экономическим и политическим развитием другого государства. В этих условиях вообще необходимость самой государственности Абхазии тоже ставится под вопрос. Естественно также отпадает надобность разработки концепции национального развития и реализации эффективной внутренней и внешней политики независимого государства, ибо решение этих проблем в общем-то возлагается на другое государство. И в условиях послевоенной экономической разрухи, блокады, непризнанности республики, неопределенности ее политического будущего происходит деморализация политического самосознания определенной части общества. Таким образом, увеличивается число людей, в душах которых укореняются ростки безволия, усиливается неверие в свои силы и в возможность самостоятельного развития без чьей-либо помощи и опеки. А так как долгое время мы не ставили вопрос о независимости, а лишь как бы получили «смену хозяев», подкрепленную многократными обращениями к руководству России с просьбой принять Абхазию в ее состав, то, естественно, сторонние наблюдатели усиливались во мнении, что абхазское национальное движение, инспирированное Кремлем, направлено против независимости Грузии. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация, когда проводимая политика со стороны руководства Абхазии не только не соответствовала истинным интересам и целям народа, но и унижала его национальную честь и достоинство. Все это, безусловно, привело к дезориентации общества в стратеги-

ческом плане. Начался постепенный распад сложившейся в конце 80-х годов, в период освободительной войны, той политической консолидации, которая была достигнута к тому времени. Говоря о политической консолидации нации, я имею в виду все население Абхазии, а не просто абхазский народ. Дело в том, что если в период 40-50-х годов абхазский народ был одинок в своей освободительной борьбе, то в конце 80-х годов в силу сложившейся ситуации, рядом и вместе с ним встали практически все этнические меньшинства Абхазии – русские, армяне, греки и другие. Да и, кстати, многие грузины тоже. То есть, национально-освободительная борьба получает очень широкую поддержку среди всего населения. Возникло движение всего населения Абхазии, которое было оформлено политическим союзом под таким же названием «Союз». Здесь было требование предоставить всем жителям республики Абхазия полные равные экономические, политические, социальные и культурные права и свободы, независимо от их национальной принадлежности. Это было основной, главной целью, которую ставило движение. В конечном итоге это означало лишение тех привилегий – политических, экономических и культурных, которыми обладали грузинские переселенцы или, как их в Абхазии называют, «бериевские переселенцы». Таким образом, в национально-освободительной войне Абхазии против Грузии рядом с абхазами встали все эти этнические меньшинства. Это не была война между абхазами и грузинами. Было несколько армянских батальонов, были русские, не только те, которые, допустим, пришли с Северного Кавказа и с Юга России, а те, которые проживали в самой Абхазии. Здесь также можно пофамильно назвать героев-грузин, которые воевали на стороне абхазов. То есть, здесь шла речь не об этническом сепаратизме, не об этническом противостоянии, а речь шла о национально-освободительной войне Абхазии против Грузии. И в этот период был достигнут определенный, очень высокий уровень политической консолидации всего населения Абхазии. Однако после войны не только не были приняты какие-либо шаги по созданию экономической базы для политической интеграции всего населения страны и построения гражданской нации, гражданского государства, но как уже было отмечено, в условиях идейно-политической неопределенности и в силу

объективно сложившихся обстоятельств, достигнутый уровень политической консолидации населения Абхазии сохранить не удалось. Помимо тяжелых экономических условий и других причин этому способствовало то, что, к сожалению, у нас не сложилась политическая элита, которая мыслила бы категориями независимого государства. Основная часть интеллигенции Абхазии так и не вышла за рамки культурно-просветительской модели развития и не смогла выразить новые потребности народа. Им не удалось сформулировать или предложить концепцию развития самостоятельного государства. К сожалению, у нас сложилась лишь административная элита с дефицитом общенационального сознания. И в силу слабости во многом номинальных государственных институтов в стране начался естественный процесс самоорганизации, дробление общества на микрогруппы, кланы, объединенные финансово-экономическими интересами. Определяющим фактором компромисса становятся срочные, сиюминутные интересы микрогрупп, отдельных представителей администрации. Очень часто интересы Абхазии рассматривались через призму сиюминутных финансово-экономических интересов тех или иных микрогрупп, которые оказывались в фаворе у власти или каких-то финансовых групп в Москве. Так как главным источником ресурсов в Абхазии является Россия, то это, конечно, и сегодня налагает определенное влияние на проводимую политику. И политика часто проводится в зависимости от условий и ожидания экономических, финансовых групп России, а не от национальных интересов или результатов договоренностей, достигнутых внутривнутриполитическими группами. Таким образом, вот это углубившееся несоответствие между истинными национальными интересами национальной борьбы, ради которой вообще создавалось само независимое государство, и интересами и целями административной элиты Абхазии привели к системному кризису государственной власти. Особенно это наглядно проявилось в ходе кампании по выборам президента 3 октября 2004 года и последовавшим за этим политическим кризисом. При этом следует сказать, что за последние годы Абхазия находилась в перманентном кризисе. Однако в обществе хватило гражданской сознательности направить процесс смены власти именно в правовое цивилизованное русло. В силу сложившихся внутренних и внешних

обстоятельств выборы президента по своей значимости стали событием большим, чем собственно выборы. Выборы вышли за пределы формально-юридического акта избрания президента. Почему? Практически вся предвыборная кампания штаба кандидата в президенты от власти была построена на том, что только в его лице Москва признает будущего президента Абхазии, ибо он является истинным сторонником России. В этом, к сожалению, убеждали в неприемлемой для абхазского народа форме представители высшей политической элиты России. И весьма печально, что в этой агиткампании принимали участие не только люди, которые имеют финансовые и экономические интересы в Абхазии, но и истинные друзья Абхазии, которым на самом деле безразлична судьба Абхазии. Соответственно, все остальные соперники, кроме представителя от власти, автоматически были превращены в прогрузинских. Таким образом, гражданам Абхазии предлагались невозможные пути самостоятельного развития, концепции самостоятельного развития или программы, а надуманный выбор между Россией и Грузией. То есть, главным лейтмотивом предвыборной кампании было – кто из кандидатов устраивает Россию. Волеизъявление народа отчетливо показало, что предлагаемые ему цели и навязываемые клише оторваны от реальности и не соответствуют его истинным устремлениям.

Выборы были не против кого-то: против России или против Грузии, а это были выборы за Абхазию. То есть, то, что не было сформулировано элитой, когда народу дали возможность высказать свою волю, он однозначно высказался за самостоятельный путь развития. Это было проявлением воли к независимости. Это одно из главных достижений того периода.

И, конечно, не только в разрешении кризиса, но и в становлении кризиса тоже принимали участие политические круги России. Однако не следует преувеличивать и тем более драматизировать роль России в этом кризисе. Она была настолько большой, насколько политическое руководство Абхазии позволило это. Выборы показали также, насколько власть оторвана от народа. Когда ради сохранения своей власти, руководство поставило под угрозу не только политическую и экономическую безопасность Абхазии, но, инициировав приглашение военных формирований из России, власть поставила

под угрозу саму жизнь народа. Это уже говорит о том, насколько те принципы, те интересы, которыми руководствовалась в последнее время административная элита, были оторваны от интересов и морально-этических норм и тех принципов, которыми живет народ.

Конечно, сама смена власти не является решением тех проблем, которые сегодня стоят перед нами. И как себя поведет новая власть, что она будет делать, сможет ли она достойно развить политическую ситуацию, которая была поднята народом на такой уровень – это покажет время. В частности, у нас сейчас стоит проблема необходимости политической консолидации всей нации. Существует представление, что наше общество сегодня расколото на два лагеря. Я думаю, что это не совсем соответствует действительности. Наше общество не расколото на два лагеря. Оно расколото, раздроблено, как это и было раньше, на десятки группировок, на десятки кланов. В период выборов президента они сгруппировались вокруг двух полюсов: по отношению к новой и старой власти, что и создало иллюзию, что наше общество разделено на две стороны. Я бы условно, схематично разделил обе эти стороны на два уровня. На первом уровне находятся микрогруппы, кланы, многие из которых представляют администрации разных времен, которые объединены опять-таки не по политическим расчетам и интересам, а по финансово-экономическим. Несмотря на то, что все они апеллируют к национальным и народным интересам, я думаю, что их кругозор ограничен локальными интересами. И их действия определяются существенным образом влиятельными связями среди московских финансово-экономических групп. Два вот этих уровня власть пытается объединить, учитывая интересы микрогрупп. Это первый слой. Второй слой представляют те люди, которые пытаются выразить национальные интересы. То есть, эта категория присутствует во всех этих группах на втором уровне. И их трудно объединить, потому что у них не сформулированы национальные интересы, не сформулированы цели, нет пока идейно-политической определенности. Не зная интересов, не зная, что учитывать, очень трудно будет их объединить. Я думаю, что сегодня сформулировать те интересы, которые сегодня перед нами стоят, которые объединили бы все население Абхазии, это первостепенная задача. Естественно, должны быть общественные ин-

ституты, которые сегодня у нас находятся в зачатке, они еще не сложились, но в зачатке есть. Как показали эти выборы, большие надежды возлагаются на те группы гражданского общества, которые представлены неправительственными организациями. Как бы их не обвиняли в том, что они какие-то «про», что они оторваны от абхазских корней, оказалось, что они являются более национальными, чем все остальные патриоты, которые заявляют, что более близко стоят к интересам народа, и выступают выразителями интересов народа. Я надеюсь, возлагаю надежду на то, что эта группа в этом отношении внесет не просто свою лепту, но и будет продолжать идти по пути, ведущему к консолидации нации Абхазии. Спасибо.

ДИСКУССИЯ

Батал Кобахия – Я хотел бы уточнить несколько моментов, касающихся российского влияния на Абхазию и на чем оно зиждется. Конечно, для нас очень важный момент – это Черкесский мир, о котором тут многие говорят. Для Абхазии очень важно сохранить отношения и связи с республиками Северного Кавказа. Для нас это очень важный фактор. Даже если Россия этого не хочет, тем не менее, это именно тот определяющий фактор, на котором строятся отношения к России, в которую черкесский мир входит. И разумеется связанный с этим вопрос – это проблема репатриации. Международное сообщество и вообще государства, участвующие в переговорном процессе, весьма странным образом избегают этот вопрос, поскольку он им кажется сложным, вернее еще больше усложняет им задачу политического урегулирования конфликта, как они его себе представляют. Но мне представляется, что до тех пор, пока проблема репатриации депортированного в XIX веке населения Абхазии не будет решена, невозможно будет до конца разрешить вот этот клубок конфликта, как сказала Джана, который связывает и Грузию, и Абхазию, и другие государства.

Еще фактор, который дает возможность России влиять – это единственная граница, которая сегодня открыта для Абхазии, коммуникации и общение со всем миром происходит через российскую гра-

ницу. И нельзя отрицать, что абхазы воспринимают этот акт доброй воли положительно. Других открытых границ у нас просто нет. Не менее важным является проблема использования русского языка, что сегодня тоже становится темой дискуссии в обществе. В связи с тем, что в советский период очень сложно было развиваться абхазскому языку, и Абхазия была многонациональной, русский язык уже настолько закрепился в условиях Абхазии, трудно его заменить английским, а тем более грузинским или еще каким-то языком. И восприятие другой культуры, ценностей, представлений, понятий через русский язык – это очень важный фактор. Это еще один прагматический интерес, который связывает нас с Россией.

И последний, не менее важный, как мне кажется момент. Несмотря на экспансию, еще начиная в XVIII века России в Абхазию, и, несмотря на то, что до революции абхазы были объявлены виновным населением, тем не менее, никогда Россия, я имею в виду государство, не покушалось на идентичность абхазов и никогда не покушалось на право собственно абхазов на свою территорию. Подобные претензии постоянно исходят из Грузии, когда нас хотели лишить права называться абхазами и вообще лишить легитимности права проживания на своей территории, это очень важный момент.

Теперь я хотел бы вернуться к вопросу языка и соседства, чтобы не обольщались наши российские коллеги и вообще государство, если оно нас слышит. Некоторые из этих факторов, в принципе, легко изменить, потому что, если граница будет открыта не только с Россией, то Абхазия сможет расширить возможности коммуникаций с мировым сообществом и через море, и через Грузию. Проблема языка тоже очень легко решаемая. Для этого необходимы инвестиции, какие-то усилия в образовательной сфере. Если мировое сообщество или участники переговорного процесса будут реагировать и на такие жизненно важные для сохранения народа проблемы, как проблема репатриации и больше уделять этому внимания, то есть шанс организовать этот процесс лучше, чем в России решился вопрос репатриации на Северном Кавказе. Тут были приведены примеры. Но опять-таки использование русского языка вряд ли будет минимизировано за счет других языков. Остается еще один момент, который действительно будет прагматично связывать Абхазию с Россией. Это

проблема республик Северного Кавказа, с которыми мы хотели бы сохранять свои отношения. И, может быть, если в перспективе мы могли думать, как сделать так, чтобы вот эти факторы влияния не были бы слишком жесткими, не использовались для давления и установления зависимости одних от других, то все это можно изменить. Тогда влияние России не будет таким жестким и всеобъемлющим, и если Абхазия не будет чувствовать угрозу безопасности для своей территории и идентичности, то, наверное, несколько иначе будет говорить и с соседями из Турции и из Грузии.

Сергей Маркедонов – Я хотел один тезис, который озвучил Гурам, попытаться прокомментировать. Почему попытаюсь прокомментировать? Он очень часто был озвучиваем во время российско-абхазского семинара в марте сего года. Я на нем побывал, там было три дня работы, встреча с депутатами парламента Абхазии, и потом работа с абхазскими экспертами. Этот тезис много раз озвучивался, и Гурам его повторил в концентрированном виде. То есть, некое опасение о том, что разрушена консолидация абхазского общества. Мне кажется, что вот эта консолидационная болезнь характерна для всех постсоветских образований и признанных, и непризнанных – боязнь утраты некой консолидации. Господа, консолидация абсолютная на кладбище бывает. Там у всех бывает одно мнение приблизительно. Только так возможно достигнуть абсолютной консолидации и абсолютного сплочения. То, что в Абхазии произошел некий содержательный раскол, на мой взгляд, это очевидная вещь. Именно раскол по отношению к содержанию независимости. Либо независимость как некая самоцель, либо, да, мы имеем независимое государство, может быть в ассоциированных отношениях с Россией, но нам нужно более высокое качество этого государства, его прозрачность, открытость и т. д. Это не обязательно, что раскол проходит 50 на 50. Он может происходить в других пропорциях. Если даже 10 на 90 – это все равно говорит о том, что здесь есть некие расхождения. А в чем есть консенсус действительно в абхазском обществе – это то, что отношения с Грузией должны строиться как с соседом, нет будущего в грузинском государстве и курс на некое независимое развитие. А там, может быть, дальше идет разное его понимание. Поэто-

му мне кажется, что этого бояться нельзя. Многие ваши коллеги немножко опасаются этого момента. Это не страшно, на мой взгляд. Вы просто поправляете, уточняете свое государство, выстраиваете свои отношения между обществом и властью. Это нормально. Здесь не может быть тотального единства. Только в тоталитарном государстве рейтинг 90 процентов и все строят одно светлое будущее.

Гурам Гумба – Спасибо, Сергей. Естественно, я не имел в виду, что консолидация, абсолютное и постоянное объединение нации. Нация – категория политическая, и особенно в переходном периоде хотя бы определенная группа политической элиты, пять-десять человек должны быть консолидированы, которые выразили бы интересы на данном этапе определенных групп. Вот ты говоришь о разном содержании независимости. Мы, к сожалению, функции наполнения содержанием отдали другому государству. Вот о чем тут идет речь. Здесь нужна политическая консолидация определенных групп, которые бы смогли выразить интересы на данном этапе. Речь идет только об этом.

Мы и так консолидированы. Если на нас кто-то нападет, то мы сейчас же станем как один организм. Дело не в этом. Просто нужно, чтобы мы смогли сделать следующий шаг, наполнить самостоятельным содержанием понимание независимого государства, насколько это возможно.

Ираклий Какабадзе – Я в первую очередь хотел бы поблагодарить господина Гумба. Я научился очень многому от него. В том, что господин Гумба говорил, есть очень большая доля правды и прогресса. Я думаю, что единственный путь в том, чтобы я, как грузин, не мог иметь ничего против самоопределения Абхазии. Моя политическая философия основывается не на реал-политик, а на идеал-политик. Для меня имеет значение, когда двадцать человек бьют одного человека, может быть, это патернализм, но для меня это ненормально и неэтично и имеет значение количество людей. И империализм грузинский, русский, американский – один и тот же. Я против всех этих империализмов.

И я думаю, что господин Гумба очень правильно сказал, что независимость абхазского народа – она, действительно, заслужен-

ная, и абхазский народ заслуживает независимости. Более того, я думаю, что единственный правильный путь для Грузии и Абхазии – стараться войти в Евросоюз как единицы. И я думаю, что в этом вопросе у нас с ним разногласий нет. Я хочу еще добавить, что в свое время Ганди тоже обвиняли в патернализме, когда он не хотел, чтобы индусы, которых немного больше, чем пакистанцев, убивали пакистанцев, и Неру не был согласен с этим. Но я все-таки согласен с Ганди в этом направлении, хотя его убили националисты после этого.

И потом. Конечно, у нас есть элементы империализма во всех странах. Я думаю, что у абхазов их меньше всего. У нас с русскими они есть – шовинистические элементы. И, может быть, там есть пацифисты-шовинисты тоже. Мы должны с этими пережитками вместе бороться в нас самих. И очень важно, что нам надо по-другому обозначить и наши отношения и отношения мирного сосуществования и мирного экономического развития делом, а не только словом. Можно начать с завтрашнего дня, когда к нам идут очень много денег из международного сообщества. Мы их тратим на всякие разговоры и не вкладываем их ни в Гудауту, ни в Очамчиру, ни в Зугдиди и даже не в Кутаиси... Это одно. Второе, в чем я согласен с гражданином Гумба. Старый путь коллаборационизма с империализмом, который лежит в наших странах, очень явно лежит в Грузии тоже. Я думаю, что я добавлю господину Маркедонову, что он был прав, когда говорил, что Саакашвили не антирусский, он прорусский, он обращен КГБ и его дядя штатный КГБшник. И об этом вы очень скоро узнаете, у нас будут об это публикации в прессе. И уже какие-то были. И я очень хочу верить, что мы пойдем по пути, по которому обозначил господин Гурам Гумба, а не по пути коллаборационизма, по которому идет у нас в Грузии очень много людей – господин Тимур Аласания и его друзья и т.д. И я хочу верить, что ты, Батал, перейдешь в лагерь миротворцев с европейским началом.

Александр Скаков – На самом деле я хочу прореагировать сразу на два доклада, поскольку после доклада Сергея обсуждения, в общем-то, не было. Были только очень долгие вопросы. Поэтому я несколько объединю эти два прозвучавших доклада в одну реплику.

На самом деле, кризис в Абхазии, который мы видели в конце прошлого года, был частью некоторого кризиса российской внешней политики. Неуклюжие действия России в Абхазии в общем-то вполне отвечали сценарию и парадигме той политики, которую мы видели в последние год-два. Совершенно понятно, что если в Москве считают, что Абхазия не является Россией, то в этом случае надо, безусловно, уважать выбор народа Абхазии. Если же считают, что Абхазия де-факто часть России, то в этом случае как-то странно устраивать блокаду субъекта той же самой России. Было бы странно, если бы в Магаданской области выбрали губернатора, который не угоден Кремлю и в ответ в России ввели бы блокаду Магаданской области. Поэтому ни в том, ни в другом случае действия были нелогичны и ничего кроме вреда, конечно, принести не могли.

Совершенно правильно было сказано Сергеем о крахе инерционного сценария. В самом деле такой сценарий присутствовал во внешней политике России и связан он с тем, что наверно в первый срок правления нашего президента на какие-то внешнеполитические вызовы были найдены адекватные ответы. Но потом вызовы изменились. И вот на эти новые вызовы адекватный ответ отсутствовал. То есть, эти новые вызовы получали старый ответ. В свою очередь, когда случился летний кризис прошлого года в Южной Осетии, это был вызов старого типа, старый сценарий. На этот вызов был найден ответ. То есть, было сделано все, чтобы конфликт не перешел в горячую фазу и чтобы планы руководства Грузии по разморозке конфликта были сорваны. Но когда Кремль сталкивается с новыми вызовами, он такого ответа найти не может. Это связано, наверно, не с тем, что сменились лидеры, что пришел к власти Саакашвили, что он волевой политик. Нет, дело не в этом. Волевые политики были и до этого – и Гейдар Алиев был волевым политиком, и Назарбаев – волевой политик, и Каримов – волевой политик. И я не считаю, что Ющенко – волевой политик, отнюдь нет. Скорее уж, волевым политиком является Тимошенко. Связано это со сменой элит на всей территории бывшего СССР и с приходом к власти нового поколения, которое гораздо меньше согласно жить по имевшим место до этого сценариям и пытается создать какой-то новый свой сценарий. И затем все эти вызовы, которые последовали дальше, так называемые «цветные революции», сначала

были такого рода события в Сербии, потом нечто похожее было проведено в Молдавии, потом Грузия, Украина, сейчас уже говорится, что следует того же ждать осенью в Азербайджане. Потом может пойти Армения и т.д., и т.д. И другие события тоже ложатся в это русло новых вызовов. Это – провал плана Козака в Приднестровье, и восставление ГУАМА, который позиционируется как санитарный кордон вокруг России и разносчик этой цветной инфекции. Все это требует каких-то новых ответов. Ничего этого нет. Есть некоторый кризис теневой политики, можно ее назвать «теневая PR-политика», когда при нежелании и неумении работать с оппозицией делается ставка на какую-то одну фигуру, которая вырывается из всего спектра, имеющего место в стране, и при этом есть еще полное неумение тратить деньги. Деньги как бы есть, а тратятся они непонятно как, они просто распиливаются. Это новый термин нашей политики – деньги распилили. И все это идет на фоне полной импотенции нашей дипломатии и нашего МИДа, которая с каждым годом все больше и больше проявляется.

Все это имело своим следствием в этом году появление некоторого ощущения паники в правящей элите. Я могу напомнить тем, кто читал интервью Суркова, по-моему, оно было в «Шпигеле», и там эта паника просто налицо. Те же самые «говорящие головы», которые распили деньги на Украине и продолжают распиливать их сейчас, такими же говорящими головами и остались. Хотя после провала на Украине самое лучшее место для них – это монастырь или тюрьма.

Но в случае продолжения этой политики, думается, практически неизбежно она заведет Россию в полный тупик. Строится санитарный кордон, что все более и более ощутима угроза возможного ухода России из СНГ, очевидно, что уход России из СНГ или России из того же самого Южного Кавказа будет иметь своим следствием неизбежно развал России. И, в общем-то, события последнего времени на Северном Кавказе подтверждают наличие этой угрозы. Могу также напомнить проблему Калининградской области. Но на самом деле это может иметь следствием не только развал страны, неизбежным следствием в этом случае будет уход России от некоторых европейских ценностей, которые худо-бедно в стране все-таки есть. На самом деле то, что мы будем иметь в итоге реализацию такого худ-

шего сценария, это слабая Россия, которая будет угрозой для своих соседей гораздо больше, чем Россия сейчас. Поэтому я не думаю, что это в интересах кого-либо. Ни в интересах, разумеется, Абхазии, ни в интересах Грузии. Это моя краткая ремарка.

Что касается последнего доклада, то у меня два вопроса Гураму. Один вопрос – все-таки последние годы наблюдается позитивная динамика, хотя и с проблемами, в экономике Абхазии. Все-таки идут какие-то инвестиции, поднимается рекреационная сфера. К точкам роста относятся в первую очередь Пицунда, Гагра, в меньшей степени Сухум. Но при этом абсолютно отсутствуют инвестиции, и наблюдается полная стагнация в Очамчирском, Ткварчельском районах. Я не так давно впервые побывал в городе Ткварчели. Впечатление совершенно ужасное. Я всегда думал, что Гудаута – это, в принципе, ужасно. Но по сравнению с Ткварчели, Гудаута просто Париж. И учитывая наличие проблемы интеграции Гальского района в Абхазию, в случае, если будут западные инвестиции в экономику той же самой соседней Мегрелии, не кажется ли вам большой угрозой, что Сухум потеряет не только Гальский район по совершенно объективным факторам, но и соседние с ним Очамчирский и Ткварчельский районы? Просто люди уезжают, стагнация же дальше может стать совершенно необратимым процессом. Это первый вопрос.

И второй вопрос. Все-таки хотелось бы услышать твое мнение о наличии целостной программы у новой абхазской власти. То есть то, что я видел в Абхазии – это наличие некоторых интересных, здоровых, новых идей, связанных, в том числе, с цитрусовыми, в частности это идея единой фруктовой кампании. Но это идея. А есть ли какая-то целостная программа, причем не только во внутренней политике, в экономике, но и во внешней политике также? Это раз. И два. Можно ли говорить о том, что есть единая команда? И опять же связанный с этим вопрос. Проблема кадрового голода – насколько она решабельна, причем решается не только на уровне Сухума, все-таки там есть люди, но и на уровне районов Абхазии?

Гурам Гумба – Прежде всего я хотел бы ответить на реплику Александра. Когда ты говорил, что кризис в Абхазии – это кризис внешней политики России. Все-таки вот эта позиция не видит субъекта в

том числе и в Абхазии, а лишь объект для манипулирования. Эта позиция всегда будет приносить только отрицательные эффекты. Надо видеть субъект даже в такой маленькой стране, как Абхазия. Надо видеть его внутренние закономерности, логику его социального развития. Тогда очень многие вопросы станут понятными и ясными. К сожалению, этого нет. В одной из твоих публикаций еще в период кризиса ты, к сожалению, написал о том, что государственность Абхазии не состоялась. У тебя была такая хорошая статья, очень объективная и вдруг в конце ты говоришь об этом. Я считаю, что у нас наоборот ход выборов явно доказал, что все-таки государственность состоялась. Если вопрос о том, состоится наша государственность или не состоится, будет зависеть от внешней политики России, то зачем тогда нам вообще государство?

Что касается инвестиций и подъема экономики в Гаграх. Действительно, за последние три года идут определенные инвестиции, приезжают отдыхающие, граница была открыта. Мы знаем, что что-то сдается в аренду и т.д. Такой открытости раньше не было. Это одна из тех проблем, которые стоят. В чем наша психология? Наше национальное движение говорило, что ресурсы Абхазии в советский период шли на 70 процентов в Тбилиси и Москву. То есть, одной из целей национального движения было самим контролировать свои ресурсы. Сельское хозяйство у нас в довольно рыхлом состоянии, крупных промышленных объектов нет. И неизвестно, принесут ли эти курорты благополучие или нет. Но люди на эти курорты смотрят так, как будто от них зависит во многом их благосостояние. Вот такое мышление существует. И когда это отдается в аренду, то есть, контроль над собственностью, нашими курортами передается посредникам, людям не из Абхазии. Получается так, что кто контролирует, тот и собственник. И это вызывает обратную реакцию. Вот такая проблема стоит. Думаю, Виталий Тарнава сможет более полно ответить на вопрос об инвестициях.

Что касается целостности программы, к сожалению, я говорил, что у всех кандидатов в президенты программы являлись атрибутами предвыборной кампании. То есть, фактически эти программы ничем друг от друга не отличались. Люди голосовали не за программы. Такого на самом деле не было.

Виталий Гарнава – Дело в том, что на сегодняшний день идет очень мучительный процесс становления новой власти. Ведь, собственно говоря, произошел катаклизм, который невозможно преодолеть в течение каких-то трех месяцев, как это обычно бывает в любой развитой нормальной стране, когда одна элита сменяет другую. Борьба шла не только за власть, но и за экономику Абхазии. Дело в том, что Абхазия потенциально имеет достаточно хорошие перспективы в случае мирного развития процессов в самой Абхазии и вокруг нее. Это достаточно привлекательный для инвестиций регион, и не только в отношении курортного бизнеса. У нас достаточно серьезные недра и порты, и транспортные коммуникации. Сухумский аэропорт – один из самых уникальных аэропортов на Кавказе. Если его просто подключить к системе наблюдения для сопровождения самолетов, которые летают между Европой и Азией, это будет давать колоссальные деньги для Абхазии, для абхазской экономики. Сегодня сопровождение прекращается в районе Поти, дальше идет мертвое пространство. Кстати, это тоже одна из проблем безопасности полетов. Вы должны четко представлять себе, что идет борьба за серьезные в общем-то деньги, несмотря на то, что речь как бы идет о маленькой территории. И поэтому вот эти реваншистские настроения у проигравшей элиты, не умерли. Поэтому на сегодняшний день эти настроения подогреваются в том числе и из Москвы теми клеветами, которые все это дело тогда и заваривали. И поэтому сегодня новой элите, новой власти приходится преодолевать все это, что очень трудно. Ведь это проблема со счетами, проблема с инвестициями – все это искусственно начинает усложняться. Стереотипы мышления настолько консервативны, что на их преодоление уйдет не один месяц, и может быть, не один год. Естественно, сегодня интеллектуальной элитой Абхазии ведется выработка новой концепции нашего развития, в том числе и внешнеполитического и экономического курса. У нас есть хорошие идеи. Но на пути нашего продвижения опять могут ставиться искусственные препоны, в том числе международным сообществом, Грузией прежде всего, в том числе и Россией. Во многих действиях и акциях, которые были направлены против нас якобы из Москвы, мы, например, прослеживаем очень четкую связь с Грузией, многое было оплачено со стороны спецслужб Грузии.

Мы это прекрасно знаем и прекрасно понимаем, с кем имеем дело. Нам очень трудно, но мы вынуждены идти по этому пути и нас с него никто не свернет, как бы это кому не хотелось. Поскольку я все-таки депутат парламента, член комитета по бюджету и экономике, я достаточно хорошо знаю и знаком с экономическим положением не только своей страны, но России и Грузии. И поэтому я знаю, что у нас есть великолепная возможность учесть интересы всех игроков на этой сцене и получить прекрасное будущее. Но для этого надо приложить совместные усилия, не действовать друг против друга. Мы это должны понять, наконец. К власти в Абхазии пришла другая элита, пришли новые люди. Как бы мы их не называли, они уже своих позиций не сдадут. Народ просто не позволит им уйти со сцены. Потому что наш народ доказал свою дееспособность и состоятельность. Вот что я хотел добавить.

Виктор Воронков – Поскольку мы все как советские люди воспитаны на праве на самоопределение, то независимость каждого государства – она для нас легитимирована. Я по поводу упоминания господином Гумба того, что абхазский народ борется не по внешним причинам за независимость. Я теперь понимаю, что мы должны иметь в виду, что, по крайней мере, в обозримое время нужно будет говорить о самостоятельном развитии Абхазии как независимого государства. Слишком тяжело прошлое во взаимоотношениях с Грузией. И, конечно, все понимают, что если попасть в Россию, то будет намного хуже. Ну, вам назначат губернатором Жириновского, может быть, никто считаться с Абхазией не будет, как не считаются с другими субъектами федерации. Но вот у меня такой вопрос. Элита, которая подняла народ, мобилизовала под этническими знаменами в том числе, на борьбу за независимость и победила, действительно ли это самоцель быть независимыми и получить власть и то, что вы сказали, что эта борьба была бы в любых условиях – какое бы государство не включало в себя Абхазию? А вот если бы Абхазия была включена в государство, где соблюдаются права человека, высокий уровень жизни. Ну, например, вам предложили бы стать 52 штатом Соединенных Штатов или включили бы вас в состав Федеративной Республики Германия? Это так важно?

Гурам Гумба – я здесь вижу скептическое отношение, мол, если вы в Грузию не хотите...

Александр Чечевишников – Учитывая что мы с Гурамом примерно одного поколения, я просто прослушав некоторые аспекты его выступления, взываю к его исторической памяти, особенно с учетом того, что вообще в грузино-абхазских отношениях, проблемах исторический аспект просто гипертрофирован. Да, он очень важен и все всегда к нему апеллируют. Представим себе альтернативную историю. Союз в 1991 году не развалился, а абхазскому руководству удалось бы убедить каким-то образом политбюро ЦК КПСС в необходимости передачи автономной республики Абхазия из состава Грузинской ССР в состав РСФСР. Соотнесите степень благоприятности и неблагоприятности условий развития Абхазии при этом варианте и при том варианте, если года через 2-3-5-12 Абхазия станет независимым государством и международно признанным. Я просто апеллирую к Вашей исторической памяти. Вспомните в 80-е годы Нальчик, кто задавал тон? Какая русификация? Русские бежали оттуда. Вот отсутствующий здесь Алексей Багатуров, один из самых умных людей в России сегодня, один из самых тонких политических мыслителей в России, он не имел перспектив для того, чтобы реализоваться в условиях Нальчика, и сегодня он тот человек, который есть. В условиях Нальчика это было невозможно. Какая русификация, если бы Абхазская АССР вошла в РСФСР, то снялись бы те проблемы, которые вы имели в отношениях с Тбилиси. Какая русификация? Вся абхазская элита была бы, извините, в шоколаде. К вопросу о 70 процентах. Я не знаю, сколько там сала уходило в Москву, сколько бульбы уходило в Москву. Эти же мифы о независимом существовании союзных республик, они уже давно опровергнуты. Вы же сказали сейчас о том, как в Абхазии были распространены мифы о том, что 50-70 процентов чего-то там уходило в Москву. Ну, это же несерьезно. Ведь кроме Азербайджана все республики фактически датировались. Только Азербайджан имел плюсовое сальдо. Ведь те гроши, за которые сегодня продаются по преимуществу продукция кавказских регионов, не только государств, регионов, несопоставимы с теми ценами, по которым та же самая продукция продавалась на рынках России двадцать лет назад.

Гурам Гумба – Что касается губерний и что касается Соединенных Штатов. Коротко – нет. Мы хотим иметь Абхазию, а не быть штатом или губернией. Пожалуйста, со всеми в соседстве, дружбе, в союзничестве и сотрудничестве. Только так.

Что касается русификации, если бы мы вошли в состав РСФСР. Я могу сразу ответить, что даже сегодня, не входя в Россию, мы ежедневно в геометрической прогрессии теряем свой язык и свою культуру, мы сегодня русифицируемся. Не говоря уже о том, если бы мы были в составе России.

Вечерняя сессия

Паата Закареишвили – Дорогие друзья, продолжаем работу. Сегодня начинаем последнюю вечернюю сессию. Сейчас нас ждет очень интересный доклад обще-южнокавказского ракурса. Мы выходим из каких-то узких грузинских, абхазских, русских контекстов. «Южный Кавказ во внутривполитическом дискурсе России». Это само по себе очень интересно, потому что в Южном Кавказе начались очень интересные процессы. Эти последние годы явно дают новую динамику после событий в Грузии. Уже в Армении и Азербайджане начались какие-то другие процессы, какая-то другая динамика. И в этом контексте роль России, конечно, возрастает, по-другому просматривается в контексте тех событий, которые были в самой России, на Украине, в Киргизии или в других регионах и странах СНГ.

Михаил Шевелев

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ

Последние 3 месяца я занимаюсь борьбой за газету «Московские новости», такая у меня временная профессия. Еще вчера утром я считал, что эту борьбу закончил, поставил на ней точку и начинаю заниматься профессиональными делами, но события сегодняшнего дня опять вернули меня на стезю борьбы, которую я, видит Бог, никогда не искал. Если описать состояние дел в газете «Московские новости», то краткое описание будет звучать так – пожар в бардаке во время наводнения. Более внятного объяснения того, что там происходит, я пока дать не могу. Поэтому еще раз прошу простить, я явно пропустил какие-то очень интересные дискуссии, судя по тому, что здесь застал.

Я испытываю, конечно, большое смущение в присутствии таких квалифицированных и знающих людей на такую серьезную тему выступать, на меня даже слово дискурс наводит некоторый ужас. Тем более, что я всегда исходил из представления о профессии журналиста, что это человек, который знает все про все, но плохо. Но раз мне выпала такая честь, то я какие-то свои субъективные представления о том, что такое Южный Кавказ для российской внутривнутриполитической дискуссии очень коротко постараюсь описать.

Банальная мысль о том, что Кавказ вообще, и Южный Кавказ в особенности, это извечная, вековая проблема для Российской Империи, Советского Союза, Российской Федерации – она же проблема, она же проклятие, она же, конечно, огромный источник творческого вдохновения. Толстой, Лермонтов, Пушкин, и десятки писателей и поэтов, которые последовали по их пути. Чем острее и больнее проблема, тем, конечно, для творческого сознания это более плодородная почва.

Но если говорить о сегодняшнем дне, то мне кажется, наступил очень любопытный момент взаимоотношений российской внутрен-

ней политики и Кавказа. И наступил он ни сегодня, ни вчера, ни позавчера, а как раз в эти дни мы отмечаем 20-летие того периода, когда Кавказ сыграл особую роль в российской внутренней политике. Мне кажется, он начал играть эту роль где-то в конце 80-х, когда перестройка и те политические процессы, которые ею были вызваны, начали приобретать динамику. Здесь Карабах, Южная Осетия, чуть позже Абхазия, события в Тбилиси в апреле 89-го года, они выступили, конечно, катализаторами общесоюзных и, может быть, даже каких-то мировых политических процессов. Корни нынешнего отношения к Южному Кавказу надо искать в том времени, в том периоде, в тех людях. На самом деле, если мы присмотримся, то многие политические карьеры нынешних российских деятелей начинались и создавались тогда, и для многих конфликты на Кавказе и кавказская тема послужили очень серьезным трамплином уже для внутри-российской карьеры.

Мне кажется, принципиальным было то, что закладывалось российскими СМИ в конце 80-х начале 90-х годов в массовое сознание, это был довольно благородный позыв и разновекторный, разнонаправленный. Скажем, массовое сознание того времени воспринимало Южную Осетию и Абхазию с безусловным сочувствием, как жертв агрессии, пострадавшую сторону, малые народы и это отношение было благородным. Я буду избегать терминов правильный или неправильный, потому что это не входит в мою компетенцию, но то, что это была благородная позиция, мне кажется, это так. Но в какой-то момент, под воздействием тех миграционных, политических процессов, которые были заложены в то время, конечно, массовое сознание в России, на мой взгляд, начало очень серьезно меняться и этот процесс развивался постепенно, и сейчас его результаты стали явственными. В массовом сознании российского читателя, телезрителя, выходцы с Южного Кавказа, конечно, успешно конкурируют с евреями, какими их представляла советская пропаганда. Они эту конкуренцию выдержали и прочно заняли место «врага народа», если не выбирать выражения. Они на себе аккумулируют, канализируют самые темные, даже не скажу чувства, но инстинкты.

Интересная, на мой взгляд, произошла перемена в отношении стран Южного Кавказа. Они в массовом сознании, не без усилий,

конечно, СМИ, с одной стороны, заняли место, если говорить об Армении и Азербайджане, стран СЭВа, стран союзников, и, с другой стороны, Грузия, которая твердо пошла по пути сателлита США. Когда я говорю «пошла по пути», то описываю ту тенденцию, которая наблюдается в российских СМИ. Отсюда вот такое разное отношение в массовом сознании, но важно помнить о том, что положение российских СМИ очень во многом трагическое. Говорить о свободе слова в современной России и наличии независимых СМИ, а тем самым объективных, вещь, на мой взгляд, очень проблематичная уже на протяжении последних 3-4-х лет. Надо твердо отдавать себе отчет, что это отношение, которое закладывается в обществе – некий госзаказ, который выполняют российские СМИ, и государственные, и квазигосударственные, зависимые, полузависимые. Это то, что хочет слышать не потребитель этой информации, а ее заказчик, находящийся в самых разных государственных структурах, от Кремля до Министерства Обороны и Министерства Иностранных Дел. А государство, на мой взгляд, делая такой заказ на такой образ Южного Кавказа, и выходцев с Южного Кавказа, с одной стороны, откликается на общественный запрос. И это запрос ущемленного постимперского сознания, потому что ни одна из задач, которые ставились лидерами перестройки, даже не скажу, ставились, а декларировались: создание правового государства, демократической системы ценностей, тем самым, повышение уровня жизни, ни одна из этих задач не выполнена, и, конечно, такое состояние умов требует некой моральной компенсации. И эту моральную компенсацию мы получаем за счет спекуляции на ксенофобской почве.

Мне кажется, что та российская тенденция, которую мы наблюдаем по отношению к Южному Кавказу – это, конечно, отражение некой паники и абсолютного непонимания того, что вообще Россия должна делать, может делать и хочет делать на Кавказе. Важно, что на Кавказе вообще. Потому что наибольшая опасность для Южного Кавказа, на мой взгляд, исходит от Кавказа Северного. Те тенденции, которые мы наблюдаем на Северном Кавказе, мне кажется, можно подытожить очень просто – это абсолютная деградация всякой государственности. Чечня это вопрос вне обсуждения. И в Дагестане, и Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия. Мне ка-

жется, что пойти в оценках дальше, чем пошел представитель Президента в Южном Федеральном округе Козак, не может ни один независимый наблюдатель. Да это деградация, это умирание государства. Чем чревата для стран Южного Кавказа такая ситуация на российском Северном Кавказе? Я думаю, эта ситуация крайне опасная. На самом деле, если мы приглядимся внимательнее, то увидим довольно пугающие аналогии. На Северном Кавказе сегодня действуют те же тенденции, которые действовали на Южном Кавказе в конце 80-х годов, когда еще формально эти страны входили в состав СССР, но уже было очень ощутимо, что этому периоду их истории, и нашей общей истории, приходит конец. Как это произошло? С какими жертвами? И видимо, счет этих жертв, к сожалению, не конечен. И это, мне кажется, важно понимать. Что-то этой тенденции хотелось бы противопоставить. Потому что, скажем, на Северном Кавказе, если уж говорить на модную тему о распаде России, не действуют экономические факторы. Имея в виду факторы, содействующие экономическому распаду, можно говорить о Якутии, Красноярском крае, Северо-Западном округе или Калининграде, но нельзя говорить о Северном Кавказе. Северный Кавказ экономически абсолютно привязан к России, к югу России. Там его рынки, его интересы. Не говоря уж о том, каковы его интересы полукриминальные в Москве. Но настолько сильны факторы этнические, социальные, что укладывается в понятие деградация государственности, что мне кажется, что они перевешивают реальный экономический интерес, который Северный Кавказ имеет к унитарному построению государства.

К сожалению, ведь приходится говорить о том, что, если мы говорим о теме грузино-абхазского конфликта, мне эта тема не безразлична, с этого начиналась моя журналистская биография, я потратил много времени, сил и потерял много друзей в этих конфликтах. Но с точки зрения нынешней российской бюрократии, очень важно отдавать себе в этом отчет. Грузины и абхазы это люди абсолютно в одну цену. Я сейчас не выбираю выражений. С точки зрения наиболее реакционной и коррумпированной российской бюрократии – грузины и абхазы, это полезные и бесполезные евреи для Германии 30-х годов, и они легко меняются местами. Сегодня нам в каких-то геополитических и абсолютно корыстных играх важны абхазы, зав-

тра нам важны грузины, и мы продадим и купим всех, кто нам искренне доверяет или не доверяет. Российская бюрократия, к сожалению, повторяет все родовые черты бюрократии советской. И это угроза гражданскому обществу и в России, и в Грузии, и в Абхазии. К сожалению, описав некий круг, начатый 20 лет назад, мы все вернулись в состояние советских людей, с точки зрения тех, кто каким-то образом влияет на наши общие судьбы в Москве. Вот в этом, мне кажется, нам надо чувствовать свое единство и в любых разногласиях и путях выхода из этих разногласий этот фактор учитывать и здраво оценивать. Спасибо.

ДИСКУССИЯ

Паата Закареишвили – Спасибо, Ваш доклад был очень интересен и краток, и самое главное, он поставил очень много вопросов. Вы оставили в тумане столько моментов и вопросов, что у многих наших участников, уверен, появится желание задавать вопросы и просить Вас дать более четкие ответы.

Виктор Воронков – Вы сказали, что есть образ Грузии как враждебного государства и образы Азербайджана и Армении как дружественных. Я с этим соглашусь, с этими образами в российском дискурсе, но тогда объясните мне, пожалуйста, почему Азербайджан в российском дискурсе занимает самую негативную позицию, уступая только чеченцам, по всяким вопросам, а грузины довольно высоко котируются? Даже не хуже евреев.

Михаил Шевелев – Вы знаете, я думаю, что это результат естественных миграционных и культурологических процессов, потому что вся грузинская диаспора России, если я не ошибаюсь, по разным оценкам, это от 400 до 600 тысяч человек, в то время как азербайджанская диаспора Москвы – около 800 тысяч. Только в Москве. Ближе к обывателю, резче реакция, все очевиднее. Вот он рынок, вот он продавец, вот обвес, вот реакция. Только поэтому. И, конечно, российско-грузинские культурные связи, просто в силу исторических осо-

бенностей, более долгие, более прочные, более глубокие. Вот абсолютно бытовыми причинами я бы это объяснил.

Вячеслав Игрунов – Я хочу дополнить. Дело в том, что на самом деле азербайджанцы довольно слабо входили в советское сознание, а грузины играли чрезвычайную роль в нашей жизни. У нас блестящее грузинское кино, по которому мы знакомы с грузинами. Теплые отношения к грузину через литературу, кино, искусство сложилось во всем народе, но ничего подобного не было у азербайджанцев, и они знакомятся с нами, вернее мы с ними, через рынок. А сюда приезжает естественно не азербайджанская элита, а люди с достаточно невысоким культурным уровнем, и они очень трудно вписываются в чужую культуру. Здесь возникает такое вот расхождение.

Но если мы посмотрим на другой вопрос – какая страна представляет наибольшую угрозу для России, уверяю вас, Азербайджан угрозы не представляет, а Грузия воспринимается как один из основных врагов. Разница между Грузией как государством и грузинами как людьми совершенно очевидна. Потому что отношение к Грузии, как к государству, сформировалось в последнее время, а к грузинам – на протяжении столетий.

Ираклий Какабадзе – Ваше выступление очень интересное. Я в Москву заезжал очень часто в 80-х годах, общался с интеллектуалами, молодыми людьми в основном. Тогда афганщина шла, помню даже как на Петровке было андерграундское место встреч, где иногда Гребенщиков выступал, журналисты были, прогрессивные люди, хиппи и т.д., которых в то время, как они сами говорили, раз в неделю били менты. Но это очень прогрессивные люди, философы современной реальности, люди и очень влиятельные, и очень талантливые. Они были русскими, евреями, грузинами, армянами и т.д.

Я хочу спросить. Вы освещали эту войну, вы были близко связаны, наверное, с людьми с обеих сторон, вы человек гуманистического фронта, извините за такую формулировку, потому что здесь сидят в основном люди, которые верят в такие ценности, как вы представляете будущее? Я абсолютно согласен с Вашим анализом, но если пойти в позитив и сказать, как можно нам найти общность, которая была, не

только у грузин и абхазцев, сложившаяся столетиями, мы иногда ссорились, иногда нет, но это другая история, очень древняя. Но общность, которая была с Россией, с интеллектуальными центрами России и которая имела очень большое влияние на нас. Мы сейчас говорили о диссидентском движении, так вот оно приходило из России. И когда в 70-х годах Сахаров, Копелев приезжали в Тбилиси, они задавали тон. Даже Костава, Гамсахурдиа... Вообще это был очень интересный прецедент, когда организовывались митинги в поддержку Паруйра Айрикяна по всему Союзу, и в Грузии тоже, в 88-м году. Это было недавно, в принципе. Я помню, что участвовал в одном из них.

Сейчас стоит задача в том, что, кстати, мои абхазские коллеги очень хорошо выразили и не стоит ничего добавлять, что наш путь – путь взаимного экономического развития, европейской интеграции. Я думаю, что для России это будет хорошо, потому что это единственный противовес американскому империализму. Я думаю, будет сильная, объединенная Европа, экономическая и гуманистическая, а не американские администрации, вроде Буша. А в те времена был такой антивоенный фронт в Москве, и потом в Тбилиси появлялись какие-то листовки, думаю, и в Сухуми были и в остальных местах, в Ереване точно были... Сейчас как-то замерло это антивоенное движение, антимилитаристское движение и у нас, и у вас. У нас свои причины на это, это связано с нашим президентом и его сексуальными похождениями, но объяснение его милитаризма – это другой вопрос.

Хочу задать вопрос – видите ли Вы перспективу объединения гуманистических сил и объединения сил, которые видят позитивный мир, и как они могут действовать? Как Вы можете это оценить?

Михаил Шевелев – Вы знаете, я согласен с тем ответом, который Вы уже дали, что на самом деле естественное место встречи всего позитивного, гуманистического в нашей постсоветской ситуации – это объединенная Европа. Мне кажется, тут проблемы есть, скажем, у Грузии и Абхазии, и всего того конфликта, который имел место. У России есть другая трудность. России исключительно трудно попасть в единую Европу целиком, настолько она разнородна экономически, социально, интеллектуально, конфессионально, что для нее, скажем, угроза развала, да эта угроза развала для нее и для всех ее соседей

серьезна. Но путь цивилизованного превращения в конфедерацию, на мой взгляд, это для нее оптимальный выход. И вот когда мы решим внутренние проблемы, Грузия и Абхазия решат свою проблему, Россия решит проблему своего национально-государственного устройства, вот тогда у нас самые высокие шансы встретиться в единой Европе и там создавать уже единый гуманистический фронт против брюссельской бюрократии. Вот это, мне кажется, перспективная задача. Временно мы уже разошлись.

Вальтер Кауфманн – Михаил, Вы сказали, что в России, в общественной дискуссии не интересуются Грузией, Абхазией, Арменией в особенности, и в принципе доминирует одна манипулированная ксенофобия против всех. С другой стороны, каждый раз, когда обостряется какая-то ситуация вокруг Южной Осетии, Абхазии и т.д., выступают определенные люди в России и очень ангажировано поддерживают Южную Осетию и Абхазию. Чем это мотивировано и какую пользу им это приносит?

И второй, более широкий вопрос – сегодня говорилось с утра о том, особенно Сергей Маркедонов это подчеркивал, что Россия должна иметь свою роль на Южном Кавказе и в будущем. Нельзя отказаться от ее роли, она имеет свои функции. Даже плохая Россия, так сказать, должна играть некоторую роль, положительную. Я все-таки, даже если это принять, я не понимаю, какие ресурсы для этого есть в сегодняшней России – играть положительную роль? Кто занимается? Кто интересуется? Кто представляет эти ресурсы для положительной роли, которую я очень хотел бы увидеть?

Михаил Шевелев – Первый вопрос: кому выгодно будировать конфликты на Кавказе? Ответ, на мой взгляд, очень простой. Это связано с природой и характером российской бюрократии. Когда ушел миф об идеологическом единстве советской бюрократии, осталась голая, практическая, коррумпированная реальность. Алчность и утилизация государственного бюджета – это единственный стимул и единственный фактор, который объединяет российскую бюрократию. Других, к сожалению, и говорю я это как гражданин Российской Федерации, я не наблюдаю. Военные бюджеты, связанные с пребы-

ванием баз, урегулированием конфликтов... тут правильно говорилось, что когда мы говорим о наркотрафике, будь то на таджикской границе, или в Юго-Осетии, тогда надо класть доказательства на стол. В дискуссии ООН или среди министров иностранных дел. Всякий человек, который занимался Кавказом, прекрасно знает, какое место наркотрафик занимает в местной политике и насколько вовлечены в него российские военные. Можно, конечно, сказать – доказательства на стол, но есть то, что в английском языке называется «по comment». Поэтому участие российских военных, российской бюрократии в конфликтах на Кавказе, на мой взгляд, объясняется исключительно корыстными интересами. Никакой там нет геополитики, нет никакой внутренней политики. Это чистый распил государственного бюджета, абсолютно не контролируемый.

Что касается ресурсов позитивного влияния России на Кавказ, мне кажется, таких ресурсов не существует на сегодняшний день, к сожалению. И нет никакой реальной заинтересованности России в своем присутствии на Южном Кавказе. Не наблюдается ни экономических стимулов, ни социальных. О культурных не буду говорить, потому что это лежит в такой метафизической сфере. Конечно, они есть и, слава Богу, будут, но этот фактор недостаточный, чтобы обеспечить государственное присутствие на какой-либо территории. Нет таких ресурсов. Лучшее, что может сделать Россия, на мой взгляд, для Южного Кавказа – попытаться сохранить минимальный порядок на Кавказе Северном. Но это не изолированная, как мне кажется, задача. Эта задача, связанная с наведением порядка в самой сердцевине российской политики.

Батал Кобахия – Я уже боюсь задавать вопрос, но хотел бы. Сергей говорил, что Кавказ представляется некой социокультурной средой. Северный Кавказ входит в Российскую Федерацию и, разумеется, он должен быть вашим сообществом, на которое вы должны реагировать. В связи с этим, как вы вообще реагируете, мне хотелось бы понять? Например, когда в Адыгее возникла проблема растворения автономий в губерниях, была развернута огромная дискуссия в кавказском сообществе. Кавказский Форум написал большую петицию о том, что надо внимательно отнестись к этому вопросу, а российс-

кое гражданское общество ответило нам, что готово разместить эту информацию на сайте. Тогда я с недоумением задал им вопрос, собственно, почему вы готовы к этому? Всего лишь предоставить место для информации. А не реагировать и не высказать свое видение, не важно совпадает оно с нашим, или нет. Разве это не ваше общество? Разве оно не является частью вашего гражданского общества? Почему вы нам всего лишь оказываете помощь в том, чтобы мы оказали помощь вашему гражданскому обществу?!

Вопрос касается ксенофобии, которая формируется не только в отношении Южного Кавказа, а Кавказа вообще. Когда я хожу по Москве, меня бьют не потому, что я с Южного Кавказа, а просто потому, что я с Кавказа. Вот в этом дискурсе, какое участие, по Вашему мнению, имеет гражданское общество, в формировании этих стереотипов? Как ваше общество вообще влияет на те процессы, которые у вас происходят? Важно ли для Вас то, что происходит на Северном Кавказе или вам все равно? В Чечне события, в регионах Северного Кавказа?! Я понимаю, Сергею Маркедонову это интересно, потому что он политолог, это профессиональный интерес. А вот вообще для России это важно? Когда происходит что-то в глубинке России, общественное мнение как-то формируется, вы это обсуждаете, но когда на Северном Кавказе – этого нет. Такое ощущение, что Россия относится к Северному Кавказу, как к некоему соседнему государству, и на то, что там происходит, реагируют только готовностью поместить информацию на сайте. Каково Ваше отношение, как журналиста, к этому?

Михаил Шевелев – Мы с Сергеем сейчас ответим в два голоса, потому что Вы очень вежливо и корректно задали мне очень жесткий вопрос – почему у вас такое слабое гражданское общество?! Я Вас понимаю. Конечно, я могу ответить – ну потому что это плоды наших собственных усилий в последние десятилетия, а может быть и гораздо дольше. На самом деле, очень многих людей это волнует, для многих это важная проблема в силу самых разных причин, но вы еще при этом, как мне кажется, реагируете очень сильно на российские СМИ. И это важный момент. Важно понимать, что российские СМИ и российское общество это величины очень слабо совпадающие. На что вы можете реагировать – на первый канал, на ВГТРК, на

НТВ. Это имеет какое-то отношение, я даже не говорю к гражданскому обществу, к российскому обществу? Да, вы слышите голос российской бюрократии. Слабость гражданского общества в России это печальный факт, но тут спорить не с чем. Это результат апатии последних десяти лет, отсечения государства от общества. На самом деле, я бы ответил формулировкой Сергея Маркедонова, который в перерыве сказал, что в России не хватает двух базовых вещей: государства и гражданского общества, а так, в общем, все неплохо.

Сергей Маркедонов – Я хочу отреагировать на реплику, комментарий и вопрос Вальтера Кауфманна. Он мне кажется, профессионально сыграл в хорошем смысле провокационную роль, попытался столкнуть мою позицию, мой тезис о возможности российского влияния на Кавказе и тезис Михаила. Я здесь особого противоречия не вижу на самом деле. Я еще раз повторю тезис, который прозвучал утром. Я очень сильно разделяю нынешнюю российскую власть и необходимость российского присутствия и доминирования на Кавказе. Россия и нынешняя власть не тождественные вещи. Россия это не господин Путин. Я хочу, чтобы еще раз это прозвучало. У России есть интересы помимо Путина, Ельцина и того или иного номенклатурного клана. Я даже не стал бы говорить о государстве российском, которое кого-то давит или душит, или о власти, и даже о бюрократии не стал бы говорить. У власти находится, на мой взгляд, номенклатура, которая приватизировала государство и использует власть для передела активов, для проведения политики по разделу ресурсов. Вот что такое нынешняя российская власть, если так можно говорить, это не государство, а России нужно государство и осмысленная государственная политика. Если будет у России государство, а не корпорация по переделке активов, то будет и осмысленная государственная политика на Кавказе, и тогда ресурсы найдутся, потому что бюрократия тогда, не номенклатура, а бюрократия, будет эти средства изыскивать, найдет их. Деньги-то есть. На кампанию на Украине закачали огромные средства, почему бы их не использовать в разумных целях для проведения нормальной политики на постсоветском пространстве?! Альтернативы никакой реальной нет.

Я согласен с моим коллегой и товарищем Александром Скаковым, который говорит, что схлопывание российского влияния на по-

стсоветском пространстве приводит и к дезинтеграции страны, и к утрате европейских ценностей. Вот этот тезис Александр не развил, может быть, так детально, я бы его развил, потому что поражение на этом постсоветском пространстве усиливает и постимперский синдром очень сильно, и изоляционистские настроения. Чем меньше российского влияния на постсоветском пространстве, государственно-го влияния, а не номенклатурного, нормального влияния, тем сильнее изоляционистские, реакционные, архаические силы в России. Силы с разных направлений действующие, но в одну точку архаизации страны. И это действительно очень плохо, это действительно отказ и от европейских ценностей. К сожалению, в западной политологии, в большей степени в европейской, в меньшей степени в американской, ставится тождество между российским присутствием в СНГ и некой коммунистической реставрацией. Это тоже вещи очень разные.

Вообще, один из центральных тезисов всех моих публикаций в том, что у нас еще в 90-м году не смогли разделить и отделить коммунизм от собственно государства. Здесь блестящий был тезис Вячеслава Игрунова насчет народных фронтов и т.д. Вот у нас с коммунизмом выплеснули ребенка тоже. Отказ от коммунизма не должен сопровождаться отказом от какого-то влияния и позиционирования на постсоветском пространстве, хотя бы потому, что там проживают и русские, у которых другого отечества, кроме России, не существует. Может быть, допустим для Грузии это не столь актуальная проблема, хотя и есть ситуация в Абхазии. Есть в Азербайджане достаточно большая община русская, очень малочисленная в Армении, но, тем не менее, существует. Между прочим, что плохого, скажем, в том, что есть канал Франкофонии, который влияет на французский мир, и его пытаются организовывать. Даже маленькая Армения ведет вполне грамотную политику по работе с диаспорой, Израиль, Греция и т.д. Это нормально. Что здесь коммунистического, тоталитарного? Я в этом не вижу ничего коммунистического и тоталитарного в том, что любая страна пытается свое влияние расширить за пределы собственно своей страны.

Другой вопрос, что мы действительно переживаем процесс, который пережили европейские страны к 50-60-м годам. Это процесс

деколонизации. Но нужна действительно нормальная стратегия государства по поддержке и бизнеса, и интеллектуальных проектов, продвижение российского товара, привлекательности российской, не дутой PR-привлекательности, а реальной привлекательности за рубежом. И тогда мы увидим результаты.

Я же говорю, Испания проиграла испано-американскую войну, но кто главный партнер Кубы?! Какой бизнес сейчас в Алжире?! Если бы, наверное, в 65 или 66 году приезжал президент Франции агитировать за какого-нибудь кандидата в Алжире, то результаты были бы, может быть худшие, чем мы видели на Украине. Но сейчас французское экономическое присутствие – это не вопрос обсуждения, это желательный результат. То же самое в Марокко мы можем видеть и т.д. Англия в Индии, более того в Commonwealth, в содружество британских наций просятся государства, никогда не бывшие колониями Британии – Мозамбик и Ангола, португальские. Потому что есть некий проект.

У нас же само выражение «постсоветское пространство» достаточно бессмысленное и достаточно дурацкое с точки зрения конструкции. Постсоветское, т.е. после советского, а какое оно должно быть?! Ведь не было постбританского пространства, или в Европе постгитлеровского, или постфранцузского. То есть, должен быть некий проект, а у нас получилось некое застывшее время. Что-то такое после советское. А поскольку единственный проект, который Россия пыталась предложить, это ностальгия по Советскому Союзу, то естественно, каждая из частей постсоветского пространства стала как-то определяться, кто на Запад, кто на Восток смотрит. Если брать Центральную Азию, то поворот на Восток, в исламский мир в том числе. То есть происходит некая эрозия этого постсоветского пространства.

И вот смотрите, здесь тоже очень важный момент – многими в Европе и США рассматривается уход российского влияния с постсоветского пространства как позитивный фактор, как фактор демократизации. Ну что, уход, утрата российского влияния, допустим, советского влияния, просто сам факт утраты этого влияния в бывших республиках стал синонимом демократизации? А что, массовая демократизация произошла в Центральной Азии?! Режим Туркменбаши вы называете демократическим?! Вот нет российского влияния в

Туркмении, ну и что? Мы видим диктатуру, перед которой коммунистический Советский Союз – это детский сад «Ромашка» просто. Мы видим нормальную восточную деспотию.

Что в Узбекистане? *Реплика из зала не слышна.* Ни с какой рашидовщиной, адыловщиной не сравнится, там хоть Москва как-то влияла на эти вещи и т.д., но чтоб в каждом поселке стоял бюст вождя?! Да этому у товарища Сталина можно поучиться. Даже продвинутая Прибалтика, продвинутая в экономическом и социальном смысле, мобильная, вошла в Европу с такой категорией как «не граждане» и с определенной этнической сегрегацией, определенным апартеидом, который есть. *Реплика из зала не слышна.* Мы сейчас про Россию не говорим, давайте, предмет определим. Предмет нашего разговора. Мы говорим о российском влиянии на постсоветском пространстве, давайте, определим тему – внутренняя политика России и тогда будем говорить о внутренней политике России и я готов об этом говорить. И кстати, уважаемые коллеги, я в своих выступлениях очень много критики уделяю российской власти. Потому что я разделяю коммунизм и государственность, российскую власть и российское государство. Я государственник и для меня интересы российского государства важны, я этого не стесняюсь. Мне не интересны интересы, прошу прощения за тавтологию, российской номенклатуры, которая проводит антинациональную, антигосударственную политику и, кстати, очень неэффективную для всей безопасности на постсоветском пространстве, не только для России. Но я разделяю эти интересы с интересами российского государства. Абсолютно с пафосом Михаила согласен. То, что происходит на Северном Кавказе – это утрата государства. Любой либеральный проект, на мой взгляд, и демократический проект возможен только при государстве. В условиях конфедерации тейпов, в условиях федерации полевых командиров, ни о каком либерализме вообще речи быть не может. Либерализм, свобода и демократия возможны только в государстве. В догосударственной социальной организации этого всего не возникает. И где здесь что-то коммунистическое, что-то имперское?! По моему, ничего имперского и коммунистического в этом нет.

И самая страшная проблема – вторая проблема. Очень важная. Об этом говорил Михаил, об этом прекрасно сказал Батал – насчет

гражданского общества в России. Проблема не только в отсутствии гражданского общества, оно не может быть, если нет гражданской идентичности, единой. Потому что без граждан гражданское общество не возникает. А если сама власть, не государство, а власть, насаждает советскую идентичность, т.е. государства, которого нет, плюс есть конкуренция региональных идентичностей: клановых, групповых, корпоративных, то гражданская нация не возникает. Должна появиться гражданская нация, тогда можно говорить о гражданском обществе. А когда я выступаю в Сибири, и мне говорят: «не рассказывайте вы про ваш терроризм, мы тут в Сибири живем и ваш Кавказ нам не нужен 300 лет». Вот это очень тяжело... Нужно отличать государство от номенклатуры, интересы государства и номенклатурные интересы, интересы России и интересы Путина и его режима. Давайте проводить все время эти операции по разделению, иначе мы с вами пороса и карася будем путать. Вот и все.

Марк Берендт – У меня очень маленький вопрос. Так как мы говорили по поводу возможности Российской Федерации действовать на Южном Кавказе, возможности развивать гражданское общество, разные механизмы, развивать европейские ценности. Как мы смотрим на эту проблему сейчас, и особенно когда смотрим на проблему Северного Кавказа? Что будет, если цена на нефть резко упадет? Как это будет влиять на ситуацию, вопросы, связанные с Южным Кавказом? Потому что сейчас все основано так, как будто в экономическом плане все идет к лучшему.

Михаил Шевелев – Падение цен на нефть на российскую политику всегда влияет однозначно благотворно, потому что это единственный стимул, который может подвигнуть российскую власть, российское общество в их нынешнем состоянии к каким-то конструктивным размышлениям и действиям. Цена на нефть в 1991 году, если не ошибаюсь, была \$ 8 за баррель. Или 12. Чем выше цена на нефть, тем сильнее стагнация.

Вальтер Кауфманн – Сергей, Михаил, я хорошо понял вашу аргументацию и разделяю такой разумный государственный подход, когда

говорится, что либеральное, правовое государство включает в себя именно государство, иметь государство. Но все-таки не понимаю насчет ресурсов. Вы говорите, что Россия это не Путин и т.д. Но тогда, какая существует сегодня Россия, без Путина, без кооперации? Не отождествляются кооперативные интересы с государственными. Вместо государственных, представлены именно кооперативные интересы, или где это не так? Я хочу понять, где существует сегодня эта стабилизирующая роль? Ладно, мы можем спорить об отдельных факторах и т.д., но я хочу увидеть не постсоветские, а именно государственные, стабилизирующие факторы, потому что, когда Вы говорите про Туркмению, я с Вами полностью согласен, что, конечно, уход России не означает демократизацию, далеко не так. С другой стороны, то, что сегодня существует в Туркмении в какой-то мере связано и с советскими политическими традициями. То, что выросло на остатках Советского Союза, конечно, связано и с тем, что представлял собой Советский Союз. И политическая культура, и отсутствие гражданского общества, и т.д. Поэтому, где эти ресурсы у той России, о которой Вы говорите?

Александр Чечевишников – Я хотел бы задать вопрос и чуть-чуть прокомментировать Михаила. Как-то перемешано понятие массовое сознание. Что такое массовое сознание? Вы одновременно говорите о массовом сознании, как о сознании элиты, образованной части общества, и этим же термином называете, несколько раз подразумевали те доминанты, которые присутствовали на разных этапах 90-х годов и в нынешних СМИ. И, наконец, просто массовое сознание, т.е. то, что на социальном материке уже находится. В этой связи периодизация, которая была дана с самого начала, что было некое благородное отношение, потом что-то вроде перелома, и в общем, не понятно кто субъект-носитель этого сознания...

Тут анекдот рассказывали, а я из жизни расскажу анекдот: «89, по-моему, или 90-й год, троллейбус, Ленинский проспект. Ленинский проспект – это не Тамбов, и не Тюмень, но более-менее приличное место в Москве. В троллейбусе сидят московский армянин и тбилисский грузин, который недавно приехал в гости. И слышат они разговор: и что эти армяне с азербайджанцами не поделили?! И вера у них

одна, и язык у них один». Массовое материковое сознание. Мне трудно сказать, каким оно было в 70-е годы, но кажется, что с 80-х годов оно устойчиво, и в массовом сознании отношение к кавказцам в целом было негативным. Причем не персонифицировалось, а как бы бирка была, название всех было «грузин». При этом вполне нормально сочеталось в низовом массовом сознании с хорошим отношением к конкретному грузину, конкретному азербайджанцу, но все вместе порождало очень негативную оценку. Я напомним один рассказ, который, наверное, в свое время все читали, «Ловля пескарей в Грузии». В тот момент этот рассказ произвел чуть ли не водораздел в Союзе писателей. С тех пор все и началось. Мне представляется, что в массовом сознании, если говорить о сознании низовом, перелома не было никогда. А вот те метания или комплексы, которые в элите, они действительно. Здесь можно выводить какую-то периодизацию, можно говорить об инструментализации отношения к кавказским субъектам со стороны высшей бюрократии, а высшая бюрократия обязана инструментально, а не ценностно относиться к каким-то более-менее внешним субъектам, причем более-менее ценностью для них может быть только собственная субъектность, субъектность своего государства. Это вот вопрос по поводу массового сознания.

И еще один маленький комментарий, если позволите, по поводу такой фрустрированной оценки перспектив ситуации на Северном Кавказе. Получается, что государство как бы там куда-то утекает. Политическая конструкция власти на Северном Кавказе, которая имела место в 90-х годах и более или менее продолжает функционировать сейчас, выросла из персонажей и клановых отношений специализации, которые сложились еще в 80-е годы. 15 лет это все стоит более или менее с теми же персонажами, с той же расстановкой сил и с той же отраслевой специализацией, кто на чем делает бизнес. Но не может это стоять долго. Вот поколение заканчивается, сейчас идет момент смены поколений в северокавказском картеле. Извините, этот картель, который существовал все эти 15 лет. Одни кланы и этноэлиты специализировались на одном, другие на другом. Одни на рыбе, другие на оружии, третьи на наркотиках, и это более или менее контролировалось из центра. Хватало людей, чтобы так или иначе этим управлять. Сейчас наступает фрустрирую-

щий момент, когда просто те силы, та расстановка и структура этого контроля, мутирует, идет новое поколение. Имеет это какое-то отношение к оценке, что государство разваливается? Этот картель сосуществует с Российской Федерацией, с государственной властью, он симбиотичен ей. Сейчас этот организм обновится за несколько лет. Задача той самой злосчастной бюрократии заключается в том, чтобы эти роды прошли благополучно, без большой войны. Какое имеет это отношение к разрушению государственности на Кавказе? Государству просто труднее будет оперировать этим процессом, потому что процесс будет в состоянии перехода. Вот и все. А пугать наших южно-кавказских коллег этими обстоятельствами?! Да, у них, по-моему, своих проблем аналогичного типа достаточно, и их государственность еще «на воде вилами писана» по большому счету.

Михаил Шевелев – Что касается той истории о Ленинском проспекте, которую Вы рассказали, то я слышал ее немного в другом варианте. Может правда, может неправда, но я в нее верю, и это будет ответ сразу на два вопроса. Я ее слышал, как разговор Воротникова и Примакова в 90-м году, когда их присылали умиротворять Баку. И Воротников у Примакова, как у специалиста, спрашивает: «ты можешь мне объяснить, что здесь происходит? Что они не поделили? Вера одна, язык один...». Это имеет отношение ко второму вопросу.

Вы правы, да какие 15 лет? Это 70 лет стояло, 80 лет стояло, только это не картель, конечно, это холдинг с управляющей компанией в Москве. У одних рыба, у других оружие, у третьих наркотики, у четвертых дармовой спирт, полученный контрабандой из Грузии, все про все понимают. Сломалась же советская ситуация, и она сломалась в сентябре 91-го года, если говорить про Северный Кавказ. В городе Грозном начали действовать те факторы, которые раньше удавалось подавлять грубой силой. Не подавляется религиозный фактор. Что мы наблюдаем сейчас в Дагестане? Это уже не выборочный террористический акт, а партизанская война на территории Дагестана. Откуда пришла? Из Чечни пришла, гадать нечего. Что мы наблюдаем в Осетии? Это не просто смена Дзасохова – спирта больше нет, меняется экономическая ситуация, жить не на чем. Одновременно все эти процессы, «недовыраженные» в конце 80-х, на-

чале 90-х, некая минимальная свобода слова, зачаточная, эмбриональная сохранилась и действует, и терпеть эту клановую несправедливость дальше вот так реально никто не будет. У всех перед глазами пример Чечни. Кого-то он напугал? Никого. Это Кавказ. Повышенная самооценка и повышенное чувство собственного достоинства. Есть возможность умереть за свою справедливость, и они будут умирать. Поэтому нежизнеспособная конструкция, не хватает ЦК КПСС.

Михаил Мирзиашвили – Спасибо, Михаил, за интересный доклад. Мне понравился стиль рассказывать анекдоты. «Грузин, армянин, азербайджанец и китаец едут вместе в машине, вдруг один из этих первых трех схватывает китайца и выбрасывает в окно. Другие спрашивают – что ты делаешь, человека выбросил? Он отвечает: «человек-то, человек, но какой анекдот он портил». Россию из нашего анекдота не выбросишь, и я хочу обратиться к господину Маркедонову. Вы говорите, что надо разделять Россию, что Путин это одно, а Россия это другое. Это известно, что есть Россия Толстого, есть Россия сапога и т.д. Но дальше Вы размышляли, сказав, что Вы – государственный, что для Вас очень важны государственные интересы России. В этой связи вопрос – когда Вы говорили, что у этнических русских, которые остались на территориях республик бывшего Советского Союза, другой родины, кроме России, нет, это интерес государственника? Государственная политика? Можно, я буду критиковать это как политику государственника, или критиковать как политику Путина. Потому что такой подход, что у них родина Россия, а не те республики, которые образовались, настораживает эти республики. Я не хочу быть адвокатом, допустим, прибалтов, но это настораживает прибалтов, когда каждую минуту им напоминают, что у русских людей, проживающих там, оказывается родина где-то в другом месте, и они вдруг могут сказать, что: «наша родина – Россия, вместе с этой землей». Я, конечно, утрирую немного.

Вячеслав Игрунов – У меня несколько реплик по поводу высказываний Маркедонова, который все время критикует и говорит, что он государственный, а государство приватизировала не та элита, и надо что-то менять. Я хочу сказать, что на самом деле государство не су-

ществует вне людей. Государство – это те люди, через которых реализуется определенный стиль управления. Если эти люди в государстве, то это такое государство. Разделить интересы государства и интересы той элиты, которая его приватизировала, совершенно невозможно. Поэтому я понимаю, когда многие наши западные коллеги, я перейду к некоторым вопросам Вальтера, воспринимают нас, как сапог, как продолжение Советов и т.д. Но на самом деле, моя душа вместе с Маркедоновым по одной простой причине, ведь ему это государство не нравится, ведь в нашей стране есть контрэлита, в голове у которой есть другое видение государства, и это тоже наше государство, потому что мы тоже на него влияем. Сегодня это пока контрэлита, но все меняется. А если Россия уйдет с Кавказа, то ее никогда не вернешь, какая бы элита не стала во главе государства. Поэтому мы, будучи контрэлитой, или даже аутсайдерами, продолжаем поддерживать интересы России в этом регионе.

Второе. Господин Путин как-то сказал, что величайшая геополитическая трагедия XX века это распад Советского Союза. И тут же политические деятели очень сочувственно начали кивать головой и говорить: «вот посмотрите, разве ж можно иметь с этой страной дело, если ее президент жалеет о Советах?!». А вот я не знаю как насчет величайшей геополитической трагедии XX века, но для меня лично это была колоссальная трагедия, распад моей страны, Советского Союза, потому что я советский человек. Но я ни одного часа не жалел о Советах. Я как диссидент всю свою жизнь боролся с коммунизмом и коммунистической властью. Жалеть о своей стране и жалеть о том режиме, который в нем был – это две разные вещи. И не надо передергивать их, или недопонимать, надо твердо и ясно понимать, что есть страна и ее интересы, и есть режим и его интересы. Наша страна справилась с коммунизмом. Это не американцы пришли и уничтожили у нас коммунизм, и не немцы, это мы сами изгнали коммунизм из нашей страны. К сожалению, мы при этом разрушили страну, чего не хотели.

Да, я говорю о себе, мне нравилась эта страна, так, как я ее видел и хотел. Коллеги, вот здесь высказывали разные точки зрения. Вот, скажем, точка зрения Михаила Шевелева отличается от моей, моя отличается от Вашей, а Ваша, возможно, отличается от Ворон-

кова, но это вовсе не значит, что я не могу высказать свои точки зрения. Вы согласны со мной?

Так вот, я хочу сказать, что сегодня мы все решаем краткосрочные проблемы, сегодня очень хочется, чтобы эта противная Россия ушла с Южного Кавказа, а может быть лучше и с Северного, чтобы подальше. И я понимаю, что есть такая точка зрения. Я хочу только сказать, уважаемые господа, давайте представим, что мы решили эти свои проблемы: Россию изгнали с Северного Кавказа; Грузия обрела полную независимость с уходом баз и вообще с выдворением России; а может быть даже и Россия распалась?! А теперь давайте представим, перспективу в 10-15-20-50 лет. Вы представляете, что из себя будет представлять Кавказ, и прежде всего Северный, с его демографическими ножницами, с его оскудением ресурсов? Грузия уже испытывает катастрофы, в том числе демографические, связанные с разрушением традиционных экономических сфер, и представьте себе, что вы находитесь в самом потенциально взрывоопасном районе мира от Ближнего Востока до Центральной Азии. И представьте себе, что будет Грузия делать без России в этой ситуации. Да, мы можем решить тактическую задачу, разрушив стратегию разрешения своих проблем на будущее. Вот мне этого не хочется. Я не буду говорить дальше, потому что время истекло, я просто расставил акценты.

Сергей Маркедонов – Позволю себе немножко отреагировать. Значит, первый момент по поводу картеля, который будет сосуществовать с государством. Проблема в том, что картель с государством не сосуществует, а вызывает порчу государства, то, что и называется на латинском языке коррупцией, т.е. дословно «порча». Государство не работает, как государство. В определение государства очень важно понять, что государство – это некая структура, некий институт, имеющий определенные функции. Если он работает как частная компания или как рэкетерская контора по отъему собственности – это уже не государство, простите, а что-то другое. Поэтому этот картель, который коррумпирует, покупает чиновников оптом и в розницу в Москве, он разрушает российское государство. Этот картель вовсе не безобиден, и те, кто покровительствует этим участникам картеля, разрушают действительно не только государство, но и нормальные

социальные связи внутри страны тоже. Мы не должны ведь забывать, что разрушение государства среди прочего, особенно в российских условиях, это разрушение тотальное социальных связей.

Господин Игрунов здесь говорил по поводу Кавказа, что может быть действительно в случае такого ухода. А собственно, не надо ничего конструировать. Россия дважды ушла из Чечни, в 91-м и 94-м, и в 96-м и 99-м. Что получили? – 70 тысяч рабов. Данные не империалиста Маркедонова, а депутата Государственной Думы, ныне советника президента, этнического чеченца – Асланбека Аслаханова. Мы получили 220 тысяч беженцев русских. Еще можно добавить сюда несколько тысяч ногайских беженцев из Шелковского района, 21 тысячу убитых, только в так называемые мирные годы. 100 тысяч захваченных домов. У нас был опыт, данный в ощущениях, чего мы конструированием занимаемся-то?! Две Ичкерии у нас было! И была чеченизация Дагестана, так называемая, Кадарская зона. Действительно очень важный момент, которым управлять нельзя, на Кавказе что-то такое есть.

Следствием вот этой тотальной коррупции на Кавказе является его ваххабизация, но я не люблю слово ваххабизм, оно не корректное, лучше – солофизация. А куда идти молодежи, если все полянки поделены, весь бизнес разделен на части? Доступа нет, публичной политики нормальной не существует. Куда идти нормальному молодому человеку в условиях демографического роста? А три республики, где позитивный демографический рост в межпереписной период – это Дагестан, Ингушетия и Чечня. Куда еще идти этим людям при тотальной безработице? Когда духовное управление мусульман приватизировано, обскурантистское и занимается также приватизацией власти, которое не дает ответы на насущные богословские вопросы, и не умеет вообще вести богословские дискуссии, а власть приватизирована тем или иным кланом.

Почему так популярен ваххабизм на Кавказе? Ведь об этом практически никто никогда не говорит. Да потому, что ваххабизм это некий универсалистский проект, некая извращенная идея гражданской нации. Неважно, кто ты и к какому тейпу принадлежишь, какому вирду и какому тарикату. Мы все мусульмане – и русский, и дагестанец, аварец, даргинец, чеченец. Мы все мусульмане. А, учитывая

еще плохие традиции государственности на Северном Кавказе, то сетевая структура, которую солофиты предлагают – это общины во главе с эмиром, прекрасно ложатся на эти условия. Это в известном смысле некая извращенная структура гражданского общества. Вот что такое картель. А мы говорим: картель делит деньги, кого-то покупает. Он воспроизводит тех самых солофитов, которыми пугают всех сегодня, реально не понимая, что за опасность представляет собой это течение. Потому что мы говорим «мировой терроризм», совершенно не понимая реального смысла. И вот я попытаюсь объяснить, так сказать, социальный механизм, который воспроизводит, исламизирует Кавказ. Вот вам существование картеля, всего лишь, такого замечательного.

Поэтому дело не во фрустрации, дело действительно в катастрофической ситуации исчезновения государства. Поскольку мы так к Европе стремимся, хорошо бы здесь и европейские паттерны вспомнить. Слабое государство в Германии – это Гитлер. Слабое государство в Италии – это Муссолини. Слабое государство в России – февраль 17-го года и октябрь 17-го года и гражданская война. Слабое государство – это бардак, хаос, анархия, погружение в архаику, и война всех против всех. Государство нужно, как писал Гоббс, для того, чтобы прекратить *bella omnium contra omnes*, и ввести некие правила игры. Когда в России очень многие голосуют за «Родину», то КПРФ или другие силы говорят: «ужасно, идет фашизм». Да не фашизм идет. Огромное количество людей голосует за эти блоки потому, что им нужно нормальное государство, как гарант правил игры. А никакая нормальная партия сейчас в России не может предложить такой проект. Не может «Единая Россия» – сборище серых чиновников. Не может КПРФ, которая погружена в ностальгию по сталинским временам. Поэтому и есть некий запрос на государство. Если по-умному его канализировать – не будет вам «Родиных», не будет вам каких-то этнических русских радикалов. Поэтому такие вот мысли я бы привел.

И последний комментарий на выступление Михаила. Забота о соотечественниках не предполагает каких-то ривентистских проектов. Я был в Брюсселе в ноябре месяце, и мне многие НАТОвские чиновники откровенно сказали: «слушай, эти прибалты уже надоели с российской военной угрозой, мы их уже осаживаем, бред несут

– какая российская военная угроза?!». Понимаете, российская военная угроза, российская имперская угроза стала давно уже инструментализирована. Это инструмент для оправдания собственных провалов в постсоветских государствах, для оправдания коррупции, не состоятельности государства, очень многих ошибок. Чуть что – вот российская угроза.

Ребята, может быть как-то надо начинать взрослеть и смотреть уже на собственные ошибки? Мне кажется, что показатель, так сказать, преодоления аналитического и политического инфантилизма – это критика в свой адрес тоже, и дай Бог, чтобы эксперты в Армении и Азербайджане, Грузии и Центральной Азии, критикуя кого-то, еще бы немножко и на себя могли оборотиться, это тоже очень важно.

Виктор Воронков – Я хотел бы все-таки отреагировать на некоторые имперские высказывания здесь, российские. Здесь говорили о том, что российские правозащитники поддерживают нарушения прав человека, не обращают внимания, например, на нарушения прав человека в Прибалтике, что мы поддерживали тех, кто потом их нарушал. Это значит, не понимать, что в каждом национально-освободительном движении – демократическая составляющая, прогрессивная. Вот когда пришли к власти, тогда надо начинать соблюдать права человека. Конечно, после того как какие-то националистические режимы пришли к власти, никто их не поддерживал, но зато никогда не было переоценки вот этих спекуляций со стороны России по отношению к той же Прибалтике. Когда Россия хамски и высокомерно говорила – вы там нарушаете, хотя там надо было делить все на 48, а сама нарушала сплошь и рядом. Сама бы своими правами человека заботилась в первую очередь.

Что касается вот этой удивительной позиции – ностальгии по СССР, когда мы вспоминаем, как там было хорошо, какая была большая страна для всех доступная, то это не понимать, что если мы уничтожили этот режим, то СССР и не мог существовать больше, потому что поддерживался только тем режимом, и как только режим рухнул, все сразу развалилось. Это естественно. Невозможно соединить преимущество капитализма с преимуществами социализма.

Что касается Северного Кавказа, я удивляюсь, вспоминая разговоры, которые шли в конце 80-х о Прибалтике: «да они сразу же там все погибнут, да с русскими там будут...». Чего только мы не слышали со стороны этих интерфронтонтов и очень многих российских наблюдателей. Ничего. Замечательно получилось. Почему же вы считаете, что северные кавказские государства, которые могут получить независимость, должны быть выстроены по подобию и образу России?! У них свои культурные особенности, они создадут такие государства, может быть, без ваших европейских ценностей, но может быть такие же устойчивые, как Саудовская Аравия, если там будут сильны позиции ислама. Мы начинаем запугивать тем, что там может быть. Чечню, в том виде, как вы описываете, с рабством и т.д., создала Россия. Безусловно. Сколько мы читали, как армия продает в рабство людей, российская армия чеченским бандитам, поэтому я не думаю, что Россия должна указывать всем, как быть счастливыми. Особенно вспоминая фильм «Айболит-66», где Бармалей в конце говорит: «доктор, я все понял, я всех людей будут делать счастливыми, пусть попробует у меня кто-нибудь не быть».

Багал Кобахия – У меня реплика по поводу страны. В чем-то я тоже ощущаю себя частью этого «мы». Дело в том, что я тоже с некоторой ностальгией, иногда в кавычках, вспоминаю о советском прошлом, когда все было решено: я был пионером, потом стал комсомольцем, потом, в партию вступил. И путевки были, и зарплаты были, но мы же не об этом говорим. При этом мы знаем, что Советский Союз формировался на базе того, что, простите, в первую очередь уничтожило огромный пласт российской культуры. Когда была вырезана интеллигенция, целые слои населения, я сейчас не говорю о других народах. И во имя счастья нашей страны были уничтожены около 50 миллионов людей во времена культы личности. Тут, мне кажется, есть некая подмена тезиса. Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли. Я люблю свою страну, она у меня начинается дома, за моими окнами, где дерево растет, где могилы моих прадедов, но я не хочу, чтобы вы подумали, что когда вы говорите «мы», что я являюсь частью этого мы. Хотя я был частью Советского Союза и свою ответственность не снимаю ни в коей мере, как абхаз, не проецируя на русских или других, я был частью той системы. Если я

тогда что-то делал – это мои проблемы, но не было счастья такого вот. Оно было очень большой ценой обеспечено.

А что касается вопроса о гражданском обществе, то меня волновали россияне и их отношение к тому, что происходит на Южном Кавказе, хотя и на Северный реакции нет. Когда мне говорят: «ну, слушайте это ваши проблемы». Нет, извините меня, я лично несу всегда ответственность за действия моих властей. Если мои власти, государство, гражданином которого я являюсь, распространяют свои действия за пределы моей страны, то в этом есть и мои «заслуги». Это мое молчание, мои налоги, в конце концов, которые я регулярно плачу, это когда используют мой голос или его отсутствие, используют мою энергию, и я должен быть готов отвечать и вправе призвать их к ответственности. Поэтому, когда мы говорим о российском факторе на Южном Кавказе или даже в Иране, или Африке, то я думаю, что гражданское общество вправе спрашивать о том, что происходит в Африке с помощью их государства, опорой которого они являются как ее граждане. И когда мне очень хорошие правозащитники, просто неудобно их перечислять, говорят: «это уже не наша территория, мы занимаемся правами человека только на территории России», меня всегда потрясает их угасание диссидентских взглядов, как только начинается граница шлагбаума. Мне казалось, что в этом смысле гражданское общество не имеет границ.

Я считаю, что вы несете такую же ответственность за ситуацию там, как и мы. Это тоже ваша территория, потому что ваша страна там ведет определенные действия и не реагировать на это, значит, быть слепым. Вы никогда не сможете построить гражданское общество у себя в отдельно взятой стране, если не будете реагировать на действия своих властей за ее пределами.

Михаил Шевелев – Я коротко Вам отвечу, потому что этот вопрос требует личного ответа. Я не стану отвечать за все гражданское общество, отвечу только за себя. Да, гражданское общество в России, на мой взгляд, слабое. Я и другие люди, которые считают себя за это ответственными, считаем, что наш гражданский, профессиональный и моральный долг – вернуть то влияние на собственную власть, о котором Вы говорите. Это наша первичная и внутренняя задача, но

это не самоцель. Надеюсь, что отвечаю и за других людей, что как только мы вернем это самое влияние, мы употребим его на то, чтобы наша страна позитивно влияла и на Южный Кавказ, и на Туркмению, и на Бог знает что еще, но это просто последовательность задач. Сейчас нас больше волнуют рычаги влияния на собственную власть. Без этого мы бессильны.

Пола Гарб – Помните, мы говорили, что обмениваемся о процессе. Хотелось бы узнать ваше мнение, ваши впечатления, оценку, именно процесса, чтобы на завтра иметь это в виду. Кто хотел бы начать?

Виталий Тарнава – Все-таки, что значит классика! Некрасов еще когда правильно сказал: «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Вот думаю, первая задача общества. Именно мы должны встать с колен и стать гражданами своей страны, потому что государство служит нам, а не мы государству. Это главная ценность, которую мы должны осознать. Мы не должны бояться чиновников любого ранга, самого высокого, самого маленького, они обязаны отчитываться перед своим народом за свои действия. И с них может спрашивать только народ. Народ есть главная сила, главный источник власти в любой стране, даже в деспотиях. Потому что рано или поздно царей, султанов свергает народ, несмотря на всю их армию и спецслужбы. И наша новейшая история только подтверждает это. Поэтому важно, чтобы наши правительства чутко прислушивались к чаяниям и нуждам своих народов, тогда не будет у нас никаких проблем.

Геворк Тер-Габриэлян – Я один из инициаторов идеи иметь время говорить о процессе и хочу воспользоваться этим. Мне интересно, что сегодня, по-моему, прозвучала диагностика в определенной степени, и разноречивых мнений был, и общая ситуация выяснилась. Я хотел бы пожелать, чтобы завтра эта риторика «я», «мы», немножко больше вошла в реальность и, чтобы действительно не было 2-х дней посиделок, а может быть какие-то следующие шаги, идеи, процессы проговаривались здесь и сейчас. Не знаю, может у меня слишком идеалистичное пожелание, но подумал, что диагностика очень интересная и сильная здесь произошла, и можно думать, что дальше делать.

29 ИЮНЯ

Паата Закареишвили

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ «ПРАВИЛЬНАЯ ПОЛИТИКА» РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА?

Вчера была очень интересная дискуссия, я очень благодарен выступающим, на самом деле они задали хорошую канву и можно продолжать работать. Очень многие вчерашние вопросы и проблемы заново возникли и, к сожалению, как мне кажется, мы уже который год кружимся вокруг одного и того же кольца, как лошади на ипподроме. Нечто подобное происходит с нами, теми народами и государствами, которые вышли или еще не могут выйти из Советского Союза, иначе это называется постсоветское пространство. Я называю это византийским мышлением, абсолютно ничем не обоснованный термин, просто те народы, которые остались после распада Византийской империи, у них какое-то своеобразное мышление, отличающееся от западноевропейского. Они обычно отличаются своим, скажем так, статичным или стереотипным мышлением. Они хотят или все, или ничего, или на нуле сидят, или хотят все сразу за один день решить. То есть, нет никакой динамики ни в мышлении, ни в позициях, ни в политике. Не хотят каждый день что-то делать и ежедневным трудом или действием какой-то цели добиваться, а ждут каких-то добрых дядь, которые за них все сразу решат, чтобы другим ничего не досталось. И вчерашний день тоже это показал. В основном был контекст, что оттого, что Россия плохая и не соответствует своим стандартам, которым должна соответствовать, поэтому и плохо в постсоветском пространстве, а вот, если бы Россия была бы хорошей, то и Грузия себя по-другому вела, и в Абхазии все было бы по-другому. Мы все за эти 200 лет, которые нас связывают, смешались и вырезаны из одной шинели, т.е. наша ментальность одинаковая. Если Россия заторможена в своих действиях, и вы сами – эксперты и граждане России – не довольны тем, как строится рос-

сийская политика, так же не довольны и мы, грузины, своим государством. И тоже считаем, что если бы Грузия была нормальным государством и соответствовала международным стандартам и внутренним интересам, то было бы по-другому и в отношении к России. Россия не имела бы такой возможности влиять на Грузию, и Грузия так глупо не вела бы себя по отношению к Абхазии, в Абхазии не было бы столько проблем, и так далее, и так далее.

Другое дело, есть ли какая-то динамика. Надо смотреть не на то, что мы прошли. Еще терпимо, если мы ограничиваемся историей XX-го века, но хуже, когда мы лезем в XVI-XVII века и отсюда начинаем объяснять, почему у нас все это произошло. А надо смотреть на современность, потому что нынешняя, сегодняшняя динамика уникальна. Наверное, тот, кто следит за историей цивилизации, подтвердит и согласится, что таким динамичным мир никогда не был. Сегодня в эпоху компьютеризации можно из одного конца земного шара попасть в другой примерно за 12 часов. Все меняется. Когда мы в прямом эфире видим, что происходит на дне Баренцева моря, то ясно видно, что мир совсем другой, и динамика другая. Соответственно, мы должны смотреть: кто в какую сторону движется. И в этом смысле, мне кажется, что Россия запаздывает по отношению к Грузии.

Когда я бываю в Москве, чувствую, насколько в России старые представления о Грузии. В Грузии очень много всего происходит и плохого в том числе. Я очень много критикую ситуацию в Грузии, и мы с моими коллегами очень недовольны, считая, что грузинская динамика не так сильна, и не может пройти какую-то критическую планку, но в любом случае, в России не видят даже этой динамики. Когда мы вчера услышали, что в Ахалкалаки есть какие-то проблемы из-за вывода баз, это несерьезно. Там люди недовольны, что базы выводят, но не потому, что базы выводят, а потому, что социальные проекты не реализовываются. Если они будут реализовываться, будут какие-то инвестиции, то все поменяется. Если даже какие-то гипотетические НАТОвские базы, о которых никто не знает, могут разместиться на территории Грузии, то не обязательно на границе с Турцией.

Или же, когда мы слышим здесь в России о проблемах в Менг-релии или в Аджарии, и видно как на самом деле Россия отстает от

процессов в Грузии. И чем больше она отстает от грузинской динамики, тем больше отстает от влияния на Кавказ.

Был задан вопрос – какой должна быть правильная политика России в отношении к грузино-абхазскому конфликту? Лично для меня такая политика, какая сейчас есть, мне абсолютно выгодна, если бы Грузия вела себя правильно. Если вчерашнюю нашу дискуссию перевернуть, то если бы Грузия вела себя правильно, нормально, то все эти неверные шаги России были бы только выгодны Грузии. Я был доволен, например, тому, как вела себя Россия по отношению к абхазским выборам, так глупо и против себя. И в то же время был доволен, что грузины в этом смысле не захотели нагреть себе руки. Были такие моменты, когда у кого-то чесались руки, но, слава Богу, те же самые западные институты как раз и мешали этому. Кто стоит сегодня за грузинской политикой, кто управляет и что управляет этой политикой, и соответственно, какие перспективы у грузинской политики в будущем?

Интересы России ведь не только же в грузино-абхазском конфликте, ее интересы на целом Южном Кавказе. Соответственно грузино-абхазский конфликт это всего лишь одно из звеньев, как влиять на процессы на Южном Кавказе. Для меня все-таки всегда важно, что есть Грузия на самом деле. Любые наши внешние факторы, как отрицательные, так и положительные, которые всегда влияют – это всегда для меня вторично. Если грузинские власти, грузинская политика была бы стабильна, демократична, основана на гражданских ценностях, тогда никакие опасения и риски, связанные с Россией, нас не беспокоили бы. Но так как, увы, Грузия сама по себе является не той страной, в которой я хотел бы жить, потому что я хочу, чтобы она менялась и была демократичной, соответственно уже роль России становится довольно серьезным фактором. Если бы у Грузии была бы довольно серьезная демократическая броня, я уверен, что все эти российские интересы были бы более цивилизованными и более целенаправленными, поэтому я никогда не вижу страшную Россию. Одно из проявлений болезни грузинской политики именно то, что во всем видят и слишком демонизируют российскую роль. На самом деле это не так. Проблемы у нас внутри и соответственно должны разрешаться изнутри.

Если брать грузино-абхазский конфликт, то здесь уже прослеживается какое-то движение. После революции можно увидеть какие-то шаги, очень малые, поверхностные, но все-таки они есть. Например, в Грузии практически прекращены разговоры о геноциде. На самом деле, оголтелая пропаганда, оголтелая риторика грузинских властей о геноциде грузинского населения практически исчезла. Исчезли такие понятия, как Гаагский суд. И самое главное, что еще при жизни Тамаза Надарейшвили, который был лидером беженцев, лидером одного из самых крайних, реакционных крыльев Грузии в отношении Абхазии, был отеснен грузинскими властями. Возможно, это и послужило причиной его смерти, но важно, что как только новые власти пришли к руководству, они решили, что он мешает им в действиях. И это серьезный шаг, потому что Шеварднадзе никак не мог решиться на это и считал, что фактор Надарейшвили для него очень важен, а новые грузинские власти даже не задумываются над этим вопросом, и решают такие вопросы очень легко. Так же легко был решен вопрос так называемой абхазской депутации, которая годами присутствовала в Парламенте Грузии, нарушая закон и конституцию. Новые власти решили, что это не тот путь, которым можно вернуть Абхазию, что это несерьезно, никакой силы в этих людях нет, они ничего не делают. Этого всего, конечно, абсолютно недостаточно, но не видеть эти шаги нельзя, и через них нельзя не видеть, что есть какая-то новая стратегия, по крайней мере, есть желание и попытки вывести ситуацию в новое направление.

Очень важный момент, например, партизаны. Нет партизан – это факт. Раньше грузинские власти поддерживали партизан, особенно МВД, апогеем этого были события в Гальском районе 98-го года, потом поняли, что это бесперспективно, но все-таки продолжали их поддержку любым путем. Если до 98-го года это было закреплено в бюджете, партизаны финансировались из центра, то после 98-го они не получали деньги буквально из бюджета, но получали их через бизнес и какие-то связи, при этом управлялись из центра. После прихода новой власти они были полностью обесточены, можно сказать. И если есть какие-то вылазки, то уже чисто местные, криминальные. На самом деле я могу сказать, что бывший губернатор Гиги Угулава, который сейчас получил более высокое назначение, руко-

водит администрацией Президента, он, можно сказать, полностью перекрыл все возможности существования криминала в Менгрелии. Сейчас, к сожалению, новый губернатор довольно слабый и не может так сильно влиять, и я уверен, что он даже в каком-то смысле заинтересован нагреть себе руки на каких-то действиях, и не исключено, что будет как-то, если не поощрять, то, по крайней мере, не преследовать криминал. Но то, что поддержка партизан – это уже не государственная политика, и этим путем Грузия не хочет подрывать стабильность в Абхазии, однозначно.

И самый главный фактор, который явно был показателем серьезности в отношении к Абхазии – это целенаправленная, обдуманная политика в контексте с затянувшейся предвыборной ситуацией в Абхазии. Я сам участвовал в нескольких встречах, на которых очень принципиально обсуждались вопросы, как Грузия должна вести себя, когда есть вероятность ввода российских войск. И многие грузинские политики говорили, что надо быть готовыми к тому, что Россия, которая настолько выкручивает руки Абхазии, может это сделать, и это произойдет на нашей территории, и мы должны что-то предпринять. Это довольно высокого уровня политики, и в первую очередь президент считали, что этого ни в коем случае нельзя допустить, это будет провокация и втягивание в боевые действия. Я могу сказать, что был удивлен, насколько разное отношение у грузинских властей к бывшей Юго-Осетинской Автономной области и Абхазии. Это меня удивляет и немножко беспокоит. Потому что для меня одинаково неприемлемо вооруженное воздействие, как на Абхазию, так и на бывшую Юго-Осетинскую автономную область. Но насколько легко считалось, что с бывшей Юго-Осетинской автономной областью можно по-разному разобраться, в том числе давлением, демонстрацией силы, то это практически не обсуждается и исключается по отношению к Абхазии во время выборов.

Я ни в коем случае не хочу сказать, что я источник в последней инстанции, и то, что знаю, это истина, но к тому времени, когда выборы шли в Абхазии, это именно так было. Еще у президента было желание прислушиваться к экспертным взглядам, чего сегодня вообще нет, полностью уничтожен этот контакт, как с гражданским обществом, так и с экспертным сообществом. Но тогда это были

довольно тесные связи, формальные отношения президента с неправительственными организациями, т.е. он постоянно выходил на них, проводились разные встречи, публичные и не публичные. Там явно просматривалось, что никаких намерений по отношению к Абхазии выкручивать руки, воспользоваться ситуацией, не было.

И на этом фоне было очень интересно поведение России. Я понял, что Россия никак не меняется, она осталась, может быть, в XX веке, но явно не соответствует современным требованиям времени. И поведение в Абхазии было, с одной стороны, просто шокирующим для меня, с другой стороны, радостным. Потому что то, что Россия не меняется на фоне того, что Грузия тоже по существу не меняется, это хорошо. Иначе, если Россия будет продвигаться вперед в сторону демократии, это на фоне Грузии будет плохо. Поэтому то, что Россия показала, что для нее не выгодны никакие общественные изменения в Абхазии, это показывает довольно серьезный кризис в государстве российском. Они сказали абхазам «нет» не только в отношении политической независимости, они сказали абхазам «нет» даже на общественное развитие. То есть, России не выгодны никакие такие процессы внутри Абхазии, которые могут стать неконтролируемыми для России. Это полностью меняет всю картину в отношении Северного Кавказа и сомнения, публикации, выступления экспертов наводят на мысль, что такие же процессы идут там. Соответственно, чем больше Россия будет бояться общественных процессов у себя на территории Северного Кавказа и в Абхазии, в которой, к моему великому сожалению, происходят схожие с российскими процессы, тем больше это будет показывать, что России невыгодны общественные движения, гражданское общество, демократические образования, оппозиция, дифференциация общества.

И на этом фоне выходит другой план – а что нам предлагает Запад, то страшилище, которым Россия постоянно пугает мир? А Запад предлагает нам совсем другое. Он предлагает нам развитие гражданского общества. Но ни одна копейка из российских денег, которые сейчас поступают в Грузию в очень большом количестве, не идет на формирование гражданского общества. И почти уверен, что так же и в Абхазии. Это все американские, британские и Евросоюза деньги идут на поддержку гражданского общества. А поддерж-

ка гражданского общества это не какой-то агент Запада, а та основа, на которой можно построить самодостаточное, развивающееся, устойчивое и демократическое общество. Поэтому, когда у нас есть выбор, на что и кого опираться, и от кого ждать, скажем так, положительных импульсов – конечно, на Запад. Я прекрасно понимаю, что у американцев свои имперские взгляды, я не питаю иллюзий, но то, как они тратят деньги и на что тратят, дает мне возможность убеждаться в том, что в лице Грузии они хотят видеть устойчивое государство. По крайней мере, хотят до конца проверить: насколько грузины готовы создать демократическое государство. Если не готовы... вот здесь есть уже различие между Европой и Америкой. Американцы готовы сотрудничать и с недемократическими режимами, европейцы же нет. Европейцы к нам более требовательны. То есть, они от нас требуют больше, а платят меньше. Американцы требуют меньше, но платят больше. Соответственно, у грузинской власти есть такой соблазн – делать меньше, а получать больше, поэтому и крен в сторону Америки. Но в любом случае, Россия никак не может войти в эту тройку. Таким образом, Россия, к сожалению, не может заменить Европу или Америку или, по крайней мере, присоединиться к ним. Все скандальные разборки, которые происходят в Грузии в отношении приватизации, экономической политики, все связано с Россией, российскими фирмами, компаниями, которые сомнительными путями проникают, платят огромные деньги, чтобы купить кого-то в Грузии, вместо того, чтобы тратить их на более открытые публичные действия.

Кроме того, у нас есть такой выбор. Куда нам идти, в какую сторону направляться? Соответственно в этом контексте, безусловно, наш выбор однозначно – Запад. Поэтому России не стоит обижаться, а разобраться, почему Грузия так поступает? Не потому, что американцы больше платят, а потому, что они правильнее политику проводят.

И очень конкретные вопросы, как Россия ведет себя в отношении Абхазии. Например, была паспортизация, о которой очень многие говорят. Россия признает территориальную целостность Грузии, соответственно формально, скажем так, Абхазия находится в составе Грузии. Это одна позиция. Другая позиция, что Грузия проводит

очень бездарную, антигосударственную, недалновидную политику и в свое время полностью закрыла Абхазию, блокировала все, не давая возможности населению Абхазии выезжать, что полностью нарушало права человека. В этой связи поведение России в отношении паспортизации было логично и оправдано. Но если смотреть по-другому, то на территории Абхазии проживает около 40-50 тысяч человек обладателей грузинских паспортов, в основном в Гальском районе. И здесь сразу же хоронится позиция по правам человека. Этим гражданам, у которых грузинские паспорта, которые формально находятся на своей территории, их российские чиновники заставляют сдать или уничтожить, или прятать грузинские паспорта и обязательно получить российские паспорта. Что это за политика? Если это соблюдение прав человека, то не надо таких двойных стандартов. Если защищать права человека, тогда на самом деле вместе с Грузией надо находить выход из положения.

Если у кого-то нет грузинских паспортов, и их не берут принципиально, я это понимаю. Я с пониманием отношусь к абхазам, которые принципиально не хотят брать грузинские паспорта, потому что не хотят идентифицироваться с таким государством, как Грузия. Уважаю их желание брать тот паспорт, который обеспечивает им свободное передвижение, как по России, так и по миру. Но как оправдать и объяснить ту политику, когда грузинам, живущим в Абхазии, готовым брать гражданство Абхазии, но которые при этом хотят брать не российские, а грузинские паспорта, запрещают это. Вот здесь уже, извините, права человека отходят на второй план, а на передний выходит уже та же самая пресловутая политика. Поэтому, в первую очередь Россия, которая хотя бы на словах защищает территориальную целостность Грузии, должна перейти к другому подходу. Все это происходит на том фоне, когда, например, месхетинцам в Краснодарском крае до сих пор вопреки Конституции РФ не предоставляют российское гражданство. Странно – Россия разрешает выдавать паспорта и гражданство гражданам на чужой территории, а своим гражданам, которым по конституции положено, не выдает, нарушая свой закон о гражданстве. Вот эти двойные стандарты как раз и показывают, где Россия, а где США.

ДИСКУССИЯ

Батал Кобахия – Паата, ты имеешь в виду, что Россия имеет двойные стандарты, выдавая жителям Гальского района российские паспорта?! Эта информация проверена? Как и кого вынуждают?

Паата Закареишвили – Граждане Абхазии, живущие в Гали, не могут выезжать через Псоу, если у них нет на руках российского паспорта. У них есть международно признанный документ Паспорт Республики Грузия, но они не могут передвигаться.

Вальтер Кауфманн – Паата, я не понял, ты радуешься, что Россия не демократична, потому что это выгодно для Грузии, а если бы Россия была бы демократичной и вела бы себя корректно, это было бы плохо для Грузии?!

Паата Закареишвили – Это хороший вопрос, конечно. Это просто для сгущения красок. Конечно, Россия демократическая для нас была бы выгоднее, чем демократическая Америка. Для меня это однозначно, но так как Россия никак не может определиться, в какую сторону идет, ее ошибки на фоне того, что Грузия сама допускает очень много грубых ошибок, ее ошибки грузинские ошибки как-то нивелируют. В этом я, может быть, немножко злорадствую, оттого, что я злюсь на грузинские власти, потому что они ни на что не способны, но и Россия ни на что не способна, и это немножко успокаивает. Россия демократическая спасла бы не только нас, но все постсоветское пространство и саму себя, но, к сожалению, никаких признаков этого в России нет, а в Грузии таких признаков больше. Пока только признаки, но есть. Тронуть с мертвой точки десятитонную или пятидесятитонную машину тяжелее, чем двухтонную. Грузия меньше по размеру, поэтому ее завести и починить легче. К сожалению, никто этим не занимается в Грузии.

Станислав Лакоба – Паата, Вы отметили здесь такие шаги нового грузинского руководства относительно Надарейшвили, партизан и т.д., которые были где-то структурным подразделением органов так

называемой автономной Абхазии, как Вы смотрите на то, что сохраняются эти органы власти: правительство, Верховный совет автономной Абхазии? И предусмотрены ли какие-нибудь дальнейшие действия в сторону того, чтобы упразднить или аннулировать эти органы власти? Ваше мнение?

Паата Закареишвили – Я считаю, что это как раз одно из проявлений болезни – то, что Грузия никак не может перейти на новое мышление и оставляет такие подразделения или институты, абсолютно мертвые, не легитимные. Я уверен, что эти органы не то, что ничего не делают, но и вредят. Вредят именно в диалоге с абхазской стороной и ничего полезного не приносят, кроме того, что подрывают на самом деле авторитет Грузии на международном уровне и, что для меня более важно, в глазах абхазов. Я за то, чтобы их упразднили. Слава Богу, пока все идет к тому, что постепенно, постепенно происходит демонтаж. Мне кажется, что власти собираются это делать. И даже не кажется, а знаю, что во властных структурах есть очень много влиятельных людей, которые так думают. Но, увы, есть и другие, которые считают, что надо сохранить эти структуры ради символического значения, чтобы абхазы не радовались, что грузины отказываются от Абхазии. Соответственно, это может повлиять на мнение беженцев, которые могут выйти на улицы, повлиять на выборы. И вот из-за этих абсолютно необоснованных представлений желают хоть какой-то символический институт оставить.

Я лично и многие мои друзья считаем, что эти структуры надо упразднить, и дело идет к этому. Думаю, если в течение полугода, скажем так, они не будут упразднены, значит, другие силы победили. Если же в течение полугода эти структуры будут серьезно минимизированы, то здравый смысл победит.

Лиана Кварчелия – может быть, мы оставим комментарии и содержательные вопросы для дискуссии, еще будет время, а сейчас предоставим слово Арде Инал-Ипа для выступления.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ. ВЗГЛЯД ИЗ АБХАЗИИ

Знаете, когда уже была готова программа я с удивлением увидела, как амбициозно звучит тема наших выступлений о «правильной» политике России. Я прошу прощения, конечно, рецептов правильной политики России у меня нет, скорее я постараюсь говорить о проблемах, которые возникают не столько относительно грузино-абхазского конфликта, сколько вообще, о тенденциях в российской политике в ближнем зарубежье, и в частности, у нас. Мы все, наверное, согласны с тем, что действительно, сама Россия очень многоплановая и многослойная, поэтому, когда мы говорим о правильной или неправильной политике России, наверное, надо говорить о том, какой слой мы имеем в виду, представителей каких структур и т.д.

Я бы выделила следующие три слоя: политическая элита России, спецслужбы российские и гражданское общество. Т.е. те, кто открытыми заявлениями или молчаливыми действиями, так или иначе, позиционируются относительно процессов, происходящих, в частности, в Абхазии и Грузии. Я думала также об отдельном выделении политологов, но, наверное, часть из них относится к гражданскому обществу, а часть обслуживает первые две категории. Еще один момент состоит в том, что, когда мы говорим о внешней политике России, даже если она касается такого «суперближнего» зарубежья, как Абхазия, то всегда приходится возвращаться к внутренней политике, а также к проблеме политического выбора, т.е. к вопросу о том, сделан ли этот выбор в России. На самом деле, в связи с этим вопросом очень много неопределенности. Понимание российской внешней политики осложняется тем фактом, что продолжает оставаться проблемой формулирование национальных интересов России, в том числе и на Южном Кавказе. Вчера было много раз сказано о том, что несомненный интерес России – это стабильность на Южном Кавказе, но тогда, выборные события в Абхазии в прошлом году явно не способствовали стабильности, а действительно поставили на серъ-

езную грань процессы, происходящие там, на грань гражданской войны. И нам казалось, что за этим должны были последовать какие-то шаги со стороны политического руководства России, серьезная реакция на то, что многие действия российских представителей никак не играли стабилизирующей роли и процессы развивались вроде бы не в российских интересах. Но ничего подобного не произошло и поэтому осталось некоторое недоумение – а что все-таки, с точки зрения политической элиты, было в интересах России?! М.б., нужно было сорвать ход демократических процессов в Абхазии, нужно было расшатать ситуацию, нужен был хаос? Действительно, очень сложно говорить, насколько соответствует политика интересам, когда они не сформулированы и не приняты, нет консенсуса по поводу национальных интересов.

Что касается политического выбора России, то, мне кажется, что это действительно еще остается проблемой, потому что декларируется, конечно, демократический выбор, направленность на развитие демократии, построение правового государства и так далее, но, когда подобные процессы происходят в соседних странах, странах СНГ, то это воспринимается в Москве как угроза России. Это не совсем понятно. Создаются какие-то препятствия проектам, которые способствуют развитию демократии в этих странах, они воспринимаются в Москве как не соответствующие российским интересам. Вот тогда не понятно, вроде бы сама Россия сделала такой же выбор, но получается, что реализуется такой подход: демократия для нас (т.е., для России), автократия для вас. Или демократия в постсоветские государства должна проникать только через Москву? Такое ощущение, что действительно остался еще старый взгляд, что все новое и прогрессивное должно продолжать распространяться вокруг России по этому маршруту. Но времена и маршруты меняются. С другой стороны, мне кажется, если бы именно из Москвы шло больше помощи развитию демократических институтов в странах ближнего зарубежья, то тогда многие маршруты стали бы стремиться в Москву, и карта политических ориентаций тоже была бы другой, нежели сейчас.

То же самое относительно объединения с Европой. С одной стороны, декларируется, что Россия тоже стремится к более тесному

сотрудничеству с Европой, но разные шаги в этом направлении других государств ближнего зарубежья воспринимаются в Москве тоже как враждебные России. Мне кажется, что напротив, это совпадение устремленности в общеевропейское пространство можно было бы осмысливать совсем иначе – как содействие, сотрудничество, союзничество в этом процессе. То есть, вовсе не как угрожающее дружественным отношениям с Россией, как это понимается сейчас.

Еще я хотела бы сказать о проблеме спецслужб. Мне кажется, что, поскольку Абхазия – непризнанное государство, им не может заниматься МИД. А внутренние министерства не занимаются абхазскими вопросами, так как это не регион России, поэтому многие проблемы Абхазии переданы в ведение спецслужб. И по тому, что происходит в Абхазии, я вижу усиливающуюся роль этих служб. Мне кажется, это опасный, в общем-то, процесс. Потому что, когда мы чувствуем, что эти службы не помогают политике, а начинают задавать ее – это опасно. Ведь наше общее в прошлом государство уже было в такой ситуации, когда структуры, которые должны были обеспечивать безопасность, сами превратились в самую большую внутреннюю опасность. Может быть, в России это не так явно, но когда московские инструкции доходят до абхазских специалистов служб, какая-то внешняя демократическая риторика несколько стирается, и оголяются очень простодушные, простые цели. И все сразу видят, что враги – это гражданское общество, это неправительственные организации, это оппозиция и свободная пресса и так далее. То есть, именно нарождающиеся демократические институты. Почему, собственно, враги, в государстве, выбравшем демократический путь развития – непонятно. Наверное, в силу своей независимости и самостоятельности. Создается впечатление, что очень много времени эти службы занимаются структурами гражданского общества, а, значит, именно в них они видят опасность. Во время выборов нам казалось, что командированные в Абхазию представители этих структур руководствовались интересами не российского государства, а интересами отдельных чиновников, иначе их действия просто невозможно было понять. Вот здесь, мне кажется, нужен, конечно, контроль гражданского общества и понимание того, где действительно формируются национальные проекты, политические в том числе, внеш-

неполитические, и насколько они на самом деле соотносятся с реальными интересами России.

С другой стороны, я не хотела бы, чтобы мои слова восприняли как непонимание важности той функции, которую должны выполнять эти службы в государстве, вовсе нет. Я, например, в каком-то смысле даже приветствовала бы усиление сотрудничества с российскими спецслужбами, но не в сфере внутренних политических процессов, а в области борьбы с наркобизнесом, с черным бизнесом, с похищением людей, и вообще с международным криминалом. Я считаю, что за эти 12 лет было очень много печальных поводов для того, чтобы организовать очень серьезные совместные операции. И, кстати, не только в Абхазии, но думаю, и в Грузии такая необходимость есть, потому что криминал стал интернациональным. Внутри Абхазии, только абхазскими силами на самом деле очень трудно справляться с этими проблемами. В этом смысле помощь российских спецслужб просто необходима. Ведь как раз эти явления подрывают здоровье граждан, подрывают развитие экономики, ослабляют веру в силу закона, одним словом – создают угрозу нормальному функционированию государства. Я говорю не только об Абхазии. Разве все эти явления не создают угрозу безопасности на Южном Кавказе, в южных российских регионах? Но либо руки не доходят, либо в этом все-таки не видят серьезного зла, не видят угрозу, а видят ее, я повторяю, в гражданском обществе, в неправительственных организациях.

Я абсолютно не согласна с Паагой в том, что, чем хуже в России, чем менее демократична Россия, тем лучше может быть каким-то соседним государствам. Мне как раз очень хотелось бы, чтобы провозглашенные демократические ориентации наполнялись бы действительным содержанием и смыслом и именно сильная, а не слабая Россия, мне кажется, в интересах всех ее соседей. На мой взгляд, сейчас такой момент, когда из-за некоторой слабости Россия как бы вторит политике, проводимой Вашингтоном, и получается, что на международной арене Россия ведет не самостоятельную политику, а лишь вяло поддерживает стратегию Буша. Российская политика не принципиально иная, Россия не предлагает каких-то новых нетривиальных решений, новых ценностей в политике. Она просто не так

громко, но фактически, поддерживает американскую политику. А на самом деле, мне кажется, сейчас такой момент, когда именно Россия могла бы предложить что-то новое. Остановлюсь на том, что мне ближе, на проблеме непризнанных государств. Мне кажется, это уже такая реальность, от которой невозможно отмахиваться, и то, что 10-12 лет публикуются географические карты, на которых Абхазии, например, просто не существует, все обозначено одним цветом, это можно понимать как оскорбление реальности. Вообще, я думаю, что существует некий континуум политических статусов. А с точки зрения международного сообщества: либо черная дыра, либо признанное государство, но на деле ведь это вовсе не так. Я думаю, что настало время, когда международное право должно отразить эту реальность, что существуют разные стадии самоорганизации государств. Я считаю, что импульс государственной самоорганизации Абхазии достаточно высок, потому что, несмотря на то, что не было никаких международных программ по поддержке становления государства, поддержке демократии, не было никакой помощи, которая беспрецедентна, например, в Грузии, я считаю, что мы все-таки определенных успехов добились. И в этом смысле становится иногда обидно, что это бывает интересно представителям международных, европейских организаций, но абсолютно не интересно представителям гражданского общества России.

На прошлой встрече мы обоюдно обидели друг друга. Российские правозащитники нам сказали: вы нам абсолютно неинтересны, потому что ваши элиты общаются с нашими одиозными политиками, потому что у какого-то югоосетинского чиновника в кабинете висел портрет Караджича и т.п. Мне кажется, эта позиция несерьезна и совершенно не соответствует гражданским ценностям. На самом деле, проблемы развития общества в непризнанных государствах – это большое поле деятельности для представителей гражданского общества России. Сейчас Европа перехватывает некоторую инициативу у Америки относительно Южного Кавказа, но у России всегда больше шансов наладить активное сотрудничество, если она действительно заинтересуется. Заметьте, ни один российский фонд не заинтересован ни в одной программе в Абхазии, это просто потрясающе! Этот факт говорит о том, что мы интересуем Россию просто

как закрытая территория. Статус Абхазии, как он видится из Москвы – это просто закрытая российская территория, это Арзамас-20 или еще что-то в этом духе.

В российской политической мысли наблюдается в последнее время усиление геополитической риторики. Сергей Маркедонов вчера говорил о том, что Россия должна оставаться в странах бывшего Советского Союза. Но мне кажется, если целью поставить только то, что Россия просто должна оставаться, не уточняя, в каком качестве, то другим как-то трудно увидеть в этом свой интерес, если дело только в том, чтобы сохранить российское присутствие. Давайте вспомним, как удалось большевикам в свое время сохранить территорию России, почти что в прежних границах? Удалось им это только потому, что они предложили новый подход в решении национального вопроса. Сейчас много говорят о *real politic*, но, вы понимаете, идеалы тоже реальны. И ради идеалов люди готовы идти на очень многое. Поэтому тогда призывы большевиков дать всем народам равные права и возможности развития сыграли очень большую роль. Резкая критика самодержавной политики подавления малых народов и предложение проекта национально-территориального устройства для нового российского государства, мне кажется, было принципиальным. Именно этот используемый большевиками тезис позволил удержать очень многие народы в составе уже нового государства. А сейчас Россия опасается озвучивать сам принцип самоопределения народов, вообще забывает о нем. Сейчас Европа, вольно или невольно, начинает напоминать об этом принципе. Мне кажется, здесь тоже Россия упускает момент, когда она могла бы обратить на себя взгляды с надеждой очень многих народов и государств, не согласных с политикой, допустим, Буша и т.д.

И последнее – что делать? Это, конечно, очень сложный вопрос, но мне кажется, необходимо ориентироваться на процессы, не просто на удержание влияния или обеспечение присутствия, но на поддержку позитивных процессов и в экономике, и в праве, и в политике, которые со временем установят разумный порядок и взаимовыгодное сотрудничество, обеспечивающее стабильные и надежные взаимоотношения. Спасибо.

ДИСКУССИЯ

Александр Скаков – Сначала я остановлюсь на каких-то возможных нескольких сценариях будущего Абхазии, будущего абхазского конфликта в целом. Таких сценариев я вижу, в общем-то, три.

Первый сценарий – сохранение нынешнего состояния, сложившегося статус-кво. Пока что эта ситуация устраивает на самом деле всех игроков, но как и в любой ситуации есть динамика, рано или поздно эта ситуация изменится и статус-кво уйдет в прошлое.

Второй сценарий – это, скажем так, процесс получения Абхазией независимости. Я намеренно говорю не «получение независимости», а именно «процесс», поскольку понятно, что это сложный и неодномоментный процесс. Тут уже много раз звучало, что у России есть двойные стандарты, но, в общем-то, реальность современного мира показывает, что двойные стандарты есть не только у России, но и у той же самой Америки. И, в общем-то, события последних десяти лет все это очень хорошо показали всем, кто хочет видеть. Опять же, здесь уже звучал тезис о том, что Россия бомбила территорию Грузии во время событий в Чечне. Я могу напомнить, что во время войны в Ираке несколько раз американские самолеты случайно бомбили территорию Сирии, но почему-то это не вызвало такого резкого протеста в Сирии, такого скандала, как это вызвало в данном случае. Была ли бомбежка случайна, или была намеренно, думаю, что это можно просто не обсуждать. Потому что святых в этом мире нет, и думать, что Россия должна быть святее Папы Римского, не приходится. В наше время надо признать, что сложившаяся Версальско-Потсдамская система в мире больше не работает, она уходит в прошлое, хотим мы этого или не хотим. Можно напомнить, что тот же самый бывший президент Грузии Шеварднадзе внес свою пассивную лепту в этот процесс, поддержав односторонние действия американцев в бывшей Югославии. Система эта умерла или умирает. Принцип территориальной целостности больше не работает и скорее процесс движется в сторону признания примата безопасности, безопасности как коллективной, так и индивидуальной над принципом суверенитета.

В данном случае крайне характерен пример Косово. Этот пример вполне ясно показывает, что надежды Тбилиси на то, что Россия уйдет и появится НАТО, ошибочны. Косово показывает, что НАТО скорее консервирует конфликты, превращая непризнанную страну в независимую во внутренних делах, но полностью зависимую во внешней политике, некий субъект, находящийся в общем пространстве НАТО. То есть в этом случае протекторат России над Абхазией сменился бы фактическим протекторатом НАТО над Абхазией. По сути, для Тбилиси ничего бы не изменилось.

Что касается интересов Тбилиси. Был бы решен в этом случае вопрос возвращения беженцев? Я в этом очень сомневаюсь. Мы видим, как он не решается или решается со знаком минус в Косово, когда албанское население, даже уже после оккупации края, заставило уйти бывшее сербское население. Как он не решается в Сербской Краине на территории Хорватии, опять же на территории зоны действия альянса. И как он не решается в той же самой Боснии. Вопрос этот, кстати сказать, не решается на самом деле нигде. В той же России уже столько времени не решается и, наверное, в обозримом будущем не решится вопрос полного возвращения ингушских беженцев в Пригородный район Северной Осетии. Я уже не говорю про возвращение русских или людей других национальностей в Чечню, этот вопрос вообще не решится никогда, очевидно. Сейчас дело идет к фактическому, официальному признанию независимости Косово. Безусловно, это будет очень важный прецедент, прецедент не просто получения независимости, но и прецедент признания независимости без согласия бывшей метрополии. Совершенно понятно, что Белград никогда не согласится, какая бы власть там не была, на независимость Косово, а если и согласится, то это будет сделано под очень грубым и массивным давлением. Также, как никогда не согласится Тбилиси просто так на признание независимости Абхазии, это для Грузии вопрос скорее не реальной политики, а символа. Что тоже очень важно.

Если фантазировать дальше, спросим – возможно ли признание независимости Абхазии? Сегодня, думаю, что нет, поскольку понятно, что это России сейчас не нужно, было бы больше издержек, чем пользы для политики Кремля. Завтра все может быть. Если мы по-

смотрим на перспективу, мы должны при этом учитывать нашего президента и его политику в отношении Абхазии, которая совершенно иная, чем была при Ельцине, и она вполне четко артикулирована, его возможные реакции на какие-то внешние проблемы, внешние раздражители. Вот зная эти параметры, мы можем предположить, что такое признание независимости Абхазии со стороны России было бы возможно в случае трех условий. Во-первых, это получение независимости Косово, как прецедент. Второе условие – это развал СНГ. И третье – это приглашение Украины в НАТО. Последние два условия возможны в случае дальнейшего ухудшения отношений между Россией и Евросоюзом и США. Все это является вполне возможным сценарием. Я могу даже предположить, что если такое признание будет достигнуто, то оно будет оформлено как признание независимости Абхазии или кого-то другого пока непризнанного субъекта со стороны не только России, но и целого ряда стран, поскольку это было бы логично.

Есть такой миф в Грузии, который я в очередной раз слышал буквально на днях, что Россия никогда не признает независимость Абхазии из-за проблемы Чечни. С этим можно не согласиться. В отличие от Ельцина Путин позиционирует войну в Чечне, или как не войну, или как борьбу с терроризмом, а не с сепаратизмом. Это очень важно. Вчера уже звучала тематика Чечни в докладе Сергея, и прозвучало, что Россия в Чечне борется с сепаратизмом, тем не менее, дальше, им же было сказано, что в настоящее время сторонников независимости Чечни там уже не осталось. Тогда с чем борется Россия в Чечне – с сепаратизмом или нет? Или это как-то надо иначе назвать, какое-то найти другое слово. Я уверен, что сепаратизм имеет внутренние корни в любой стране, и внешний пример не может привести к распаду страны. Страна рухнет, если она не будет привлекательной для проживающих в ней народов, если эти народы не увидят в центре, будь это Москва или Тбилиси, не хозяина территории, а, скажем так, надежного своего партнера, гаранта и так далее. Поэтому, я думаю, что, если Россия, например, развалится, это не будет связано ни в коей мере с признанием или непризнанием независимости Абхазии. Здесь было сказано о том, что очень хорошо, если развалится Северный Кавказ, что Саудовская Аравия будет там

находиться. На Саудовскую Аравию всегда хорошо смотреть из окна своего офиса, если он находится либо на Бульварном кольце, либо где-нибудь далеко отсюда, но проживать в этой мифической Саудовской Аравии, где бы она ни находилась – на Волге или на Кавказе, я бы никому не посоветовал бы. Я не жил в Саудовской Аравии, но много раз бывал на Кавказе и знаю, как люди относятся к таким призывам и таким речам. Вы съездите туда и пообщайтесь там с людьми. Поэтому я и говорю, что на Саудовскую Аравию хорошо смотреть из окна своего офиса, где-то за Бульварным кольцом или в Лондоне, Париже, не проживая непосредственно в Саудовской Аравии, на Северном Кавказе или на Волге или где-то еще.

Но вернемся все-таки к Абхазии. Что касается сценария независимости. Итак, третий сценарий – это путь дальнейших переговоров. Надо задать вопрос – возможно ли в принципе возвращение Абхазии в Грузию. Я для себя отвечаю так, что ничего невозможного в мире нет, все может быть. Но возможности для Тбилиси в этом плане сужаются с каждым годом, это окно возможностей неизбежно сокращается. С каждым годом это возвращение становится все менее и менее реально и в первую очередь, из-за ошибок и политики самого Тбилиси. Да, безусловно, и совершенно согласен с Паатой, что при новой власти, режиме Саакашвили, есть изменения в политике Тбилиси по отношению к Абхазии. Но есть ли в этих изменениях некоторая позитивная динамика?! Я в этом сомневаюсь. Опять же совершенно согласен, что надо смотреть на эти проблемы в комплексе. То есть не только на проблему Абхазии, но и на проблему Южной Осетии и проблемы вообще всей Грузии в целом. Проблема в том, что заявления и планы, в том числе звучащие из уст самого Саакашвили, не уравниваются позитивными действиями. Что мы видим? На фоне имевших место некоторых знаковых шагов, которые были перечислены, мы видим также и такие знаковые шаги, как понижение статуса автономии Аджарии, как летние события в Южной Осетии. И, наконец, я имею некоторое представление о грузинских СМИ, и могу сказать, что худшее, что можно делать в данной ситуации – это публиковать в грузинских СМИ статьи или даже книги об абхазах и южных осетинах, как о пришельцах на исконно грузинской земле. Безусловно, это отра-

жает общественное мнение, и когда было обострение в Южной Осетии, даже в «Свободной Грузии» постоянно шла серия статей о южных осетинах, как пришельцах. То же самое писалось об абхазах. Все это однозначно плохие сигналы для бывших автономий. Мне вообще кажется, что Грузия сейчас просто не в состоянии «взять» Абхазию или Южную Осетию. Может быть, она и была бы в состоянии «взять» территории без населения, но это никто в мире не позволит ей сделать. А территории с населением «взять» и успешно интегрировать его в грузинское общество она просто не может по совершенно объективным причинам.

Следующий вопрос в том, о чем вообще говорить Грузии и России между собой на тему Абхазии? Что можно обсуждать в таком формате? Безусловно, надо понять, что вообще интересно обеим сторонам и что интересно России в этих переговорах? Понятно, что бессмысленно обсуждать России и Грузии без Абхазии статус Абхазии. Это совершенно очевидно для меня и вопроса здесь для меня нет. Итак, что можно обсуждать?

Можно обсуждать вопрос об открытии железной дороги, проходящей через Абхазию. Безусловно, это выгодно в первую очередь Грузии, но также выгодно России и Армении, и в меньшей степени выгодно Абхазии. Но тут мы видим, откровенное нежелание Тбилиси решать этот вопрос. Сейчас некоторые подвиги в этом вопросе наметились, но у меня вызывает большое сомнение – насколько они долговременны. Например, недавно один уважаемый грузинский политик, в прошлом один из министров, объяснил мне это тем, что этого не будет никогда, поскольку есть беженцы, которые будут против этого, а Саакашвили боится потерять свой рейтинг, и поэтому никогда не пойдет на открытие железной дороги. В то же время некоторые грузинские дипломаты прошлого, которые стояли во главе МИДа Грузии во время сочинских соглашений, сейчас вполне откровенно признают, что сочинские соглашения были торпедированы именно грузинской стороной. Об этом уже прямо говорится. Поэтому у меня есть большие сомнения, что этот вопрос может быть решен.

Может обсуждаться также вопрос о безопасности населения в зоне конфликта, имеется в виду Гальский район, конечно. Тут нуж-

но говорить в тройственном формате, с участием Сухума и, безусловно, это проблема, в решении которой заинтересованы все три стороны.

И, наконец, вопрос аэропорта и портов. Я думаю, что в случае, если Россия не будет видеть позитивной динамики в вопросе открытия железной дороги, то вопросы аэропорта и портов будут решаться Россией независимо от Грузии, хотя было бы более позитивно, если бы эти вопросы решались в том же самом тройственном формате. Все это я говорю к тому, что, по моему мнению, это возможное поле переговоров, и поле взаимного интереса, довольно узкое, к сожалению. И не очень понятно вообще будущее переговорного процесса, то есть чего можно достигнуть, какие могут быть реальные успехи здесь? Хотя конечно, всегда лучше говорить, чем не говорить.

И последнее, что я скажу – это гражданское общество Абхазии. Я тоже считаю, что крайне негативен тот факт, что Россия занимается провальной теневой PR политикой и никакого внимания не уделяет ни диалогу с оппозицией в странах, и признанных и непризнанных, ни диалогу с гражданским обществом. То есть, берется опора на какую-то правящую верхушку, даже не правящую элиту, а просто верхушку, и все переговоры ведутся с этой правящей кликой. Это крайне ошибочно. Я очень надеюсь, что ситуация в этом плане будет меняться и могу сказать, знаю тот факт, что среди довольно уважаемых и высокопоставленных людей обсуждается вопрос о каких-то российских бюджетных фондах, которые могли бы работать в странах СНГ и могли бы финансировать в том числе проекты гражданского общества. Я могу только надеяться, что это все-таки будет сделано. Ну, и могу пожелать успехов гражданскому обществу Абхазии.

Александр Чечевишников – Принято так говорить, и я хотел бы сразу оговориться, как любой человек, у которого написано МГИМО, МИД России, что я выступаю в личном качестве. Все возможные совпадения здесь случайны, и если я употребляю местоимение «мы» применительно к России, то это просто такая привычка не дистанцироваться, а отождествлять себя с той политической ре-

альностью, которая есть. Мне немножко затруднительно, методологически затруднительно четко следовать данной формулировке темы: какой должна быть правильная политика Россия в отношении грузино-абхазского конфликта. Тут нормативный такой подход. По моему мнению, оптимальная политика должна быть такой, а по мнению другого – иной, тем более, здесь у нас сейчас трехсторонний формат, и не только у каждой стороны, но и у каждого здесь сидящего, наверное, есть свое понимание этой нормативности. И поэтому может быть присутствующим здесь будет интересно услышать соображения и комментарии по поводу этиологии, извините за медицинские термины, но я еще буду их употреблять. Так вот, по поводу этиологии той реальной российской политики в отношении грузино-абхазского конфликта, которая есть в моем представлении и о ее перспективах.

И еще одна образная аналогия: Россия здесь своеобразная сторона. Есть две стороны – Абхазия и Грузия – застарелого, больного конфликта, который вырос из войны, и сегодняшнее состояние которого является следствием войны. Обе стороны чрезвычайно травмированы прошлым, и это прошлое живет в настоящем, оно пульсирует, пепел этот пульсирует, и Россия здесь в известном смысле играет роль врача, доктора, я подчеркиваю некоторые условности этих аналогий, на них не надо обижаться, иначе просто красиво не скажешь. Причем отношение к этому доктору у обоих пациентов различно.

Мне кажется, абхазская сторона в целом позитивно воспринимает этого доктора, когда он трезвый, то, в общем, ничего, грамотный, в принципе знает, как и что делать. А иногда бывает, что и хирургическую операцию проведет, но инструменты свои забудет, потом снова вскрывать приходится, в общем, мороки много. Но в целом удовлетворительный доктор и вроде бы постепенно идет излечение.

Грузинская же сторона, и это тоже, наверное, достаточно справедливо с точки зрения интересов Грузии, весьма скептически воспринимает и профессиональные качества этого врача и вообще сомневается, что он лечит ту болезнь, которую он должен лечить. Ждут от нас, что мы займемся пластической хирургией и вернем на место оторванный, удаленный, расчлененный орган, используя современ-

ные технологии. А Россия вместо этого, вместо такой высокой медицинской технологии занимается психотерапией фантомных болей.

И, продолжая эту аналогию с врачом, выступая в его роли, я хочу подчеркнуть, что считаю не продуктивным врачу рассказывать своим пациентам историю собственных болезней. Кто-то придет ко мне на прием и начнет говорить о своем, а я внимательно его выслушаю и потом скажу, что у меня есть свои заболевания, «и вообще, я раньше тебя умру». Что эти пациенты будут думать об этом докторе?! Наверное, начнут посматривать по сторонам и искать другого.

Поэтому перейдем к моей интерпретации, которая все-таки отражает представления, не буду говорить точку зрения, потому что многие вещи в действительности не артикулированы в политикоформирующем российском сообществе. Но мне кажется, что некоторые видения, направления мысли отражают представления хотя бы части политикоформирующего сообщества России. Сергей Маркедонов здесь вчера говорил, что присутствие должно быть. И вот уже упрекали его или вопрошали участники семинара – ну, вот с чего это? Но вот, оно должно быть. То есть, на ценностном уровне, я так понимаю, действительно есть такая точка зрения. Может быть, на ценностном уровне это означает – мы там были, и где ступала нога русского солдата, там Россия, или где живут русские, там Россия. Есть такая концепция. Может, не очень распространенная сейчас в элите, но такая концепция есть. Я не хочу оценивать эту точку зрения. Для всех, наверное, очевидно, что Россия, даже если у нее есть какие-то ресурсы и возможности для этого, не особенно стремится сейчас восстановить или расширить, или углубить, но обеспечить свое присутствие в том, что раньше называлось Закавказье, теперь Южный Кавказ. Может быть это все, от Поти до Павлодара, уже является Большим Ближним Востоком. По-разному можно фантазировать. Так вот, я пытаюсь по-своему объяснить, почему Россия занимает такую невнятную, индифферентную, пассивную, реактивную позицию на Южном Кавказе. Здесь, наверное, много можно факторов привести. Я остановлюсь на тех, которые мне кажутся главными – это кадры и интересы.

Во-первых, кадры. Я люблю цитировать всякие жизненные анекдоты в таких выступлениях. Когда я учился в аспирантуре в конце

80-х годов на истфаке МГУ, у меня был хороший товарищ, азербайджанец. Мы с ним вместе, может, даже в один день защищались, он был офицером центрального аппарата ПГУ (*Первое главное управление КГБ*) и принадлежал к одному из самых влиятельных тогда кланов или семейств в Азербайджане. У нас было с ним очень много разных споров. Видя во мне представителя господствующей нации, старшего брата, он говорил: «Ну, хорошо, вы имперская нация, я согласен, это нормально. Большая страна, в ней можно сделать карьеру, но почему, если вы имперская нация, почему нами все время управляют армяне?!». К чему этот пример? Если посмотреть и вспомнить, кто при советской власти зачастую готовил в Москве решения, связанные с вопросами Кавказа, то в основном это были люди, которые инфильтровались в союзный центр из тех же самых республик. У нас практически не было русских специалистов, в широком смысле слова специалистов, понимавших процессы Закавказья. У нас их нет. У нас нет практически аналитиков, дипломатов русской национальности, которые знают грузинский, азербайджанский, армянский языки. До сих пор в МГИМО преподается из этих языков только азербайджанский. И так очень тяжело поддерживать больше пятидесяти языков, очень дорого. Но вот ни грузинского, ни армянского нет, хотя есть достаточно большие группы студентов. Реально, на мой взгляд, качество кадров, которые принимают решения, и готовят их, не адекватно сложности и чрезвычайной запутанности тех проблем, которые на Кавказе бурлят. Это первый момент. Недавно мне пришлось отредактировать большую книгу по итогам нашего семинара в МГИМО, где мне очень понравилась статья известного в Азербайджане аналитика, общественного деятеля Арифа Юнусова «Нефтяной фактор современной истории Азербайджана». В этой статье совершенно потрясающе описана эволюция отношения широких, так сказать, народных масс Азербайджана к России в течение 90-х годов и до настоящего дня. Когда имеет место вот эта волнообразность: «ну, что же вы, гады такие, почему же вы – имперская нация, а нами правят армяне?!» и вот эта синусоида шла, шла, шла и возвращается к тому, что они наелись нефтяных корпораций, и рейтинг России в общественном сознании сейчас неуклонно растет. Так вот этот художественный образ намекает на то, что наше фактичес-

кое отсутствие в той же Грузии, наша пассивность – это сегодня. Как китаец скажу, а доживем плюс-минус 10, 15, 30, 50 лет, и Россия вернется. Все волнообразно. Как в Азербайджане, куда возвращается Россия, вернется она и в Грузию.

Теперь интересы. На мой взгляд, относительно Грузии политикоформирующее сообщество, которое есть реально сейчас в России, заинтересовано только в том, чтобы там был мир, чтобы не было никакого военного «геморроя», и в том, чтобы была стратегическая железная дорога. Причем фактор Армении здесь важен, но даже не самый главный, потому что эта дорога открывает различные варианты решения очень далеких проблем, далеких от грузино-абхазского конфликта. Наверное, все здесь сидящие представляют себе структуру интересов США, об этом говорили. Говорили и о том, что Евросоюз, несмотря на свой скепсис, внедрялся на Южный Кавказ, на мой взгляд, во многом, поневоле. После того, как люди в Евросоюзе осознали, что и без НАТО и без ЕС США уже внедряются так далеко – к китайским границам, что в общем надо что-то делать, а то просто на НАТО поставят крест.

Многие процессы усилились, если говорить о евроактивности в Закавказье. Помните, при шведском председательстве в первом полугодии 2001 года, были только разговоры, разговоры, разговоры, и ни к чему не пришли. И только при греческом председательстве в первой половине 2003 года стало что-то меняться. Когда стало ясно, что Америка пришла в Центральную Азию всерьез и надолго, сама, правда, не очень понимая для чего, но, на то она и Америка, только тогда европейцы и спецпредставителя назначили, вопреки мнению достаточно широкой бюрократии в Брюсселе, и год назад к программе «Расширенная Европа» присоединили партнерство. Структура интересов и России, и США, и Евросоюза достаточно проста и не обширна. Эти интересы достаточно конкретны и прагматичны. Я подчеркиваю, сегодня российских интересов в Грузии, как их ощущает правящий класс, два: это мир и дорога, дорога на Юг, железная дорога. Это можно оспаривать, но это моя точка зрения. Мир – это отсутствие войны, а дорога – это геоэкономический козырь.

Теперь третий момент, кроме кадров и интересов, это стереотипы. Я не буду употреблять здесь высокое слово миф, потому что ни-

чего такого, по-моему, неросло по большому счету, не придумано. Но устойчивые стереотипы отношения в массовом сознании к Грузии и в, так сказать, элитном сознании, они для Грузии весьма не хороши. И после этих фрустрирующих, обидных, отвратительных совершенно для российского сознания ситуаций, связанных с 9 мая, уже было артикулировано совершенно четко, что эпоха «Мимино» закончилась. Мы с огромным удовольствием, наслаждением, не отрываясь в 25-й раз будем смотреть фильм «Мимино», и этот кайф от просмотра фильма никакого отношения к российско-грузинским взаимоотношениям не имеет сегодня, и вряд ли в обозримой перспективе будет с ними как-то связан. В целом, среди тех, с кем я общаюсь, в тех кругах, которые как-то рефлексуют нашу политику на Кавказе и на Южном Кавказе, господствует скепсис и отсутствие интереса. Не интересно.

Напомню, как Ираклий Какабадзе сказал, что перестали ездить приличные люди. Вот где-то с год назад, может меньше, по приглашению Нино Бурджанадзе ездила так сказать бригада, более интеллектуальной элиты в России нет: Барановский, Багатуров, Кажокин, Наумкин. Ну что, съездили, поговорили, все очень прилично, очень интеллигентно, приятные люди, приятно поговорить, наверное, поели, хотя и в Москве можно поесть не менее вкусно, чем в Грузии. Ну и что? Разговор-то заканчивается на том, что нет предмета, нет цели для того, чтобы сблизиться, нет интереса.

Абхазия в этом смысле достаточно сильно отличается в российском восприятии, в элитном восприятии. Образ Абхазии сильно отличается от образа Грузии. Российская образованная публика начинает узнавать Абхазию, идет процесс узнавания Абхазии, и он в значительной степени осуществляется как бы с удовольствием, даже физическим удовольствием, если речь идет об отдыхе. И вот то, что произошло 6 декабря прошлого года, когда был подписан абхазский пакт Монклуа, когда абхазское общество продемонстрировало совершенно неожиданный, хотя для людей, занимающихся Абхазией, может и давно ожидаемый, но для основной массы читающей, смотрящей, пишущей публики, это была фрустрация, это было: «ох, ты, как это!». А сколько банкетов пришлось в Тбилиси отменить. И вот это, конечно, работает на позитивный образ Абхазии, это рефлексии-

руется, откладывается и мне думается, что здесь по расходящимся курсам идет формирование отношений. Там, в Грузии, стереотип негативный устаканивается, а здесь (в Абхазии) стереотип позитивный нарабатывается, нарастает, просто мало еще кто знает, мало, кто был в Абхазии, и это естественно. И если уже отбивать принципиальные вопросы, то я считаю, что совершенно контрпродуктивно смешивать одно с другим в российской политике. В российской политике не смешиваются наши миротворческие функции в грузино-абхазском конфликте, в том, что касается миротворчества Россия даст фору любой державе, ни у кого нет столь продуктивного опыта, но если мы можем кого-то принудить к миру, то мы никого не можем принудить к урегулированию. Урегулирование есть задача двух сторон конфликта. Если эти две стороны конфликта не могут найти разумного компромисса, то никто их по большому счету, ну, если очень сильно захотят сильные мира сего, то заставят, но в целом-то никто. Это очень большая проблема – вот так взять и заставить урегулировать разногласия. И последняя фраза – наши приоритеты. Может кто-то мне не поверит, но наши приоритеты в Абхазии это гуманитарное право и гуманитарные вопросы. Именно на этом все и дальше будет акцентироваться. Спасибо.

Александр Аузан – Уважаемые коллеги, обратите внимание на то, что нам всем удастся аккуратно обойти вопрос о том, какой должна быть правильная политика России в решении грузино-абхазской проблемы. Мы говорим о том, какая неправильная политика России, какая неправильная политика Грузии, как это в контексте мировой конкуренции, но я понимаю, откуда затруднения. Вообще-то, по-моему, дорогой доктор, Россия решает очень болезненную проблему, и может быть более болезненную, чем Грузия и Абхазия, называется это – постимперский синдром. Вот мы не обсуждаем, какая была империя, в какую сторону были направлены потоки. Но Россия же, прямо скажем, не единственная страна, которая за последние полвека переживает распад империи. Хочу сказать, что я соглашаюсь и с тезисом Пааты, насчет общего византизма, это наша общая болезнь, и с тезисом Арды, насчет того, что здесь в разных группах интересов работают разные стереотипы. Конечно, работают импер-

ские инерции, например, в том, что гораздо легче иметь дело со старой верхушкой, как говорит Александр, просто привычнее. Ведь посмотрите, как процесс демократизации осложняет дело. Помните, с чего в Чечне началось?! С того, что Москва поддержала демократизацию. Джохар Дудаев был поддержан Москвой как демократический кандидат, крушивший старые номенклатурные структуры, но после этого процесс оказался не управляемым. Поэтому, конечно, проще по управленческой инерции и управленческому стереотипу говорить о демократии, но не желать демократии ни у себя, ни вокруг, потому что жизнь сразу осложняется очень сильно.

Вот что из этого следует. Я думаю, что никакая синусоида нас в данном случае не выручит. Посмотрите опять-таки на историю распада других империй: португальской, испанской, бельгийской, британской, французской – нигде не произошло регенерации за 50 лет, ну за 40, скажем так, чего-то такого достаточно устойчивого. На этом поле, видимо, по историческим закономерностям уже не вырастают новые формы интеграции, тут как-то все по-другому должно происходить, не регенерируют империи. Поэтому на синусоиду не приходится рассчитывать. Да и насчет отношений, насчет «Мимино» и т.д. – проявление постимперского синдрома. Последний опрос Левада-Центра – 5 главных врагов России, помните? Из пяти главных врагов России по опросу четыре – это бывшие наши ближайшие соратники. Это три страны Балтии и Грузия. А пятая страна – США. Вот это, мне кажется, явные симптомы постимперского синдрома. Я не говорю, что такую политику насаждает Москва, Кремль, нет – постимперский синдром – это болезнь народа, общества, который выходит из прежней государственной организации. Поэтому, мне кажется, не случайно мы не можем сказать, какой должна быть правильная политика, потому что мы не можем пока предложить рецептов нормального преодоления вот этого постимперского синдрома. Это очень тяжело для всех. Я напомним, что Мансур Олсон говорил о британской болезни, например. О том, как происходила буквально коррозия общества Британии в 60-70-е годы и замедление развития. Напомним, что Германия и Япония преодолевали постимперский синдром через явления оккупации и внешнего управления. Это трудно-излечимая болезнь. Второе обстоятельство. Поэтому, мне кажется,

что если говорить о задачах российского гражданского общества, нам каким-то образом для начала нужно решить психоаналитическую задачу. Нам нужно своим соотечественникам и самим себе объяснить, что одна историческая эпоха прошла, другая наступила. Мы имеем другую роль в этой эпохе, другую задачу, и должны иметь другие ожидания. Другие ожидания – это очень важно.

В России, на мой взгляд, сейчас не может быть внешней политики, ее, по-моему, и не было, у меня такое ощущение. Знаете, я пришел к осознанию этого после того, как мой коллега экономист, который занимал высокие посты в руководстве Казахстана, задал мне вопрос: «какая политика у России? Допустим, Казахстан со своими ресурсами, а он в 10 раз меньше по населению, чем Россия, готов соответствовать политике большого соседа. Но скажите, какая у вас политика? Вы восстанавливаете дружество? Хорошо, мы скажем, мы первые сторонники евроазиатского единства. Вы идете в европейский союз? Мы скажем, что мы форпост Европы в Азии и начнем заниматься стандартом прав человека. Вы идете на военно-политический союз с США и боретесь с терроризмом по всему миру? Давайте, мы откроем военные базы, ваши, американские и т.д. Но скажите, какая политика?». Вот после этого я стал отслеживать хотя бы заявления про политику и понял, что в каждом заявлении Президента оно звучит так по внешней политике: «...наш курс ясен, мы идем вон туда...», и во все стороны сразу указывает. Но я считаю, что это не результат недомыслия. У нас, господа, сейчас нет не только внешней политики, у нас теперь нет и внутренней. Я серьезно утверждаю, что в последние несколько лет влияние... вот когда Арда говорила о группах... понимаете, у нас сейчас доминирующие группы воздействия на власть настолько мелкие и по своим интересам распределительным, и в настолько жесткой подковёрной конкуренции находятся, что стратегии нет никакой. Когда Андрей Илларионов сделал знаменитое заявление, что в России произошел антилиберальный выбор, после этого хорошо прокомментировал это другой экономист Лев Якобсон, который сказал: «это очень плохо, если в России произошел антилиберальный выбор». Но в России и антилиберальный выбор не произошел, никакого выбора не произошло, его нет. В России нет сей-

час сколько-нибудь сознаваемой системы правил. Каждая группировка добивается настолько мелких своих целей, насколько я знаю то, что происходило с давлением на Абхазию, если бы там была хотя бы игра каких-то значительных интересов. Да не было. Была просто обычная сумятица, которую вы обнаружите и в социальной политике России и в муниципальной реформе, и так далее, так далее. Не как результат дезорганизации, а как результат того, что доминируют в воздействии на власть мелкие распределительные группы. Обратные связи практически не работают. Это наша внутренняя проблема, которая выливается, например, к вам.

Поэтому, наверное, правильно упрекать российское гражданское общество, что оно невнимательно к абхазской проблеме, но я хотел бы сказать, что российское гражданское общество пока, по моему, не очень хорошо понимает, что делать с российской проблемой. Потому что есть самые разные соображения, но нет четких шагов к такого рода целям. То же самое касается бюджетных фондов. Да, действительно есть проекты, более того это тема моего доклада на предстоящей встрече с Президентом Путиным, Совета по гражданскому обществу, по поводу инвестиций в развитие гражданского общества в России и создания отдельных от правительства, но на средства федерального бюджета фондов по поддержке некоммерческой деятельности. По-моему, от этого разговора до того, что появятся реальные деньги для российского гражданского общества, а тем более, для поддержки некоммерческой деятельности в странах СНГ так далеко, что мы наверное будем обсуждать это уже со следующим президентом России.

Вопрос – Разве не Путин будет следующим президентом России?

Александр Аузан – Нет. Это не Путин. Это мое личное мнение и личные впечатления от Президента, с которым я общался раза три, но подолгу – он не хочет оставаться у власти. Он устал. Он этого не хотел. Поэтому весь вопрос в том, его додавит окружение до того, что он пойдет на какие-то варианты или нет. Окружению это «во, как нужно!», чтобы произошла консервация. Ему это не нужно.

Батал Кобахия – Я хотел бы обратиться к Александру Чечевишникову. Кто была по национальности Екатерина II? Русская или немка? Ведь это не важно, кто она была по национальности. По духу своему она была русская царица. Я просто хотел спросить, когда Вы говорите, что все постсоветские проблемы связаны с тем, что политика Центра в отношении Кавказа формировалась ими же, то есть выходами с Кавказа, это намек на то, что Сталин и Берия грузины? Но мне интересно, в российской политике часто бывало, что во главе государства стояли не этнические русские, но, как правило, они выражали дух и идеи русского государства, России. Екатерина была более русская, чем кто-либо.

И второй вопрос. Я не знаю, вы шутите или нет, но это идет в стенограмму, войдет в историю, поэтому хотел бы его задать. Вы сказали, что в основе интересов России в Абхазии лежит удовлетворение базисных потребностей, по Маслоу, физическое удовлетворение, это меня немножко смутило, тем более в связи с анекдотом про врача. Я боюсь, что останется этот тезис, что основные интересы на уровне физического удовлетворения. Может, вы как-то поясните?

Александр Чечевишников – Чтобы в стенограмме было все понятно. Советниками в Кремле и на Старой площади часто были представители народов Кавказа и Закавказья, которые участвовали в подготовке вопросов и с учетом интересов определенных республик. Но это не значит, что на них же и вся вина. Отвечает перед историей тот, кто принимает решение. Если он не способен организовать процесс подготовки решения так, чтобы решение было качественным, то не советники виноваты, а виноват он. И этот пример был приведен только для того, чтобы подвести к мысли, что сейчас эти республики – это независимые государства. И российская правящая элита на инструментальном уровне стоит перед проблемой, что у нас просто нет специалистов по Грузии, но очень много специалистов по Франции. Вот проблема.

Второй вопрос. Когда я уже просто комкал под конец свое вступление и говорил, что доминанта политики России в грузино-абхазском урегулировании и отношениях – это гуманитарные вопросы, я ни в коей мере не отождествляю это с мешками с крупой, мукой,

электричеством и пр. Речь идет в первую очередь о том, что для России первично обеспечение прав людей. Не прав государств, а прав людей. Можно называть, и, наверное, будут интерпретировать такую позицию, как позицию иезуитскую, но кто говорит, что политика другая? Конечно, иезуитская позиция, конечно, прагматическая, но сейчас нам выгодно говорить о правах человека и мы будем говорить о правах человека.

Сергей Маркедонов – Я прослушал все выступления, и они мне показались достаточно содержательными, интересными, очень острые вопросы были поставлены. Я по нескольким тезисам хотел пройти, на мой взгляд, очень важным, фундаментальным для характеристики отношений в треугольнике Сухуми-Тбилиси-Москва.

Арда озвучила тезис о том, что Россия, которая себя позиционировала и до сих пор продолжает позиционировать как демократическая страна, но если говорить еще о первой половине 90-х, то федеративная страна, наиболее продвинутая на постсоветском пространстве, предлагала на постсоветское пространство проект советский. Об этом я тоже говорил уже вчера. Но при этом Россия поддерживала какие-то не конкурентные, не транспарентные, не демократические режимы. Мне кажется, что здесь проблема тоже не столь проста, по крайней мере, некоторые здесь разделения сущностей сделать необходимо. Почему, на мой взгляд, произошло так? Потому что в начале 90-х годов демократическая риторика, которую использовали еще в советских республиках в позднесоветский период, и ранний постсоветский период, эта демократическая риторика совпала с этнократической риторикой и этнократическими проявлениями. Произошло, на мой взгляд, очень сильное смещение – движение национально-освободительного и демократического. Очень многие энтузиасты перестроенных преобразований в Москве, очень многие политологи на Западе, восприняли этнонационалистические движения, прикрывающиеся демократической риторикой, как демократические. И у нас, а я говорю о российском дискурсе, рассматривали в качестве демократа Гамсахурдиа: «Ну, как же, с ним дружил сам Сахаров. Поэтому он, конечно, демократ, конечно диссидент, с диссидентским background'ом». И его движе-

ние расценивали как демократическое. Абульфаз Эльчибей тоже диссидент, тоже чуть-чуть пострадал от режима. Хотя на самом деле у этого борца с режимом всегда висел портрет Алиева, которого он рассматривал в качестве Атаюрка азербайджанского. То есть, этнонационалистический дискурс – это нечто другое, а мы продолжали мыслить в дискурсе коммунистическом – антикоммунистическом. Если человек использовал какую-то антикоммунистическую риторику, значит, он демократ. Когда эти, так называемые, демократы во многих постсоветских государствах пришли к власти, они поставили право крови, право нации, этнически понимаемое, выше и прав человека, и демократических прав. Посмотрите на то, что творилось при Эльчибее в Азербайджане и в Грузии при Гамсахурдиа и так далее, и тому подобное, можно приводить примеры. Отсюда вот это совпадение привело к смешению понятий уже с другой стороны, то есть нечто демократическое стало рассматриваться как этнократическое. На мой взгляд, необходимо и сейчас очень четко разделить эти вещи – национально-освободительную борьбу, так называемую, или просто национально-освободительную борьбу, как угодно, отделять от движения к демократии. Нужно видеть, где борьба за право крови, за приоритет своей земли, своей этнической группы оказывались важнее демократии.

К сожалению, такая переоценка и внутри России, и на Кавказе имела место. Надо сказать, что демократическая риторика и антикоммунистическая была инструментализирована в начале 90-х годов, реальность же оказалась очень далекой от демократии. Наверное, поэтому Россия, я не хочу оправдывать российскую политику, там помимо этого было действительно много других сделано глупостей и ошибок в продавливании именно советского проекта на постсоветском пространстве, но одна из причин в этом. То есть я продолжу свой тезис о том, что необходимо все-таки сущности эти разделять. Потому что иначе все у нас смешивается, т.е. тот, кто выступал против советского коммунизма обязательно демократ, я с этим не соглашаюсь. Не всегда это было так, далеко не так.

Теперь о том, что говорили Арда и Александр Чечевишников, и вчера очень многие пытались критиковать меня за тезис о российском присутствии на постсоветском пространстве, видя в этом

некую имперскость, какие-то поползновения и так далее. Я еще раз говорю и с этого я начал свой вчерашний доклад, я не выступаю за реинтеграцию Советского Союза, я противник советского проекта на постсоветском пространстве и считаю, что очень многие проблемы России связаны именно с педалированием этой самой советскости. Но это вовсе не означает, что Россия не должна присутствовать в экономическом формате и, более того, наращивать это экономическое присутствие, даже в политическом. Почему? Потому, что очень многие регионы постсоветского пространства, Южный Кавказ из их числа, в меньшей степени Центральная Азия, тоже важный регион, связаны с очень многими внутрисоветскими проблемами. Если проблемы Южного Кавказа не будут разрешены в позитивном ключе, это будет России аукаться или откликаться на Северном Кавказе, нарушая собственно уже российское единство страны и стабильность. Я считаю, что распад России это не путь к демократии и европейским ценностям, а как раз к всплеску ксенофобии, войны всех против всех и т.д.

И еще одно маленькое замечание, касающееся нынешней ситуации, тезис Александра о том, что всем все равно. Как пел Александр Градский – мы не справились с эпохой, потому что все нам все равно. Мне кажется, что констатировать эту вещь недостаточно. Да, на сегодняшний момент у нас номенклатура не заинтересована в нормальном государственном развитии, а заинтересована в перераспределении ресурсов и дележке денег. Но я думаю, что нормальная элита появится в России и для этого нужна только воля, на самом деле. Посмотрите, 15 лет не существует Советского Союза, а в Институте стран Азии и Африки, ведущем востоковедном вузе, до сих пор нет кафедры Центральной Азии и Кавказа. Есть только центр, преподающий некоторые факультативные курсы. Я и коллега мой Александр Скаков еще два года назад написали программу «История Кавказа», но она до сих пор еще не преподается. На самом деле это вопрос воли. Если у государства воля есть все эти вещи развивать, значит, все будет развиваться нормально. Надо тоже предпринимать какие-то усилия, а не просто констатировать, что это плохо. Плохо, но менять надо ситуацию к лучшему.

Ираклий Какабадзе – Было очень интересно послушать разные мнения российских политологов насчет развития России. Мне даже на минутку захотелось стать русским, чтобы сказать следующую вещь. Я думаю, что господа Маркедонов и Скаков абсолютно правы в том, что надо находить новый подход, в том числе и к Кавказу, и ко всему миру. Россия имеет свое полноправное место в развитии мира вообще и в том числе и Кавказа.

Я думаю и радикально согласен с тем, что старая советская модель не подходит. Я думаю, что у России есть новые возможности в новом мире, который развивается и, я предвижу, развивается в позитивном отношении. Новый мир будет развиваться против социального и национального дарвинизма. И новый принцип, я согласен с Ардой Инал-Ипа, которая очень хорошо сказала, что идеализм может быть более реален, чем киссинджеровская доктрина. Джек Снайдер уже написал в своих «Relations» в ноябре месяце, что *real politic* не работает. Так что с Киссинджером и Кенноном американцы тоже уже определились. Тем более эта доктрина не нужна российской политике.

Будущий мир принадлежит, если ему суждено существовать, правам индивидов и маленьких наций, в том числе абхазов, грузин, армян и т.д. И русским тоже, но с тем условием, если будут соблюдаться права чеченцев, автономных республик и т.д., и будет дана возможность им самоопределиться. Если мир будет развиваться, и если у нас не будет атомной войны, мир не будет развиваться по геополитическому сценарию, по киссинджеровско-кенноновскому сценарию. Тут выходит на уровень новый образ мышления – что такое империя и что такое влияние? И влияние сегодня происходит не через территориальный принцип, а через принцип интеллектуальный, информативный принцип. И те страны, и те люди, те индивиды, те группы и субдивизии, и корпорации могут властвовать над всем человечеством, у которых хватит на это интеллекта. И в первую очередь надо осознать, что веберовское понятие национального государства, которое мы сейчас начинаем как будто проталкивать, оно уже устарело для человечества, новое понятие – воссоединение, социальная справедливость и национальная справедливость во всем мире, и для этого нужна новая философия.

У Москвы есть традиция: Кропоткин жил здесь, Бакунин жил здесь, и есть традиция большого прогрессивного движения, о них почему-то забывают, только большевиков вспоминают. У России есть очень большие традиции, но Россия не использует их, к сожалению. А мы можем воспользоваться этим, Грузия может, с Абхазией, может быть, вместе, и можем стараться опередить вас в этом. Потому что в этой инфляции идей и идеологического голода, где Буш говорит со всеми на геополитическом языке, это не продержится долго. Если человечеству жить без войн, тогда пойдет новая политика. И в этой новой политике, если Россия даже останется Московской и Питерской областью, отпустит все автономные регионы, и Грузию, и Абхазию, и Осетию, и так далее, дело не будет идти о территориальном принципе, дело будет идти об интеллектуальном принципе. И в этой интеллектуальной борьбе Россия, используя свои интеллектуальные традиции, имеет шанс стать противовесом гегемонизма мирового корпоративного капитализма и создать какую-то модель, за которой могут пойти и грузины, и африканцы и другие. Или, может быть, другие это сообразят, потому что конкуренция есть. Даже может в Сухуми это родиться, потому что в любой маленькой стране сейчас больше шанса. Чем меньше страна, тем больше шанса хорошую интеллектуальную идею выработать и на весь мир через интернет послать. Это мое субъективное мнение.

Батал Кобахия – Что нужно Абхазии – сильная или слабая Россия, или сильная Грузия и слабая Россия? И мне кажется, что, конечно, в интересах Абхазии было бы, чтобы соседи ее были сильные, демократичные и достаточно устоявшиеся. В этом смысле Абхазия, маленькое непризнанное государство, лишенное всяких возможностей воздействия на внешнюю политику, вынуждена балансировать между слабыми и колеблющимися Грузией и Россией. И когда в грузинской прессе пишут, что если абхазы и грузины построят демократию, у нас все будет хорошо, и мы объединимся, то у меня всегда возникает вопрос. Почему только ради объединения с Абхазией Грузия хочет стать хорошей? Она могла бы это сделать и без Абхазии, это должно быть ее самодостаточной целью: хорошая не только лишь потому, чтобы быть привлекательной для Абхазии. Что касается Рос-

сии, она никогда не обольщает абхазов тем, что она станет хорошей, если абхазы будут ее любить. У нее достаточно ресурсов влиять и заставить нас к ней поворачиваться лицом. И действительно, Александр Аузан сказал одну очень интересную вещь, что не Россия влияет на Абхазию, что в этом влиянии доминируют мелкие распределительные группы. И Александр Скаков отметил, как это проявилось во время избирательного процесса в Абхазии. Потому что эти распределительные группы имели свои точки опоры в Абхазии. В нашей ситуации это была власть. И, конечно, кризис и конфликт был не между тем, что России кажется, что Абхазия в результате перехода к новой власти может объединиться с Грузией, об этом никто не думал, а разговор шел о том, что какие-то группы людей в России, как и внутри Абхазии, теряли свои экономические позиции, которые не были юридически зафиксированы, и до завершения легитимации своих капиталов и ресурсов в Абхазии смена власти представляет для них опасность. И очень жаль, что именно эти группы людей влияют на какие-то наши внешние отношения.

С другой стороны, меня беспокоит вопрос, и я снова вернусь к тому, что говорила Арда, о том, на кого мы должны ориентироваться. Если говорить о российской политической элите, с которой мы контактируем, то это квазиэлита, приезжающая в Абхазию. Извините меня, начиная с Жириновского и дальше, я не всех, конечно, имею в виду, но многим из них в России иногда просто руки не подают. Разумеется, это вызывает раздражение в Абхазии, что это не та российская элита, с которой мы хотели бы общаться.

Что касается гражданского общества, то тут вообще контакты ограничены и меня даже беспокоит то, о чем говорил Александр Скаков. Мы уже имели возможность это обсуждать в Абхазии, что есть намерение создавать российские фонды, которые будут поддерживать институты гражданского общества в Абхазии. Ну, понимаете, кто будет поддерживать эти фонды, во всяком случае, кто планирует поддерживать эти фонды? Тем более, что эти фонды не могут найти ресурсы для развития гражданского общества в самой России. Конечно, реальные гражданские организации в Абхазии будут очень щепетильно, внимательно рассматривать возможность тех или иных контактов с такими фондами, которые хотят нам помочь развивать гражданское

общество, мы будем думать. А сегодняшний уровень тех, с кем мы общаемся и полемизируем, это действительно представители неких третьих сил, ну не знаю, как их еще назвать, ФСБ или людей, которые около них, которые как-то очень странно интересуются тем, что происходит в Абхазии. И поэтому процесс взаимоотношений с Абхазией не очень прозрачный, потому что очень сложно с этими структурами вести прозрачный диалог. Мне кажется, что России в первую очередь, было бы выгодно иметь на границах не какую-то буферную, аморфную территорию, используя которую они хотят удерживать влияние на Южном Кавказе, а состоявшееся государство и выгоднее пересмотреть международные стандарты в этом отношении. Когда в 96-м году Россия инициировала Женевский процесс по беженцам и перемещенным лицам, в основе этой инициативы было понимание того, что новые процессы на постсоветском пространстве, перемещенные лица, другие группы и проблемы, связанные с ними, уже не вмещаются в имеющиеся международные стандарты и их необходимо пересмотреть и дополнить. К сожалению, процесс не учел важных для нас реалий, в частности касающихся права на репатриацию потомков насильственно переселенных абхазов в конце XIX века. Но, тем не менее, многие международные стандарты, утвердившиеся после всех прошедших мировых войн XX века, в рамках этого процесса были изменены и дополнены. И сегодня уже понятно, что разваливаются очень многие государства, и международное сообщество готово признавать рождение новых государств. Нам, конечно, хотелось бы, чтобы и Россия могла инициировать, я имею в виду не только президента, я всегда имею в виду политиков и просто граждан, инициировать процесс пересмотра стандартов в отношении малых народов, малых государств. Разговор не идет сейчас о том, что надо рассматривать вопрос статуса Абхазии на конкретном примере, а о том, что выгоднее для России – мир на границах, или такой беспорядок?!

Гурам Гумба – У меня тоже достаточно много вопросов. Начну с вопроса по поводу доклада Пааты. Я, честно говоря, ожидал, что, рассматривая влияние России на Грузию и Абхазию, в обсуждении вот этого треугольника, будет рассмотрена и Абхазия как сторона этих отношений. К сожалению, только Грузия и Россия были пред-

ставлены как субъекты этих отношений, но я не увидел Абхазию, как субъект, и это меня удручает. То же самое было и во вчерашних выступлениях представителей либеральной части общества России и державников, и со стороны Грузии. Существует официальная сторона, официальная политика, которая проводится правительствами стран и есть народная дипломатия неправительственных организаций. Официальная политика проводится на том уровне, на котором учитываются существующие приоритеты, принципы – право нации на самоопределение, на территориальную целостность государств и т.д., то есть политики не выходят за эти рамки. Но наша задача – выйти за эти рамки и посмотреть, что мы хотим, каковы наши интересы и более открыто их обсудить. Но и на этой конференции я вижу, что отношение то же самое. Мы рассматриваем эти проблемы в той же плоскости, что и официальные структуры. У меня сложилось такое впечатление. Потому что вчера г-н Воронков сказал: «Ну, что вы хотите, вам лучше будет в Грузии, или губернией России, или штатом в Америке? Разве плохо было в России?!». Паата говорит, что рад был бы, если Россия будет не очень демократическая страна, а Грузия демократическая, потому что тогда Абхазия к ней и повернется. Вы все рассматриваете нас с точки зрения этнографии, а не с точки зрения наших политических интересов, нас рассматривают как объект, как этнографическую группу, которая должна ориентироваться на то, где хорошо будет. В штатах индейцы тоже живут, мы могли бы обратиться к Америке, чтобы они нам резервацию сделали. Нам хорошо было бы, нас бы кормили, но в принципе нас сегодня интересует не столько физическое выживание. Неужели здесь кто-нибудь думает, что если бы мы остались в Грузии, то наша физическая безопасность не будет обеспечена? Сегодня, я думаю, грузинское правительство, если мы останемся в Грузии, сделает все, чтобы демографический процесс, увеличение нашего населения быстро пошло бы, мы в этом не сомневаемся. Но помимо физического выживания есть и другие вещи: духовные, нравственные. То есть то, что движет нами. Наши политические интересы...

Я бы хотел, чтобы вы увидели в Абхазии не объект. Пока вы не увидите в Абхазии субъекта, будет очень сложно говорить и понимать друг друга.

Лаша Бакрадзе – Я хотел бы сказать о том, что время «Мимино» закончилось. Я всегда ждал этого, когда время «Мимино» кончится, потому что русские любили немножко дебиловатого грузина, но надо смотреть друг на друга на равных. И не надо смотреть так, что хо-рош тот грузин, который похож на Мимино. Очень хорошо, что то время кончилось, я приветствую это. И если русские это тоже пой-мут – прекрасно.

Мы говорили также о разных сценариях, и как все это может продолжаться. К сожалению, я думаю, что этот конфликт в абсо-лютном тупике и, может быть, кого-то это устраивает, но Грузия может быть самая заинтересованная сторона в том, чтобы статус-кво, который есть, не сохранялся. Если вы разрешите, я спрошу наших русских докладчиков – об этом не говорится, и мы не об-суждали это здесь, я против войны, но если из-за того, что нет ни-какого прогресса возникнет военный конфликт, как вы думаете, Россия будет принимать такое же прямое участие, как в начале 90-х? Мы вообще об этом не говорим, и неприятно говорить, я абсо-лютно против войны, но это уже можно допустить, хотя бы теоре-тически. Потому что, как мы видим, к сожалению, есть с одной стороны непонятная политика России, неоднозначная политика, а с другой стороны, негибкая политика с абхазской стороны и это тоже не способствует мирному сценарию, хоть и неприятно об этом думать, но это допустимая вещь...

Александр Чечевишников – Московский университет стоит на Воробьевых горах. Кто-нибудь знает, что внутри этих гор стоит ко-лоссальный холодильник, который сжирает огромное количество электроэнергии? Если его выключить, гора поползет, и вместе с го-рой поползет этот замок. Тот, кто сегодня говорит о разморозке, до-пускает кровь в перспективе. Я еще раз подчеркну, что мы заинтере-сованы в мире. Я не уверен, что Россия заинтересована в том, чтобы самостоятельно разрулить и привести к какому-то конечному итогу урегулирование конфликта. Это дело сторон.

Что же касается перспективы, как Россия отреагирует на какие-то печальные сценарии. Во-первых, трубопровод Баку-Джейхан за-полняется, это имеет прямое отношение к подобного рода перспек-

тивам. А второе, и в данном случае я здесь практически отождествляю себя с политическим субъектом и считаю, что никогда политический субъект заранее не подскажет своему партнеру или противнику, конкуренту, что он будет делать в критической ситуации. Это уж вы решайте сами, прогнозируйте сами.

Вальтер Кауфманн – Я бы хотел, исходя из положительных сценариев, как мы в принципе и хотели, когда составляли программу, представить может быть утопическую, но положительную роль России в положительном развитии грузино-абхазского конфликта. Все мы хотим увидеть когда-нибудь, но лучше при жизни, процветающую Абхазию, процветающую Грузию, процветающую Россию. Все они стабильны и демократичны. Сейчас я не хочу задавать вопрос, в одной общегосударственной конструкции или нет, но пусть все эти страны и народы процветают, развиваются экономически и политически. Поскольку мы находимся в России и обсуждаем роль России в таком положительном сценарии, мы специально задали такой вопрос, но, как уже Аузан сказал, ответа, в принципе, не получили. Это, наверное, не случайно, да? Если я слежу за ответами Саши Скакова, я вижу то, что для меня это больше ответы наблюдателя, слегка циничного, может быть, который говорит: «ну, ладно, мы наверное откроем аэропорт». Кто откроет аэропорт? Некая распределительная группа, которая заинтересована в этом? Для процветания Абхазия это очень хорошо. Я всегда очень страдаю, когда дурацким вертолетом надо лететь через Сенаки. Было бы замечательно. Но будет ли это политика, которая действительно развивает эту страну, если какая-то группа вокруг Лужкова вкладывает туда деньги и откроется аэропорт, несмотря на международный протест? Это будет устойчивая политика развития или не будет?

Присутствие России. Я все время стараюсь понять, в чем эта стабильность, которую дает присутствие России, за которое вы так старательно держитесь. Оно нужно для стабилизации и т.д.? Очень хотел бы это увидеть и понять, и поддержать, но может ли это присутствие действительно перейти во что-то политически продуманное, устойчивое, понятное, более или менее понятное, или это присутствие останется таким же присутствием разных групп, перерасп-

ределяющих ресурсы, интересы, доступы к ресурсам? И будет ли реактивно работать на какое-нибудь развитие? Если вы говорите про Косово, то, конечно, и Запад не имеет тут большой концепции, но всегда были какие-то концепции. Ситуация в Косово... Я знаю некоторых людей, которые постоянно размышляют об этой политике. Я тоже не исключаю, что будет пример и образец, и почему бы не Абхазия, но если это все так сказать с позиции: вы же то же самое сделали с Косово, поэтому мы сейчас сделаем это с Абхазией?! Это опять не часть некой стратегии, некой политики разрешения. Это опять как будто обиженная реакция на Запад, который просто так признает Косово – вот мы вам дадим Абхазию, если вы так, мы тоже так.

Все это как-то неубедительно как стратегия развития. Все идеально с точки зрения идеализма – мы хотим развивать регион. Но это я не понимаю, не вижу тут перспективы и боюсь, что все это в принципе связано с тем, что нет определенных ресурсов у России, и в обозримом будущем не будет. Поэтому будет оставаться такая же политика постимпериализма, разные группы, разные интересы. И конструктивных подходов не ожидается.

Александр Скаков – Сначала мне придется ответить на вопрос Вальтера. Большая часть вопроса, безусловно, не имеет ответа короткого и понятного. Здесь очень хочется сказать, что конечно, проблема наличия разных групп влияния и отсутствия единой политики присутствует, хотя я не стал бы переоценивать группу Лужкова, по-моему, это некоторый миф, что эта группа якобы очень влиятельна. Что касается наличия плана и насчет того, что будет делать Россия, реагируя на признание Косово. Большая проблема кризиса доверия есть в отношениях между Россией и западными партнерами, причем проблема эта возникла не только по вине России, но и по вине Евросоюза. Начало этого кризиса доверия было положено провалом плана Козака по Приднестровью, который был провален только из-за нежелания, скажем так, Европы, не уточняя кого именно, из-за нежелания усиления влияния России. Только из-за этого. Это был реальный план урегулирования конфликта, который мог бы быть первой ласточкой в этом процессе. Вот после этого отношения перешли на уровень – «если вы так, то мы так». К сожалению. Мне думается,

чтобы эту ситуацию переломить, нужны усилия с обеих сторон. Можно считать, что Россия плохая, хорошо, я согласен, но проблема в том, что на самом деле плохие все, и Россия, и США, и Евросоюз, вот в чем проблема.

Если же говорить о том, что я хотел сказать до выступления Вальтера, то я хотел бы прореагировать немножко на выступление своего уважаемого тезки Александра и одновременно ответить на вопрос Лаши, по мере возможности, т.к. это опять же вопрос из тех, которые не имеют однозначного ответа.

Что касается отношений между Россией и Грузией – совершенно согласен с Александром, что у России очень мало интересов в Грузии, таких интересов всего два: мир и дорога. Основная проблема в отношениях России и Грузии, не решаемая проблема в ближайшем будущем, – это Абхазия и Южная Осетия. Что будет в случае силового сценария? В этом случае я бы обратился к опыту прошлого лета, событиям в Южной Осетии, просто напомнил бы их. Все мы хорошо знаем, что было сделано с обеих сторон. И про оружие и про выдвинутую к границам 58-ю армию, и в случае, если бы ситуация стала ухудшаться, можно предвидеть возможный сценарий дальнейшего развития событий. Это мой ответ, исходя не из будущего, а из опыта прошлого.

Что же касается все-таки отношений между Россией и Грузией, я считаю, что на первое место в последние полгода совершенно искусственно был выдвинут вопрос о базах. Это, мягко говоря, неправильно и тут опять же виноваты обе стороны. Ошибки со стороны российской были в том, что, во-первых, с самого начала мы завысили требования; а потом стали обсуждать предложенный Тбилиси план создания Центра по борьбе с терроризмом, хотя всем понятно, что бороться с терроризмом в Джавахетии или в Батуми смешно. И ситуация элементарно дошла до перетягивания каната. То, что было достигнуто соглашение – это сиюминутный выигрыш Тбилиси, но в долгосрочном плане, это проигрыш Тбилиси. Почему? Потому что главное здесь, это не вывод баз, а все, связанное с этим процессом. Короче, «цель – ничто, а движение – все». И вот общение на языке ультиматумов только лишний раз еще больше загнало в угол отношения между Россией и Грузией. В этом главный проигрыш Тбили-

си. Сам процесс достижения договоренностей по базам был связан с таким унижением российской стороны, которое ею вряд ли забудется. Поэтому в данном случае это еще больше загнало в тупик отношения. Я считаю, что в интересах Грузии, чтобы отношения с Россией развивались позитивно, а не имели негативную динамику.

Хочу обратить внимание и на то, что выводимая из этих баз техника и люди, будут размещены не только в Армении, но и на территории Северного Кавказа, а именно в Зеленчугском и Ботлихском районах, то есть прямо на границе с Грузией будут созданы горнострелковые бригады. Думаю, что это не самый позитивный фактор для отношений между Россией и Грузией. Также всем понятно, что если страны являются партнерами или добрыми соседями, то в такой тональности разговор о выводе баз не должен вестись. Он может быть решен совершенно нормально, без всякой истерии, при наличии позитивных отношений между сторонами.

Я не считаю, что вопрос ориентации Грузии на НАТО и ЕС является камнем преткновения в наших отношениях, поскольку Россия также хочет иметь европейскую ориентацию. Вопрос в оттенках этой ориентации, а также в том, что сама по себе Россия, как и другие страны СНГ, еще не до конца определила для себя параметры этой ориентации.

В плане экономики Грузия минимально интересна для России, совершенно понятно почему. Потому что экономика Грузии развалена. Единственное в чем она могла бы быть полезна для России – это коридор север-юг. Но все упирается в дорогу, идущую через Абхазию, и не только в нее. Есть вопрос фактической блокады Транскама, есть технические проблемы, которые можно решать. А то, что было сделано закрытием Эргнетского рынка и блокадой Южной Осетии – не решение проблемы, это разрубание Гордиева узла. Но это можно было делать Александру Македонскому, но можно ли делать это сейчас и стоит ли это делать? Вряд ли. Кроме Транскама, есть еще вопрос, работающей с большими перебоями Военно-грузинской дороги. Есть вопрос недостроенной Кавказской перевальной железной дороги, которая была в свое время похоронена грузинскими зелеными, очень спешно, на заре перестройки. Есть вопрос требующей восстановления, что вполне возможно в будущем, быв-

шей Военно-осетинской дороги. Есть вопрос достройки Военно-сухумской дороги. Вопросов масса, которые могли бы быть решены для пользы России и Грузии, и в этом случае Грузия стала бы полезна и нужна России, как важный партнер, но желания со стороны Тбилиси эти вопросы как-то решать, к сожалению, не видно. *Реплика не слышна*. Военно-грузинская дорога не блокирована, но вы знаете, что она функционирует с перебоями и не круглый год, и требует модернизации, инвестиций. Что касается таможенных постов на дорогах, идущих через Абхазию и Южную Осетию – это технический вопрос, который может решаться не путем контролирования этих дорог Грузией, а путем каких-то взаимных договоренностей с учетом интересов всех сторон. А высадить в качестве таможенного поста грузинский десант в Рокский тоннель – это на уровне примитивных силовых действий. Это не решение вопроса.

Виктор Воронков – Я полностью бы согласился с тем, что сказал господин Гумба, и понимаю упрек в том числе, и прошу извинения, что моя шутка была неуместна. Но то, что ты ответственный субъект всегда нужно доказывать. Джана не даст соврать, в психологии есть такое понятие – комплекс подростка. Подросток – это свобода безответственности. И вот все наши молодые, в общем, новые государства, во многом напоминают подростков. Это касается не только Абхазии, но и Грузии, и во многом России. Когда я не несу ответственности за свое поведение, а от старших требую, от родителей, от опекунов. Я могу сбросить бомбы на Грузию, но Америка не может допустить насилие. И вот таких позиций, высказываний, поведения в наших государствах очень много. В то же время очень часто возникает разговор, что мы должны найти хороших, добрых родителей, которые нам что-то дадут, помогут решить наши проблемы, и это тоже поведение страны-подростка. Чтобы нас признали ответственными субъектами международной политики, мы должны как государство продемонстрировать нашу ответственную стратегию. Например, Абхазия должна разработать и претворять план эффективного использования всех экономических ресурсов, которыми, может, и не богата, но они есть, и развиваться, а не поддерживать статус-кво и ожидать, что делают другие игроки. Или должна предложить

решение по проблеме беженцев. Я нисколько не отвечаю за то, что сейчас скажу, но, для примера, мы меняем проблему беженцев на отдачу какой-то территории, не знаю, Гальский район. Но просто сделать какие-то решительные шаги, за что бы международное общество стало уважать и принимать, как взрослого и ответственно, который может эффективно решать свои проблемы.

Чем еще плоха позиция подростка. Есть старый анекдот, как собираются абхазские эксперты и говорят: «вот, столько у нас проблем, тут блокада, тут не пускают, не разрешают, не признают, не знаем, как справиться с этими проблемами?». Потому один говорит: «Давайте, объявим американцам войну, они победят и будут вынуждены все наши проблемы решать». Тогда один старый, мудрый человек говорит: «Слушайте, а вдруг не победят?» (*смех в зале*).

Виталий Гарнава – Извините, но я не согласен с тем, что Вы сказали, потому что как раз в течение именно этих двенадцати лет, очень тяжелых, мы и проявили, по-моему, достаточную зрелость, особо ни у кого ничего не просив. Мало того, мы выжили в условиях блокады, сохранили все наши государственные институты, контролируем нашу территорию, и фактически у нас нет внешнего государственного долга. Мало кому из стран, находящихся в наших условиях удавалось уцелеть таким образом. Это длится уже 12 лет, и я не знаю, и Вы вряд ли найдете хоть один документ или международный акт, где бы наши лидеры что-то у кого-то просили. Кстати, даже та помощь, которая была оказана Россией, не была предметом просьб каких-то, а явилась естественным развитием естественного хода событий, которые, кстати, были спровоцированы также не нами, а как раз Грузией. Что я имею в виду? Есть такое выражение Канта, что нет ничего удивительнее на свете, чем звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас. Я хочу ответить Лаше. Дело в том, что человек, наверное, единственное существо, которое способно побороть инстинкт самосохранения и сознательно идти на смерть, благодаря этому нравственному закону внутри нас. И за этот период времени, который прожили мы в таком тяжелом окружении, несмотря на это у нас скопилось очень много друзей и их становится все больше. И я уверен, если у нас начнется война, то... Кстати, хочу разве-

ять еще один миф. Вы же не знаете, что 80 % погибших на той войне были абхазы, еще было 500 погибших армян и всех остальных – человек 300, по-моему. Это я к тому, что якобы Россия воевала вместо Абхазии и чуть ли не основные операции проводила. Это не так. И думаю, что и в новой войне тоже будет не так. Потому что Россия никогда не сможет официально встать, и никогда себе не позволить стать на сторону одной из сторон конфликта. Это будет неправильно. Но я также знаю, что с территории России очень много людей снова придут к нам, снова рядом с нами встанут и будут воевать. Это я точно знаю, потому что эти контакты, которые сохранились с той войны, до сих пор поддерживаются. Мы постоянно обмениваемся информацией, к нам ездят, мы отмечаем совместные праздники. Так что, думаю, все повторится. Хотя и говорят, что история второй раз повторяется в виде фарса, но думаю, что это будет опять трагедия. И никому не желаю повторять эту трагедию еще раз.

Михаил Мирзиашвили – Я хочу противопоставить себя тому сообщению, что здесь не был дан ответ на вопрос – какой бы мы хотели видеть Россию в этом конфликте? Мне кажется, что Арда очень четко сказала, спросив о том, что демократия для себя, а не для нас, или европейские ценности через Россию и т.д. Мне видится, что роль России можно очень несложно обрисовать, наблюдая за тем, какие ценности защищаются и какие ценности декларируются именно в этом конфликте. Я понимаю, что Грузия, которая является одной из главных виновников этого конфликта, тоже далека от этих ценностей, но когда мы говорим о роли России, я бы хотел, чтобы Россия руководствовалась именно этими ценностями. Руководствовалась бы проектами развития этого региона в целом, имею в виду Южный Кавказ, и в частности, Абхазию, Грузию, это не сложно осуществить при политической воле. И не надо особенно изобретать велосипед. Мне кажется, что ответ дан, и схема такая есть. Спасибо.

Лариса Сотиева – Арда очень хорошо говорила о том, что Россия не вкладывает средства, деньги в развитие гражданских демократических институтов. Но я думаю, что ни для кого из нас не является секретом, что Россия все-таки вкладывает деньги в Абхазию. И не-

давно, на прошлой неделе, я читала, что, например, была продана дача Сталина в Гаграх. Большой вопрос – кому? И у меня очень наивный вопрос – если все-таки Россия вкладывает деньги, в Абхазию идут российские деньги, кто держатели их, чьи они? И можно ли прогнозировать потом исход событий, исходя из того, чьи это деньги? На самом деле в Абхазии никто конкретно не скажет, чья сейчас это территория, кому дача или пансионат принадлежит, для всех это большой секрет. Это мой наивный вопрос. То есть можно ли делать прогноз, исходя из того, что российские деньги идут в Абхазию и чьи они, и что дальше будет политически?

Джана Джавахишвили – У меня очень короткий, маленький комментарий. Сегодня очень интересно слушать дискуссию, но все же проглядывается тот стереотип, который называется бермудский треугольник. Все время идет разговор, что, если взять метафору, что Грузия больная, Абхазия больная, Россия – доктор, который лечит, то получается «ты минус, он минус, я плюс». Еще прозвучало, что все мы плохие, не только кто-то, а все. То есть все время идет: я минус, ты минус, он минус, и получается бермудский треугольник. Любовный треугольник, в котором очень легко затеряться и не знать, как вырulerь оттуда. Все же ощущение Бермудов у меня появилось, и я просто поделилась с вами.

Батал Кобахия – Паата, вопрос в отношении двойных стандартов по поводу получения российских паспортов для жителей Гала, это очень странно. Я бы повернул это в вашу сторону – это ваши двойные стандарты в отношении решения этой проблемы. Дело в том, что если граждане Абхазии получают российские паспорта, тут нет двойного стандарта. По международному праву, на которое ты всегда ссылаешься, и я уже об этом, кажется, говорил, мы не имеем другого гражданства. Что же касается жителей Гальского района, они практически все имеют грузинское гражданство и очень странно требовать, чтобы они получали еще и российский паспорт. Тогда они должны отказываться от грузинских паспортов и гражданства соответственно. *Реплика не слышна.* Ты говорил, что их заставляют. Но опять же тут как всегда путаница. Как с базами в Гудауте, к

примеру. Дело в том, что в Абхазии не заставляют гальцев отказываться от грузинских паспортов в обмен на российские, им просто их не дают. Вот такая ситуация. Но нет и такого, что им выдают российские паспорта. Это проблема, и мы эту проблему будем решать другим путем, потому что будем сейчас раздавать абхазские паспорта, и эти паспорта будут иметь все граждане Абхазии. То есть, двойных стандартов нет, есть просто законы.

А что касается двойного гражданства, у нас после такой мощной российской паспортизации по настоянию общественности был принят закон о двойном гражданстве, и, кстати, я лично говорил со спикером, что в нашем законодательстве был пункт отражающий, что в ситуации нерешенного грузино-абхазского конфликта, вопрос о двойном гражданстве с Грузией приостановить. Он ответил, что это нарушение прав человека. Я сказал, что нарушение прав, когда идут двойные стандарты, пока конфликт не будет урегулирован, у нас в законодательстве это должно быть отражено, после того, как политическое урегулирование свершится, этот вопрос можно будет решить.

Паата Закареишвили – Это была очень интересная дискуссия, и я благодарен за все вопросы. Самое главное, были разные позиции, на некоторые из которых возникло желание ответить.

В первую очередь хотел бы ответить Гураму по поводу того, что в моем выступлении не видно было Абхазии. Но это не потому, что Абхазию я не вижу, а потому, что так была поставлена в повестке дня тематика. То есть, как Россия может вести себя, поэтому, без сомнения, Вы абсолютно правы, я почти ничего не говорил про Абхазию, но уверен, что если на самом деле отвечать на этот вопрос, то конфликт этот серьезно может решиться только грузинами и абхазами. Только грузины и абхазы могут этот вопрос решать. А Россия и все остальные друзья Генсека, весь мир, могут нам только помочь в этом. Но кроме нас, и вместо нас, никто этот вопрос не решит. И потом, без сомнения, вся моя активность в Грузии направлена именно на то, что надо учитывать интересы Абхазии, считаться с этим, и в этом ключе работать. Так как сегодня обсуждение было посвящено роли третьей стороны – России, поэтому я сделал больший акцент и рассматривал

российский фактор. Конечно, у Грузии должна быть своя политика по отношению к России, помимо Абхазии есть и другие вопросы. Комплексно надо подходить в другом контексте, и к вопросу Южной Осетии, и военных баз, и так далее. Но это другой вопрос. Россия это одно, а Абхазия это для нас значительно важнее. Если с Россией можно принципиальную политику, грубо говоря, вести, то с Абхазией наоборот, мы должны вести более уступчивую политику, это мое мнение. К сожалению, в Грузии такой позиции пока нет. Мы должны больше понимать абхазские интересы, их опасения и соответственно их удовлетворять, реализовывать их интересы.

Потом здесь было сказано, что как будто я считаю, что все, что плохо для России хорошо для Грузии. Я был абсолютно неправильно понят. Так как не видно, что Россия в скором времени может стать демократическим государством, никаких признаков этого нет, а явно прослеживается фантом империи, но империей Россия не является, и чем больше ошибок будет допускаться такой Россией, тем лучше для меня такая Россия. Для меня демократическая Россия важнее, чем Европейский Союз. Потому что у нас более близкие отношения. Если бы Россия от нас требовала того же, что Европейский Союз, т.е. соответствия международным стандартам, демократическим нормам, и так вела бы себя, а не использовала двойные стандарты, то было бы просто здорово.

Насчет двойных стандартов тоже согласен с господином Скаковым, на самом деле весь мир по двойным стандартам работает. В том числе в Грузии двойные стандарты, в Америке двойные стандарты: сами нарушают права человека, а от нас требуют. Но от нас требуют то, что лучше для нас. Речь идет о том, что двойные стандарты России губят сами интересы России, эти двойные стандарты против России работают, а не против Грузии. И вы должны определиться, насколько эти ваши двойные стандарты в вашу пользу? Увы, мир не совершенен, не идеален, и в политике это принято. Я с вами согласен, пока это работает против России, то, что не учитываются интересы, неправильно выстраиваются приоритеты по отношению к Грузии.

Лариса спросила насчет того, кто покупает в Абхазии собственность. Я тоже хотел бы на этот вопрос ответить. На самом деле, это

очень важный момент. Российский бизнес, скажем так, не совсем легитимно по отношению к законам Грузии там присутствует и приобретает довольно серьезную собственность на территории Абхазии, но думаю, что они все довольно четко рассчитывают. Русские бизнесмены знают, что рано или поздно процесс будет идти в контексте решения конфликта, соответственно, концепция амнистии будет сопровождать разрешение конфликта. Обычно, если стороны договариваются, если главный политический компонент выходит вперед, то происходит легитимация того, что уже к тому времени существует. Мне кажется, что русские рассчитывают на это и, приобретая сегодня, скажем так, по сомнительным договорам какую-то собственность в Абхазии, они и от Грузии смогут добиться согласия, если Россия поможет Грузии реализовать свои интересы. В этом есть довольно рациональный расчет, и они имеют на это право. Но если все-таки они что-то потеряют, то это будут уже их риски.

Мне кажется, если бы Грузия на самом деле проводила умную, целенаправленную политику, то могла бы на этом эффективно работать. В любом случае интересы у России есть. Соответственно Грузия могла бы манипулировать, управлять ситуацией так: «ага, вы хотите в Абхазии что-то иметь, давайте все это оформлять с Грузией. Если вы хотите, чтобы все было в порядке, Грузия готова все это оформить». Но, к сожалению, Грузия на такие вещи не идет и это уже издержки нашей недальновидной политики. Я думаю, что Грузия могла бы очень эффективно управлять экономическими интересами России, как в Абхазии, так и влиять на них в грузинском контексте. Так что, я считаю, что у России в Грузии есть экономические интересы, если нет, то это очень плохо, потому что единственный способ, которым можно на самом деле повлиять и распространить влияние России, интересы России на Южном Кавказе, это как раз экономические интересы.

Что касается нескольких сценариев. Есть три сценария. Я считаю, что статус-кво пока устраивает всех и никого в итоге, потому что время ни на кого не работает положительно, как на это рассчитывают все. Все-таки независимость Абхазии не зависит только от России. Независимость Абхазии не признается не только потому, что России это не выгодно, сегодня независимость Абхазии не призна-

ется потому, что это не выгодно международному праву и никому невыгодно, никакой перспективы пока нет. Если бы у Абхазии было больше шансов на независимость, то Грузия была бы более гибкой, и более активной, и творческой. Но, так как она уверена, что никаких проблем нет, и Абхазию никто не признает, даже Россия (!), поэтому с опущенными руками работает, и от этого страдает в первую очередь, конечно, абхазский народ, абхазское население, и беженцы и все остальные. Все это происходит только потому, что Грузия не боится, что Россия и мир признают Абхазию. Это очень плохо. Я всегда предлагаю и говорю, что они должны быть более принципиальными по отношению к Грузии и требовательными, чтобы Грузия пошевелилась и на самом деле начала выставлять предложения и становиться более гибкой.

То, что часто нам предлагают и пугают, и Путин в первую очередь, он пару раз пригрозил относительно Косово. Все надо ставить в контексте, и то, что приемлемо для Косово совсем может быть неприемлемо для Абхазии, и наоборот. Может быть в Абхазии легче добиться чего-то, чем в Косово. Просто мы, проводя параллели между разными конфликтами, должны как-то, если продолжить образ медицины, видеть, что одинаковый вирус поражает всех. Но не все одинаково его воспринимают, кто-то умирает, кто-то легко переносит. Кому-то одно лекарство нужно, другому другое. Часто причины конфликтов, особенно СНГовских, одинаковы. Это и развал Советского Союза, и очень многое можно под одну гребенку подвести, если говорить о причинах, но лечение этого всего по-разному происходит, то, что пригодно для Косово, абсолютно может быть непригодно для Абхазии.

Я могу один из аргументов и один из ресурсов представить, что за каждым, скажем так, сепаратистским регионом, который не хочет жить в той стране, которая международным правом признается, всегда стоит этнокультурное государство. За Карабахом стоит Армения, за Арменией стоит влиятельная диаспора со своими возможностями. За Северным Кипром стоит Турция. За Косово стоит Албания. За Северной Ирландией – Ирландия. И так далее. Даже за Чечней стоит какой-то исламский мир, хотя это не тот образ, можно по-другому это рассматривать, но за Чечней тоже что-то может стоять. Этого ресурса у

абхазов нет. За Абхазией стоят имперские амбиции России, которая сама показала себя в этих выборах. Черкесский мир тоже себя показал. Я уже этого мира не боюсь. Потому что черкесский мир все-таки не такой, он сам не является этнополитическим государством, черкесский мир это не государство. Это мое мнение, может быть, я ошибаюсь, но я не вижу в черкесском мире опасности для Грузии, прошло 15 лет, но этот мир никак не повлиял на процессы, как, например, влияет Турция на Северный Кипр, как влияет Армения на Карабах. Может быть, я ошибаюсь, тогда это в вашу пользу. Но, по крайней мере, увы, это не та сила. Поэтому опять-таки Абхазия со своими проблемами стоит перед огромной Россией и агрессивной Грузией. Увы, но настоящего союзника, покровителя нет, который на самом деле искренне хочет Абхазии помочь, разделить ее опасения.

Поэтому я не согласен с этими аналогиями с Косово. Косово, может быть, на самом деле станет независимым, хотя я сомневаюсь в этом, в какой-то форме может и станет, даже, может, в Абхазии этому обрадуются, но я почти уверен, что это не повлияет на Абхазию. Я все-таки надеюсь, что и в Абхазии, и в Грузии в другую сторону пойдет трансформация общественного мнения. В Грузии формируется элита, молодежь особенно, которая, я чувствую, уже по-другому смотрит, особенно те, которые учатся на Западе. И они уже ставят вопрос – а что нам дает Абхазия? Ради чего мы так много страдаем? Почему мы не даем возможность беженцам интегрироваться там, где они сегодня проживают? Почему мы не даем им деньги? Я уверен, и может быть в течение года, пойдет новая динамика, и грузинские власти пересмотрят свое отношение к перемещенным лицам и начнут интегрировать их, то есть давать им достаточные субсидии, чтобы они смогли прижиться там, где они живут, конечно, не отнимая права на возвращение, но больше никаких ответственностей. Когда будет возможность вернуться, эти люди смогут продавать те дома, которые купят, или свой бизнес, или оставят здесь, и там что-то будут делать. То есть право на добровольное возвращение должно у них оставаться, но интеграция должна произойти там, где они сегодня проживают. Но это должно касаться тех ВПЛ, которые обосновались в Грузии, а не тех, кто покинули ее, законы Грузии за них не могут быть в ответе.

Я надеюсь, что в сторону Абхазии грузинское мышление должно сдвинуться. Сколько стоит для нас Абхазия? Обязательно вопрос о цене возвращения Абхазии рано или поздно встанет перед Грузией. Я уверен, мне кажется, что за 10 лет как-то эти вопросы должны решиться, хотя 15 лет прошло и ничего не решается. Но, по крайней мере, через 5-10 лет и в Абхазии должно сформироваться общественное мнение, там есть динамика, есть движение, там ничего не заморожено. И они тоже поставят вопрос – а сколько стоит нам эта независимость? Что это такое, когда весь мир объединяется, и происходят интеграционные процессы, объединяются валюта, границы и т.д.? Абхазы больше должны путешествовать в Европу, на Запад, и не должны ограничиваться только Россией. Увидят, какие плюсы у интеграции, и соответственно там тоже начнется дифференцированное отношение, и встанет вопрос – а не лучше ли спекулировать с Грузией и требовать от нее что-то, и соответственно добиться каких-то лучших условий. Я надеюсь именно на эту динамику, и думаю, что в ближайшие 10 лет мы должны выйти именно на этот уровень, если, конечно, Грузия хочет стать демократичной и членом НАТО. Насчет Европейского Союза я пока сомневаюсь. Пока на горизонте его не видно, только слова. Я надеюсь, что через 10 лет и Грузия будет совсем другой, и Россия будет совсем другой, и Абхазия будет совсем другой и, соответственно эти модели, которые мы сегодня строим, тогда уже никак не пригодятся, будут нужны совсем другие модели. Поэтому для нас очень важно, в какую сторону будет развиваться Россия. И пока я вижу, к сожалению, что она развивается не в ту сторону, которая более привлекательна для Грузии.

Тут кто-то сказал, что нам выгоден развал Северного Кавказа, это бред какой-то. От этого, конечно, в первую очередь пострадает Россия, но Грузии от этого лучше точно не будет. Может быть, не так страшно будет, как рисуют нам это из России, но, в самом деле, лучше не будет. И я не вижу ни одного эксперта в Грузии, кто бы об этом мечтал или радовался бы этому. Опасность есть, мы это чувствуем. Я уверен, что Грузия в первую очередь должна быть заинтересована в целостности и стабильности России.

И насчет портов. Я не согласен. То, что точно не может открыться без Грузии – это, конечно, аэропорт. Воздух строже контролирует-

ся, как ни парадоксально, чем земля. Морские порты еще можно использовать, как сейчас используются незаконным путем, без согласия Грузии заходят и турецкие корабли, и российские, но ни один самолет легитимно не сядет в аэропорт, если не будет разрешения Тбилиси. Это и не хорошо, и не плохо, это данность. Поэтому так ставить вопрос, что если вы железную дорогу не откроете, то мы откроем аэропорт – это напрасно, опять-таки это иллюзия, которой кормят абхазов. Грузия сегодня не способна даже открыть железную дорогу, которая как бы не была важна для Армении и России, в первую очередь важна для Грузии. Железная дорога стала бы более устойчивым гарантированным транспортным коридором и, соответственно, государство стало бы более надежным. Увы, если мы не готовы для себя больше пользы обеспечить и открыть железные дороги, мы что, будем готовы согласиться на открытие аэропорта? Это еще более невероятно. Поэтому, увы, этот вопрос от Грузии зависит, от такой Грузии. И железная дорога, и автомобильные дороги, и аэропорт. Поэтому я всегда упрекаю своих русских коллег в том, что мы-то, грузины, на самом деле никаких перспектив абхазам не даем, но вы тоже даете слишком большие иллюзии, из-за которых этот народ ставите в абсолютно безвыходное положение, и они строят планы, как Остап Бендер шахматный город Васюки. На самом деле, мы должны честно, искренне и откровенно вместе с абхазами сесть и поговорить, какие перспективы у Абхазии? И там, где можно найти общие точки соприкосновения, с этим работать.

И еще я хотел бы, взяв образ врача у господина Чечевишникова, сказать, что, увы, если Россия – врач, то образ сам по себе не так хорош, потому что это никогда не нравилось нам, как будто она врачует. Даже если она врач, то она злой врач. Сегодня Запад для нас добрый врач, который заставляет нас соблюдать режим, пить именно те лекарства, которые нам необходимы, чтобы мы быстро вылечились. Но, увы, на этом фоне Россия – злой врач, который надолго затягивает наше лечение, чтобы еще больше усугубить болезнь, довести до того, чтобы лечить именно тем лекарством, той уникальной формулой лекарства, которого ни у кого кроме нее нет. То есть своим методом хочет лечить. Увы, но даже в этом есть различие между Западом и Россией – он заставляет нас лечиться,

не ожидая более глубокого погружения в болезнь. Запад искренне требует от нас, чтобы стали демократическими, чтобы наше государство основывалось на демократических институтах и наше общество на гражданских ценностях. Поэтому я считаю, что и этот образ врача, не совсем в пользу России.

Арда Инал-Ипа – Александр Аузан говорил о том, что России надо избавляться от постимперского синдрома. Я думаю, что в каком-то смысле Грузии тоже надо избавляться от этого синдрома. Г-н Аузан предлагал изучать опыт бывших империй, Великобритании и других, чтобы понять, что этот болезненный процесс не уникальный, что он не должен кого-то унижать, а должен реалистично пониматься, как нахождение в каком-то очень интересном процессе. Мне кажется, кстати, в этом смысле есть поле для совместного проживания и преодоления этой ситуации, этого положения Грузией и Россией. Очень часто те вещи, которые вы друг другу предьявляете, могут быть обращены и на вас самих.

Вот этот синдром империализма я замечаю и в рассуждениях Пааты, которого считаю передовым человеком в Грузии. Я сама очень часто рассуждаю на тему, что Абхазия – это тяжелые гири, которые мешают развиваться Грузии. Сами представители грузинского гражданского общества очень часто говорят о том, что фактор Абхазии всегда используется, когда нет возможности решить какие-то внутренние проблемы, и фактически просто отвлекает от решения внутренних проблем внимание, ресурсы, силы и энергию опять на абхазский вопрос. И вы вроде бы сами понимаете, что это очень тормозит ваше внутреннее развитие. Говоря о цене, мне всегда хотелось, чтобы грузинское общество осознало действительно цену удерживания Абхазии. Мне кажется, цена этого нерешенного абхазского вопроса – это торможение развития Грузии. Но, и в данном случае, я обращаюсь к представителям международных организаций, я хочу обратить внимание на то, когда Паата говорит о том, что мы должны понять, сколько стоит присоединение Абхазии к Грузии. Понимаете, если бы Грузия сама платила за это, то думаю, давно поняла бы, что эта цена непомерно высока. Но, поскольку вы продолжаете оплачивать все эти необоснованные амбиции нынешней Грузии, она никогда не

поймет, что это действительно тормозит развитие очень многих процессов на Южном Кавказе.

Теперь, что касается привлекательности. Вы считаете, что если Абхазия будет признана, то фактор привлекательности не будет действовать? Для выбора необходима свобода, а иначе получается, вы нам предлагаете – сидите там голые за решеткой, а мы будем примерять разные шляпы, может быть, понравимся? Не понравитесь! Реальность в том, что здесь абсолютно нет никакой логики. Понимаете, если вы считаете, что можете нам понравиться, когда вы будете свободно развиваться и при этом обосновывать, что нам при этом надо сидеть взаперти и никак нельзя, например, открывать аэропорт, этого не будет никогда. Мне удивительно, когда представители гражданского общества думают, что в такой ситуации, запирая Абхазию, можете нам понравиться.

И еще об одном. Виктор Воронков говорил о государствах-подростках, вообще много пишется о квазигосударствах, о том, что мы стали заложниками ситуации, когда стихийно возникли какие-то государства вне зависимости от того, действуют ли государственные механизмы, провал этих государств многими уже признан и так далее. Мне было бы интересно подумать о каком-то «сертификате качества» государства. Есть какие-то отдельные параметры, которые можно оценивать, например, уровень национального дохода, эффективность социальных программ и т.д. Мне кажется, стоит об этом подумать и оценить, в частности, непризнанные государства по каким-то очень важным критериям, куда бы входили и соблюдение прав человека, и доход на душу населения, и правовая система и так далее.

Ираклий Какабадзе – Очень интересно было выслушать Арду, и я должен сознаться, что я в основном с ней согласен практически по всем пунктам. Я думаю о том, о чем должен был сделать комментарий. Я хотел сказать господину Скакову, что есть реальная угроза развязывания войны. Я бы вывел это из государственного мерила, это в интересах каких-то групп, которые по своему существу транснациональны. И первая война, развязанная режимом Шеварднадзе, абсолютно авантюрная и преступная, в Абхазии и Самегрело,

она была в интересах какого-то клана, который имел свои ответвления во многих местах, в том числе в России и даже Америке. Но дело не в этом.

Сейчас я думаю, когда мой коллега и друг, он правый экстремист, а я левый, он наверное поспорит, но Лаша Бакарадзе сказал, что могут начаться военные действия, но я практически уверен, что Лаша этого не желает. А если желает, тогда это совершенно другой человек. Но есть реальный риск, и дай Бог, чтобы я был не прав. В Грузии существует несколько кланов, транснациональных по своему признаку, там есть, конечно, и русские, есть грузины, и может быть, граждане Америки. Прямо скажу, если сейчас у режима Саакашвили настанет момент PRного кризиса, тогда эти группировки, которые делают деньги при его режиме, будут стараться развязать войну. И они найдут союзников и на той стороне Ингури, военных союзников в деле войны и деньги найти очень легко, к сожалению, и к большой трагедии человечества. Вам следует приглядеться к некоторым группам, чтобы предостеречь от войны. Этих групп много в России, одна из них связана с г-ном Тимуром Аласания, дядей нашего президента. Эта группа может быть заинтересована в развязывании войны. Я думаю, что есть реальный риск, и за этим должны смотреть не только грузины и абхазы, но и в Москве тоже, потому что риск очень большой.

И маленький комментарий по выступлению Арды. Я думаю, что будущее человечества в том, что мы осознаем все, что государство – это зло, и все должно быть для человека. Поэтому грузины очень быстро должны прийти к выводу, что мы не должны держать Абхазию у себя любой ценой, и просто не должны мешать им жить, как они хотят, и быть независимыми, если они хотят этого. И не только грузины, но и русские тоже должны так же вести себя по отношению к чеченцам. Это единственный путь развития человечества. Это мое мнение.

Станислав Лакоба – Вы знаете, мы как-то подспудно все равно касаемся этой темы, на фоне того, что пытаемся говорить о мирном развитии событий, но все же как-то спорадически проявляется эта тема агрессии, возможных военных действий. В этой связи, по-

скольку Лаша задавал вопрос, я тоже вспомнил некоторые обстоятельства, которые недавно имели место, и в то же время на основе того, что было совершенно недавно – лет 6-7 назад. В Абхазский институт в Сухум приехал бывший посол США в Хорватии, и в частности, там была довольно интересная, откровенная встреча, где он приводил нам пример Сербской Крайны. Говорил, как это произошло между Хорватией и Сербской Краиной, и было более, чем очевидно, почему он проводил такую параллель. Бывший посол говорил, что была договоренность с хорватским президентом Туджманом о том, что в течение 2-3-х суток он имеет право покончить с Сербской Краиной военным путем. Если эта операция превысит лимит в двое-трое суток, то Соединенные Штаты начнут выступать против этой операции и осудят хорватов. Это было совершенно откровенно сказано. Почему я сейчас вспоминаю об этом? Потому что совершенно недавно, вот уже сейчас, вы знаете, в Абхазии, в Сухуме, была делегация Фонда Маршалла. И ведущий – Карл Бильдт вдруг, тоже упомянул Сербскую Крайну, провел такую аналогию. На что ему было высказано, что это все же не совсем удачный пример, так как Сербская Крайна никогда исторически не была государством, в Абхазии вообще-то совершенно иная ситуация.

Есть еще и другая параллель – во время президентских выборов в Абхазии, когда один из представителей российского чиновничества прямо нам говорил, что «вас постигнет судьба убыхов». То есть, вы понимаете, со всех сторон нас все страшат. И вы знаете, был очень популярен тезис «осажденной крепости». Вот мы опять как бы возвращаемся к этому периоду, если можно так назвать, холодной войны, который был сразу после военных действий 92-93-го годов, и в этом есть, конечно, очень большая опасность. Особенно на фоне того, что провозглашается сегодня. И здесь говорили, какая ведется милитаристская пропаганда в Грузии. Я думаю, что это представляет все же большую угрозу. Тем более странно, когда обвиняют Россию в агрессии на Северном Кавказе. В то же время мы видим, что и Грузия тоже следует этому примеру, и потому я тоже считаю, что Арда Инал-Ипа в этом отношении права, что от этого комплекса имперского, нужно, наверное, избавляться всем.

Другой вопрос, которого я все же хотел коснуться – вопрос беженцев в Гальском районе. Хочу сказать, что мы находимся в состоянии войны. В принципе нигде нет такого примера, чтобы не было заключено мирного соглашения, а страна, победившая в войне, возвращала беженцев. Абхазия возвращает беженцев, вы прекрасно знаете об этом. В Гальском районе их немало, до 60 тысяч грузинского населения, которое компактно проживало там, вернулось. Я думаю, это очень яркий пример, который сегодня трудно опровергнуть тем более, что международные организации сегодня, в общем-то, признают этот факт и речь идет о регистрации, как будет проходить эта регистрация. Я был недавно в Гальском районе и там поднимался вопрос по поводу российских паспортов. И хочу сказать, что выступали там люди, и насколько я понял, всего три человека в Гальском районе получили российские паспорта.

Здесь также много говорилось о том, что есть такой игрок, как Евросоюз, и я бы хотел напомнить о встрече, которая произошла недавно в Сочи, имею в виду встречу Путина, Соланы и Багапша, которая продолжалась 40 минут, и думаю, это не случайная встреча. Мы видим, что ситуация развивается совершенно по-другому сейчас, нежели 5 или 6 лет назад, и конечно, с этими обстоятельствами необходимо считаться и нельзя исключать, что в Абхазии политика будет многовекторной, что Европейский союз будет играть более значимую роль. И я не исключаю, что, возможно, будут какие-то контакты, в том числе и прямые. И на самом деле, тогда, может быть, совершенно по-другому встанет проблема не только Абхазии, но и Грузии, может, и России в целом, потому что это все же совершенно новая программа в рамках расширяющегося европейского соседства и все, что связано с Черным морем. Так что, все может в принципе решиться очень неожиданно и совершенно на других основах.

Так как здесь упоминали государства-подростки, я хотел бы об одном случае рассказать. В Абхазии, как вы знаете, живут долгожители, и в советские времена была одна свадьба в Очамчирах, и два абхазских старика подрались. Им было за 80 лет, они подрались, причем так, что их привели в милицию. Привели этих стариков в милицию, где был очень остроумный начальник, скандал продолжился уже у него в кабинете. Начальник что-то писал, потом посмотрел

рел на стариков и сказал: «Завтра, чтобы привели родителей!». На этом все закончилось. Я думаю, если у нас будут мудрые родители, мудрые патроны, то, наверное, очень многих проблем мы сможем избежать.

Александр Скаков – Во-первых, меня, конечно, серьезно испугал вопрос Лаши про силовой путь. Мне кажется, что это, мягко говоря, самый легкий путь и самый легкий вызов и для Кремля, и для Сухума, поскольку это тот вызов, на который известен ответ. То есть ответ известен и апробирован. К сожалению, не знаю, какой был бы найден ответ на какие-нибудь другие вызовы со стороны Сухума и Кремля, а на такой вопрос ответ найти не сложно. По-моему, было бы оправдано, если бы парадигма отношений была бы изменена и от таких легких вопросов, можно было бы уйти к более сложным, и задавать их друг другу. И сменить эту парадигму «осажденной крепости», то есть не видеть ни в Абхазии, ни в Южной Осетии некую осажденную крепость, чью-то большую военную базу. То есть не создавать этой парадигмы, а ведь если это создавать, то это создастся. А если работать в другом направлении, то ситуация может измениться.

Что касается заинтересованности российского бизнеса в проникновении в Грузию, я просто напомним, у Пааты прозвучало про «Чиатурмарганец», но чем кончилась эта история? Кончилась тем, что «ЕвразХолдинг» отказался от сделки. То есть он посчитал, что лучше оставить 20 миллионов долларов, чем вложить еще 112 миллионов долларов, если не ошибаюсь в цифрах. И это говорит о том, что российский бизнес готов вложить деньги в экономику Грузии. Может у вас есть какая-то своя информация, потому что я слышал разные версии на тему того, почему это так случилось, возможно, вы скажете свою.

Паата Закареишвили – ...очень многие другие компании... газ...

Александр Скаков – РАО ЕЭС, да. Ну, так вот, что касается наших компаний. Большая проблема в том, что в России нет какого-то консенсуса, негласного договора о правах и возможностях между биз-

несом и властью, поэтому считать, что бизнес в России это часть России и что он как-то напрямую связан со страной и властью, было бы ошибкой. У нас дело ЮКОСА – только один из элементов сложившейся ситуации. Ситуация более сложная, проблема в том, что у нас нет этого договора о правах и взаимоотношениях, то есть бизнес нарушает правила по отношению к власти и стране, и власть правила нарушает по отношению к бизнесу, обе стороны в данном случае виноваты. Вот когда этот негласный договор будет достигнут, тогда можно будет считать, что приход РАО ЕЭС в Грузию, это приход России. Тогда да. Но, мне кажется, что сведение всего российского бизнеса к РАО ЕЭС не очень оправдано в данном случае.

Что касается аэропорта, я напомним, что, когда в свое время, где-то лет 7 назад, говорили, что когда-нибудь откроется сообщение между Россией и Абхазией, это казалось такой малореальной фантастикой, никто не верил, что будут ходить поезда даже из Москвы до Сухума. Но сейчас можно поехать на поезде Москва-Сухум. Я думаю, что если будет принято решение об открытии аэропорта, аэропорт будет открыт, невзирая на мнение Тбилиси. И я думаю, что не только Россия, но и возможно другие страны, в частности, Турция, могут принять в этом участие, невзирая опять же на мнение Тбилиси.

И еще, на самом деле, мне кажется, некоторое упрощение считать, что за каждым непризнанным образованием кто-нибудь стоит. Что за Косово стоит Албания, за кем-то кто-то еще. Вопрос – кто за кем стоит?! Стоит ли Косово за Албанией или наоборот?! Поскольку на самом деле ОАК, которая, как известно, правила бал в Албании, это была большая угроза не только для Сербии, но и для власти в самой Албании. И в итоге отметим еще тот факт, что Албания-то не получила и не получит Косово. И это тоже не случайно. Для них это все важно, особенно для тех, кого выгнали оттуда, для цыган и для сербов важно. Но дело в том, что на самом деле ситуация гораздо сложнее, и сказать, кто стоял все время за Тайванем, тоже сложно, всегда есть какие-то разные акторы. А кто стоял за Эритреей во время войны в Эфиопии? Не знаю, сложный вопрос

Гурам Гумба – Я еще раз из прозвучавших выступлений и реплик все больше и больше убеждаюсь в том, что, как бы не говорили, что

здесь собрались люди, которые стоят за защиту прав индивидуальной личности, групповой, коллективной, но все-таки мы говорим с позиции, согласно которой – право в силе. То есть не право в справедливости, равенстве, любви и т.д., а все-таки говорим с позиции права силы. В связи с этим, Паата, ты говорил, что реальность такова, что за Абхазией никто не стоит. Действительно, такой силы, государственного института, на самом деле нет, никто за нами не стоит, но, когда мы говорим Северный Кавказ, то это не только черкесский, абхазо-адыгский мир. Имеется в виду весь Северный Кавказ до Дагестана. И если абхазы так деликатно не затрагивают вопрос чеченского народа, это не значит, что мы когда-либо сможем забыть этот вопрос и не носить его в своей душе. Абхазский народ никогда не забудет то, что сделал чеченский народ. Это сыновья, которые погибли, и не только за это. Дело в том, что Северный Кавказ находится в составе России, но в организационно-правовом плане он не оформлен как единое целое. И наша диаспора, которая находится в странах Ближнего Востока и Западной Европы тоже организационно не оформлена. Мне представляется, что это более опасно для тех сил, которые будут противостоять нам. Опасно потому, что мы как раз не институционализированы. Очень трудно предсказать, как себя поведет подобная сила. Очень опасно не учитывать этот фактор. И это на самом деле та сила, которая может проявиться в совершенно неожиданной форме.

Мне очень трудно сейчас говорить, что стоит за этим, что не стоит, но если мы в такой плоскости будем рассматривать проблемы, то уйдем далеко вглубь. Мы для того здесь собрались, чтобы найти те формы, те правовые формы, которые учитывали бы все интересы, и чтобы мы могли интегрироваться. Вот мы говорим об интеграции и отношениях, допустим, в XIX-XX вв. Паата затронул очень важные, на мой взгляд, моменты, которые в геополитическом отношении остаются постоянными, во времени никогда не меняются – отношение России и Грузии к Северному Кавказу. Это очень важный момент. Я думаю, что противоречия между Россией и Грузией сегодня, это временное явление. Если мы посмотрим на этот постимперский синдром, который проявляется в разных формах, если вспомним XIX век, то завтра, мне кажется, прежние тенденции возвратят-

ся, и Россия, и Грузия найдут себя, их интересы идентичны по отношению к Кавказу. Я думаю, что опять-таки все встанет в свое русло, как это было в XIX веке.

Виктор Воронков – У меня есть одно общее методологическое соображение, которое связано с дискуссией, ведущейся вокруг буквально трех-четырёх фигур, которые мы обсуждаем вообще. В крайности это доходило до того, что отношения России и Грузии двусторонние и давайте не обращать внимания на то, что есть Абхазия. Примерно так вчера кто-то сказал. Я бы сказал, что сегодня невозможно обсуждать никакие двух-трехсторонние соглашения, не понимая, что существует еще огромное количество фигур на этой шахматной доске. Эти фигуры либо прямо влияют на действия тех, кого мы обсуждаем: Россия, Абхазия, Грузия, либо они косвенно влияют. Если мы будем рассматривать две фигуры, Грузию и Россию, то совершенно будет непонятно, почему? Вот восстановим ходы всей этой партии, нам будет непонятно, почему именно так ходили, не зная, что делали все остальные фигуры. И вот сегодняшнюю ситуацию мы можем рассматривать, только изучая этот огромный синхронный срез. Россия себя ведет так не потому, что она так захотела, а потому, что огромное количество связей во всем мире ее вынуждает действовать так, или иначе. Европейский Союз влияет на Россию каким-то образом, в Европейском Союзе существует Англия, Германия и Франция, даже взаимоотношения между которыми часто влияют на ситуацию с Россией. Или отношения Соединенных Штатов с Европой и так далее, и так далее. Существует Турция и даже Китай, и так или иначе серьезный эксперт должен рассматривать движения на всей шахматной доске. Сегодня одна фигура тронулась, а что будет со всеми остальными? Нам кажется так, а вот там, в Европе, что-то произошло, не проголосовали за конституцию во Франции или Голландии, что, тогда на Абхазии это не отразится?! Я предполагаю, что внимательный анализ покажет, какие могут быть последствия для Абхазии, или для Грузии, или для отношений России с Грузией, и так далее.

История, конечно, интересна, вот этот диахронический срез, но она ничего полезного не дает для того, чтобы сделать следующий

ход. Как наблюдатель в шахматах, то ли он только что подошел к доске, то ли он наблюдал всю партию. Абсолютно никакого преимущества не имеет человек, наблюдавший всю партию, потому что следующий ход будет сделан из анализа всех игроков и ситуации всех фигур на этой доске, а не только двух или трех, на которых мы сконцентрировали свое внимание. Поэтому, мне кажется, для того, чтобы сделать серьезные выводы экспертам, какова ситуация и что можно сделать в этой партии, конечно, нужно проводить исследование, а не просто спекулировать на некоторых общих соображениях, или на том, что пишут в прессе, или даже на высказываниях каких-то политиков. То есть необходимо исследование дискурса, как создается образ врага, или как конструировать конфликт, на что он опирался и т.д. Вот мне кажется, что такой исследовательской работы многим нашим экспертам не хватает.

Паата Закареишвили – Когда я лично привожу аналогии, и если мы в каждую будем углубляться, то это поведет нас в другую сторону. Косово будет или Северная Ирландия, или что-то другое. Этим я хочу сказать, что не надо такими примерами пользоваться, эти примеры для себя хороши, там, где они находятся. У каждого этого примера всегда есть что-то сзади. У Абхазии другие ресурсы, у грузино-абхазского конфликта совсем другие причины и возможности. Мы просто уходим в сторону от разговора. А надо говорить по существу и говорить, почему пример приведен. А пример приведен потому, что тех возможностей, которые есть у других конфликтов, здесь нет. Но здесь есть другие возможности, которых нет у других конфликтов. Соответственно надо углубляться в этот конфликт, и здесь искать возможность выхода, а не козырять друг перед другом тем, что там было так, а там так, и если не будете хорошо себя вести, покажем вам Косово. Железную дорогу Сочи-Сухуми открыли потому, что не нужно было разрешения Грузии. Поэтому открыли. Никто не говорил о мифах, никто не говорил, что это невероятно. Но нереально открыть железную дорогу Сочи-Ереван без разрешения Грузии. В этом контексте и сухумский аэропорт не будет открыт. Это не так поверхностно. Потому что и Россия, и весь мир Абхазию признает территорией, закрепленной за Грузией, соответственно необходимо

разрешение для открытия этой дороги. Потому что там диспетчерские управления, разные диспетчеры управляют самолетами, соответственно ни один самолет, который захочет пересечь несколько границ в воздухе, не сможет приземлиться в Сухуми. Туда могут прилетать российские самолеты, может быть, хотя тоже сомневаюсь, потому что диспетчеры из Тбилиси будут запрещать. Но откройте, ради Бога! То, что вы смогли очень смело открыть железную дорогу, то, что очень смело Жириновский смог на корабле заплыть в Сухуми, это показатель того, что вы делаете то, что можете. А то, что вы не можете делать, не можете. Это реальность. Поэтому речь идет о том, что если мы хотим сотрудничать, то должны вместе обсуждать такие вопросы, а не в упрек говорить, что возьмем и откроем. Ради Бога, если откроете. Лично для меня лучше, потому что тогда можно будет еще больше упрекать грузинские власти, что они ни на что не способны, что они опять упустили что-то. Это, в самом деле, та сфера, где, к счастью, пока Россия бессильна.

И заодно я хотел бы ответить Баталу, который хорошо сказал, что пока не будет политически решен вопрос, выдача грузинских паспортов населению Абхазии грузинской национальности нецелесообразна и никак не возможна. Превосходно. Этим все доказано. Абхазы по отношению к грузинам ведут себя так, как Грузия ведет себя по отношению к Абхазии. То есть круг замкнулся. В Грузии говорят так, пока не будет политического решения вопроса, ни о каких правах человека не может идти речь, пусть эти абхазы живут у себя в Абхазии или идут с нами на переговоры, или признают. Нечто подобное получилось из твоих слов, Батал. Получается, что никто не может на территории Абхазии получить грузинские паспорта только потому, что не решен этот вопрос. Это уже права человека. Я лично всегда за то, чтобы, пока не решен вопрос беженцев политически, их права должны удовлетворить на территории Грузии, потому что живые люди ни в чем не виноваты, что конфликты не могут разрешаться, которые создают власти. Это проблема власти – они обязаны любым путем обеспечивать живых людей их правами. Грузия не давала никакой возможности абхазам передвигаться, поэтому они абсолютно справедливо обратились к России, и Россия в этом контексте абсолютно логично дала им паспорта. Но то, что этническим

грузинам уже хочется брать грузинские паспорта, а не российские, им уже у себя на родине в Абхазии создавать проблемы, это уже спекуляция ценностями, то, что конечно, очень плохо и соответственно ни к чему хорошему не приведет, кроме как в тупик. Как Грузия заходит в тупик, так и у вас проблемы возникнут с этим вопросом. Нельзя политику ставить выше прав человека.

Батал Кобахия – Нужна еще минута, чтобы Паате ответить, но я не буду отвечать. Я хотел бы все-таки отойти от твоей фразы, когда ты говоришь – думать о будущем, не уходя в прошлое. Я действительно согласен и, в принципе, международные организации, и люди, участвующие в переговорном процессе, говорят, давайте, думать о будущем. Очень хорошо. Но если думать о будущем с сегодняшнего дня, то тогда вопрос беженцев, вопрос паспортов, коммуникаций, конечно, обсуждать не приходится. Вот думаем о будущем, вот в том состоянии, в каком Абхазия находится – мы хотим идти дальше, вы куда-то в другую сторону. Это возможно? Если все-таки думать о будущем, но вспомнить немножко прошлое, то тоже очень трудно определить с какого именно времени отсчитывать прошлое, два с половиной года назад берем срез, или три года? Насколько это правомерно, и кто может определять отрезок прошлого, который надо иметь в виду, как некий опыт, чтобы планировать будущее? И в этом смысле, эти два дня, мы рассуждаем, насколько привлекательна в принципе Россия для Абхазии или Грузия? Кто более привлекателен? Да никто. Ни те, ни другие. То есть в принципе вопрос ведь не в качестве, привлекательность – это качественный показатель, вопрос в количестве. Абхазия для себя выбирает большее пространство, где легче маневрировать, понимаете, и выжить. В этом смысле Россия более широкое пространство, чем была бы Грузия. И в этом большом пространстве можно, в общем-то, если тихо себя вести, не потерять многие вещи, которые нас беспокоят.

А если не думать о прошлом. В 98-м году, если не ошибаюсь, международные организации инициировали переговорный процесс и решили – давайте, уйдем от политического статуса, давайте, решим экономические вопросы. Если вы помните, тогда, премьер-министром

Багапш, кажется, был. И тогда возникло много грандиозных проектов: совместные винзаводы, бетономешалки, фермерские хозяйства и т.д., и т.д., и т.д. Дескать, экономика все решит. Но не сумели это воспринять ни общества, ни элиты, ни в Абхазии, ни в Грузии, потому что невозможно было думать о каком-то сотрудничестве экономическом и ином до тех пор, пока не будет дана оценка событиям.

Что касается прав человека, не надо уходить вглубь. Когда я говорю, что иду в Парламент, и требую, чтобы, принимая закон о двойном гражданстве, учитывали ситуацию с неразрешенным конфликтом, то я исхожу именно из прав человека, и прав грузинского населения. Пока не решен вопрос о возвращении беженцев, пока международные организации не соглашаются смириться с реальной ситуацией и не хотят констатировать, что грузины – это беженцы, а не перемещенные лица внутри одной страны, чьи права защищать? Тех, кто вернулись?! Но говорят, что никого нет. Грузия говорит, что в Гали нет грузин, международные организации то же самое, и только абхазы говорят, что они есть там и их права должны защищаться. И я говорю, что у них должны быть равные права со всеми гражданами Абхазии, равно как и обязанности, чтобы не возникало дополнительных проблем. Права, чтобы они знали, на что должны ориентироваться. Поэтому я и обращался в Парламент с предложением до решения всех этих проблем отразить в законе эту специфику, которая касается двойного гражданства до того, пока не будет урегулирован конфликт в результате переговорного процесса, поскольку вопрос очень сложный.

Точно так же, как с обучением на грузинском и ином языках. Потому что ясно, если это Абхазия, если между нами визовый режим, то обучаться здесь будут по тем учебникам, которые создаются в Абхазии. Это вы считаете нас вашей частью, а мы считаем себя другим государством. Учиться будут на том языке, на котором удобно. Удобно на грузинском, ради Бога, но они будут обучаться по учебникам, написанным в Абхазии на грузинском языке, а не в Грузии. Права, понимаете, бывают групповые, коллективные, индивидуальные – что раньше: курица или яйцо? Мы уже в прошлый раз на этом застопорились с правозащитниками, чьи права более важны?

Я очень рад, что вы обеспокоились вопросом паспортов в связи с гальским населением, но никого этот вопрос не беспокоил 12 лет. Представители других национальностей, проживающих в Абхазии, тоже могут иметь только два гражданства: абхазское и российское гражданство. Это вопрос их выбора. Потому что закон Абхазии сегодня разрешает двойное гражданство с Россией, но тройного гражданства он пока еще не предусматривает. Вот и все.

Виталий Гарнава – Кстати, именно так говорил на последней встрече в Гальском районе Президент Абхазии Багапш, встречаясь с населением. И многие проблемы там были сняты. И Станислав Зосимович тоже там был. Если вас интересует подробно государственная политика Абхазии в Гальском районе, можете потом спросить в кулуарах.

Но я хотел бы еще добавить. Что произошло на нашей территории? Мы все-таки не Европа, несмотря ни на что, наша ментальность несколько отличается, и мы должны всегда помнить, что в этом пространстве, в котором мы живем, действует принцип, согласно которому сила не в деньгах, а в правде. Мы так живем. Для нас деньги не являются критерием всего. Наш человек стоит несколько выше этого. Для нас важны категории справедливости, поиска правды. Весь серебряный век российской культуры стоит на этом, кстати, чьими внуками, собственно говоря, мы все являемся по большому счету, и говорим по-русски здесь, и воспитаны на этой культуре, при этом не забыв своих корней. Россия почему-то копирует западную модель поведения. Я думаю, мы как раз больше приспособлены к демократии, чем западные страны, потому что мы более свободны по духу. Демократия нам ближе. Просто мы должны научиться жить в ней по-другому, не так прагматично, как некоторые европейцы. Никто не должен никого подавлять на этой территории. Нужно найти гармонию. Русская широта души, этот колоссальный порыв уже несколько веков удерживает огромную территорию, ни один народ ведь не может похвастаться таким. Уже несколько столетий, от океана до океана, одна шестая часть суши фактически состоит в рамках одной страны. Это подвиг, невероятный подвиг. Таковую силу духа проявил этот народ. Поэтому можно сохранить это культурное, прежде всего,

пространство, именно в гармонии. Если мы найдем. А так, если мы начнем разговаривать при помощи силы и угроз, то ничего у нас не получится.

Магдалена Фричова – Я хотела начать с комментария по поводу выступления Арды насчет закрытости Абхазии. Я согласна с тем, что за последние 10 лет политика грузинского правительства по большому счету привела к закрытости абхазского сообщества и не давала выбора выходить к внешнему миру иным образом, чем через Россию. Это, конечно, вело, по моему пониманию, в сторону, противоположную и собственным интересам грузинской стороны. Это касается тех же паспортов и, допустим, пенсий, но также и в социокультурном плане, в более широком понимании. В большой степени абхазское законодательство, например, формируется под воздействием российского, то же самое в области образовательных программ и так далее. Мне кажется, Арда говорила о том вызове, который стоит перед Грузией и, особенно, перед международным сообществом, как способствовать более широкому открытию Абхазии, и ее доступу к другому, а не только к российскому опыту, чтобы был более определенный выбор. В этом плане, конечно, то, что господин Лакоба говорил, что планируются новые усиленные программы со стороны Евросоюза и так далее, то я абсолютно согласна, что это очень важно. Но в этом самом опять-таки вижу выбор, если будет развиваться эта же политика еврососедства, то надо наладить диалог в том плане, чтобы мы опять не добавили как бы четвертый угол к этому бермудскому треугольнику, чтобы не было диалога между Россией и Евросоюзом насчет влияния на Кавказе. Иначе возникнет большая опасность того, что опять-таки любое движение будет восприниматься на уровне опасений. И опять-таки тот кризис доверия, который существует между Россией и тем же западным миром, но также и между кавказскими странами, он, конечно, будет в этом случае углубляться. И не будет ни accountability (ответственности, отчетности), ни transparency (прозрачности) в этих процессах, которые возникают именно из-за этих двойных стандартов, которые упоминались.

И еще последний комментарий насчет Гальского района. С одной стороны есть парадигмы прав человека и с другой, реакции на

конфликтные ситуации. И конечно, очень часто есть критика насчет защиты прав человека, грузинского населения. Конечно, нельзя ставить под угрозу любые права человека, но если муссировать этот вопрос, если исходить только из правозащитной точки зрения, не учитывая более широкую реальность конфликта с опасениями и так далее, никуда не дойдете, естественно. Поэтому, мне кажется, что опять-таки вызов в том, чтобы привлекать обе страны к тому, чтобы снять эти опасения, и потом возможно было бы довести процесс до того, чтобы права человека на самом деле учитывались.

Манана Гургулия – Тут очень много говорилось по поводу иллюзий, которые питают абхазы, об опасениях. Абхазы не питают иллюзий по поводу скорого признания независимости, перспектив развития и прочее. Они достаточно реально смотрят на положение вещей. Если в Абхазии и питали какие-то иллюзии до выборов, то выборы, в общем-то, показали, сколь жестким может быть прессинг, давление со стороны части российского политического истеблишмента, некоторых групп, приближенных к высшим эшелонам власти или подвизавшихся около них. Мы на себе почувствовали, как можно все происходящее в республике перевернуть с ног на голову. И даже в этой очень сложной ситуации, в условиях жесткого давления, нам все-таки удалось выстоять, удалось шаг за шагом продвигаться к поставленной цели. Мы вполне понимаем, что у абхазов, как это говорил Владислав Григорьевич Ардзинба, «в отличие от Карабаха или Южной Осетии нет ни папы, ни мамы», нет неких постоянных покровителей. Мы понимаем, что те или иные страны, те или иные силы становятся покровителями либо союзниками на какое-то время. У крупных держав есть интересы – политические, экономические, геостратегические. И в зависимости оттого, входит Абхазия в сферу этих интересов или нет, ее замечают либо игнорируют, оказывают давление, либо на время оставляют в покое.

Тут также много говорилось о демократизации, о том, как демократические процессы влияют на взаимоотношения между Россией, Абхазией, Грузией. Может то, что я скажу, покажется странным, но чем больше в России и Грузии используют демократичес-

кую риторику, тем хуже для Абхазии. Так, демократическая риторика ельцинской России не мешала вводу против Абхазии жестких экономических санкций.

На этой встрече неоднократно говорили о том, что в России возрождаются имперские амбиции. Насколько это хорошо или плохо для самой России, выгодно или нет, судить россиянам. Что касается Абхазии, то именно сейчас Россия стала активнее развивать отношения с нами, и, в первую очередь, экономические. Ощутимее стала экономическая и социальная поддержка. И это при том, что Россия выстраивает за жесткую вертикаль власти, выступает за объединение субъектов федерации.

Можно оспаривать степень демократичности процессов, происходящих в России, но нельзя не видеть того, что российско-абхазские отношения стали более интенсивными, взаимовыгодными, более спокойными, не столь драматичными, как во время выборной кампании.

Теперь, что касается Сухумского аэропорта. Будьте спокойны, никто его пока не открывает и не откроет. А жаль. Что до вопроса возобновления сквозного железнодорожного сообщения, он обсуждался еще в 1995г. Был подготовлен проект соглашения, который должны были подписать российская, абхазская и грузинская стороны. Но он так и не был подписан. Сегодня экономические интересы и России, и Грузии, и Армении диктуют необходимость обсуждения этой проблемы. По проблемам, представляющим реальный взаимный интерес, таким как железнодорожное сообщение, энергоснабжение, происходят какие-то подвижки.

И еще об одном моем ощущении. Сегодня одни пытаются убедить абхазов, что Россия хорошая, другие, наоборот, что плохая. Этого не стоит делать. В Абхазии достаточно хорошо разбираются в том, кто сегодня – партнер, союзник, а кто – оппонент, актуальный или потенциальный противник. Абхазия не строит свою жизнь исходя из каких-то иллюзорных представлений. Мы хорошо понимаем трудности на пути развития нашей государственности, признания независимости. Но это выбор народа.

Сегодня важно и выгодно, прежде всего, Абхазии, но и ее соседям – России и Грузии, чтобы республика развивалась по пути де-

мократии. Процесс демократического государственного строительства в Абхазии должен приветствоваться, а не тормозиться всеми. В таком случае многие проблемы будут решаться более продуктивно.

Лиана Кварчелия – У меня очень короткая реплика, и она связана с тем, что Паата говорил по поводу перспектив на открытие аэропорта в Абхазии. Паата говорит, что без Грузии это невозможно сделать, к сожалению. У меня такой вопрос: почему бы Грузии не сделать этот шаг, почему не согласиться на открытие аэропорта? Зачем ждать, когда это сделает кто-то. Я понимаю, Паата, что ты бы на месте своего правительства не мешал этому процессу. Но говорите об этом своему президенту. Это как раз то поле, где Грузия могла бы попытаться конкурировать с Россией, но она ведь этого не делает. А те шаги, которые ты, Паата, назвал позитивными, например, отставка Надарейшвили, заметим, при сохранении автономных структур, они по значимости совершенно не сопоставимы с разблокированием аэропорта или морского пассажирского сообщения с Турцией. Ведь Надарейшвили был настолько одиозной фигурой, что дискредитировал саму Грузию, и его отставка была более выгодна для Грузии. Что касается расформирования отрядов так называемых партизан в Мегрелии, то они представляли собой на самом деле мощную криминальную структуру в Западной Грузии, и, наверное, Саакашвили, провозгласившему борьбу с криминалитетом и коррупцией одним из приоритетов, выгодно было избавиться от них. Так что по своей значимости для Абхазии и для Грузии эти шаги абсолютно не сопоставимы.

И еще один момент. Вот некоторые говорят, что Абхазия ведет себя негибко в переговорах. А в чем должна проявляться гибкость? В том, чтобы Абхазия согласилась на заранее известное решение, на формат, который предполагает известный результат? На самом деле весь переговорный процесс был построен на отождествлении урегулирования конфликта с сохранением территориальной целостности Грузии. Мне кажется, это абсолютно не тождественные вещи, и они сковывали переговорный процесс с самого начала. Надо менять парадигму переговоров, их формат не должен отражать интересы исключительно одной стороны.

Геворк Тер-Габриэлян – Позвольте начать последнюю сессию нашей встречи. Мы предлагаем уже не просто делиться мнениями и информацией, а уже предлагать идеи.

Пола Гарб – Я уточняю, мы будем сначала говорить только и только об оценке конференции, а отдельно – предложения.

Геворк Тер-Габриэлян – попытаемся понять, что здесь произошло и дает ли это основания и какие основания для каких-то шагов в будущем, для идей проектов, для продолжения разговора.

Сергей Маркедонов – Мне кажется, что нынешняя встреча действительно некий шаг вперед. Установилась традиция, уже хорошая традиция, грузино-абхазского диалога. Два экспертных сообщества, их представители встречаются, общаются, высказывают какие-то позиции. Я внимательно ознакомился с девятью томами грузино-абхазского диалога, которые издал Калифорнийский университет, и в высказываниях представителей и грузинской и абхазской сторон звучали тезисы о том, что хорошо бы услышать представителей российского экспертного сообщества. Это, кстати, к вопросу о присутствии или не присутствии России. Я участвую и, помимо российско-грузино-абхазского формата, в российско-армяно-азербайджанском. То же самое и с армянской, и с азербайджанской стороны – где Россия, где ее позиция, где российское экспертное сообщество? То есть, подводя резюме – есть некий запрос со стороны экспертного сообщества, разных экспертных сообществ Южного Кавказа, на проявление, заявку и разъяснение российской позиции, либо отсутствие оной. Поэтому подключение российской стороны к этому формату, на мой взгляд, очень продуктивно и очень хорошо, что это подключение здесь состоялось.

Еще вчера я говорил, что каких-то завышенных ожиданий я не испытывал, что мы сейчас решим грузино-абхазскую проблему. Ничего себе, ее разрешить! Это ведь проблема не только и не столько политического, или тем паче экономического плана, это проблема этнической, национальной самоидентификации. Что такое для Грузии Абхазия? Это национальная травма. Это, так сказать, осевое вре-

мя, говоря словами Ясперса об истории постсоветской Грузии. То же самое для абхазов, это осевое время новой государственности, постсоветской государственности, пусть и непризнанной. Поэтому эти вещи имеют символический и эмоциональный оттенок. Это не факты политические, это в большой степени явления психологического порядка.

Если говорить о будущем формате, нужно ли продолжать такие встречи? Нужно, конечно. Хотя прекрасно надо понимать, что реально продвижения какого-то, наверное, эти встречи не принесут. Мне кажется, что очень важно и продуктивно было бы в будущем вырваться из того круга идей, которые уже озвучены. Здесь говорили и высказывали определенные мысли и тезисы. Вот разговор о статусе. Вот разговор об экономическом сотрудничестве. Вот разговор о возвращении беженцев. Мне кажется, что тот круг идей, который есть по урегулированию грузино-абхазскому, он не работает и идея с возвращением беженцев не работает, и вопрос о статусе, не готова Абхазия к обсуждению статуса в составе Грузии, и не будет готова завтра, послезавтра. То есть, возможно и необходимо искать какие-то новые идеи. И мне кажется, что было бы очень продуктивно на подготовительном этапе как-то попытаться среди возможных будущих участников, провести какие-то консультации, какой-то *brainstorming* по определению этих новых идей. Пусть даже немножко завиральных, пусть даже несколько нереалистичных. Но надо вбрасывать и обкатывать новые идеи, проводить какие-то новые ситуационные анализы. Потому что этот круг идей, который мы обсуждаем: беженцы, статус и прочее, уже все было, это не работает. Мы просто по второму, третьему, двадцать пятому кругу воспроизведем тот набор претензий и стереотипов, который у сторон есть. Поэтому нужны какие-то новые вещи, касающиеся, кстати, если говорить о России, российского формата. Здесь хорошо новую идею вбрасывать и пытаться ее рассматривать.

Еще если говорить о самой проблеме грузино-абхазского диалога, или российско-грузино-абхазского диалога, конечно, это может быть не совсем наша задача, но мы должны проговаривать, что этот диалог должен быть не только на уровне экспертного сообщества. Экспертное сообщество это только одно из направлений. Это диа-

лог, который должен вестись между молодыми политиками. То есть, новое поколение, то, о чем Александр говорил, очень верный момент. Это ложится очень хорошо в философскую концепцию Ортега-и-Гассета – смена поколений, как главный стержень исторического развития. Происходит смена поколений. Если представители старшего поколения хотя бы в глаза друг друга видели, может быть, даже и с ненавистью, зная что, есть где-то такой Ляпкин-Тяпкин, то представители нового поколения, может быть, даже и не видели друг друга в глаза. Может быть они искренне считают, что грузины – с двумя головами, или абхазы убивают детей, а кровь используют для приготовления пасхи. То есть вот эти вещи надо, конечно, убирать.

Должно быть расширение этих площадок. Помимо экспертного сообщества, должен вестись разговор академических специалистов, молодых политиков, и даже, скажу совершенно провокативную мысль – это общение и круглый стол радикалов, экстремистов, людей, занимающих радикальные позиции. Не надо, кстати, думать, что эти радикалы при встрече друг с другом передерутся. Одно дело, когда ты в своем сообществе, в своей стране выступаешь с такой позицией, другое дело, когда под присмотром международных наблюдателей, вот он есть тот реальный противник, которого ты так мифологически конструируешь где-то там. Диалог экстремистов это не столь завиральная идея на самом деле, как может показаться на первый взгляд. Еще раз говорю, нужны более смелые, креативные подходы, даже парадоксальные. Потому что по двадцать пятому разу обсуждать проблему беженцев и то, что она не реализуема, не очень интересно в будущем.

Ираклий Какабадзе – Я бы хотел в первую очередь выразить благодарность за организацию таких встреч уже в течение многих лет Поле, Геворку и моим друзьям, грузинским и абхазским, которые участвовали в этих встречах, и думаю, что это очень многое принесло уже. Но на этом этапе, думаю, будет очень и очень важно задавать, еще раз хочу согласиться с Ардой Инал-Ипа, идеально-прагматический тон. То есть, с одной стороны – идеализм и верить в хорошее, думать о будущем, быть футуристами в хорошем смысле, но вместе с этим быть прагматистами. Я думаю, что следует созывать такие встречи с

конкретными целями. Например, сотрудничество в экономике, бизнесе всех трех сторон, думаю, что российская сторона может в этом принять конструктивное участие. Можно привлечь еще американскую и европейскую стороны на эти встречи как доноров, как инвесторов будущих, представителей всех этих заинтересованных и незаинтересованных сторон. Экономические вопросы, думаю, стоят на первом месте, и нужно стараться фокусироваться на результате от каждой из этих встреч через месяц, два, чтобы перейти на режим deadlines и осуществлять какие-то проекты, которые уже принесут конкретные, ощутимые результаты в самом регионе. И в Зугдиди, и в Гудаутах и в других городах, чтобы это было видно населению, чтобы доверие увеличилось.

Второе, чтобы обозначить пути профессионального сотрудничества многоплановой дипломатии, я согласен с господином Маркедоновым, что нам нужна профессиональная многоплановая дипломатия тоже с конкретными целями, и можно эти конкретные цели обозначить. И самое главное, я думаю, то, что нет объединенного фронта мира, который существует во всех цивилизованных странах, в первую очередь в Грузии, не знаю как в Абхазии и России. И если Грузия хочет стать цивилизованным обществом, думаю, что необходимо создавать объединенный фронт мира. Но дело в том, что в первую очередь надо воссоединяться в обществах, а потом меж обществами и сделать такую большую стену перед войной, чтобы война стала бы вероятной невозможностью. И над этим, думаю, мы можем работать, и это тоже конкретная цель.

И в третьих, я думаю, что Грузия и Абхазия должны стремиться к европейским структурам, надо над этим работать, и мы, грузины, должны научиться понимать легитимные абхазские интересы.

Джана Джавахишвили – Мне было очень интересно, и очень интересно участвовать. Я бы предложила в следующий раз попробовать формат сценарной игры, если какие-то оптимальные сценарии развития ситуации согласовать и проиграть, и может даже стратегически планировать, проанализировать какую-то пользу конкретного сценария.

Вальтер Кауфманн – Наверное, стоит продолжать мультисторонний формат, хотя у меня есть некоторые сомнения насчет такого стиля конференции, когда мы 2-3 дня сидим за таким столом, и все-таки очень многое повторяется. Мне кажется, что нужно более фокусировать тематически, и хотелось бы, чтобы лучше фасилитировали мы, в смысле, чтобы действительно была последовательность в обсуждении вопросов. С одной стороны, довольно широкий дискурс имеет преимущество, поскольку дает возможность коснуться всех тем, которые интересуют участников. С другой стороны, обсуждения были немного расплывчатыми, друг друга не комментировали, иногда можно было ожидать больше от некоторых аспектов. У меня есть идея еще расширить формат, не только включить Россию, но и представителей, допустим, из ЕС, которые занимаются абхазским конфликтом, или из США, но не в виде какой-то официальной международной конференции экспертного сообщества. Это, по крайней мере, не то, чем занимается Фонд Белля, это должны быть неформальные встречи, характер даже этой встречи слишком формален. Я поддерживаю в принципе предложение Джаны, если можно в рамках такой встречи использовать разные форматы.

Насчет тем, тематики, мне кажется, что действительно самое главное в нашем кругу жить этим конфликтом, накопленный опыт в какой-то мере дает возможность жить этим конфликтом. Когда каждая встреча создает ожидания, и телеканалы спрашивают, решает ли эта встреча конфликт, это, конечно, глупо, утомляет и малопродуктивно. И конечно, интересно обсудить существенные вопросы. Вот есть конфликт, но самое главное все-таки узнать, можно ли расширить пространство, которое существует вопреки конфликту, и в это пространство привлечь новых людей. Я бы не хотел пригласить молодых для того, чтобы с ними в первую очередь обсудить грузино-абхазский конфликт, статус, кто виноват, кто не виноват, все эти процессы. Наверное, это неизбежно, но с другой стороны, ценнее для меня передать им тот опыт, который в какой-то степени есть и можно, так сказать, несмотря на конфликт или все-таки смотря на конфликт, другие темы обсуждать, развивать и даже некоторые совместные идеи развивать.

И последнее, насчет совместных идей. Я не только для трехстороннего формата, но и для двухстороннего формата для продолже-

ния проекта Пола Гарб, как мы его называем, хотел бы уточнить, мне было бы интересно от вас, координаторов и участников, узнать, насколько конкретно можно заниматься проектом, как вы понимаете суть и смысл проекта. Только и в основном в диалоге? Или же есть какие-то шаги, о которых можно было бы конкретно договориться и собираться?

Пола Гарб – Я тоже не хотела ехать сюда с большими ожиданиями, потому что это всегда однозначно приводит к разочарованию. Но я очень довольна. Действительно, со всех сторон очень интересные мысли. И эта третья сторона, которая появилась, добавила больше к тому, о чем можно думать и говорить. Конкретно я хочу сказать о прошлом процессе. По-моему было немаловажно для успеха то, что одни и те же люди, хотя бы ядро, участвовали во всех встречах. Поэтому если мы дальше будем встречаться в трехстороннем формате, я бы очень хотела, чтобы те люди из России, которые сидят за столом, готовы были продолжать, чтобы вы тоже стали ядром, чтобы не начался разговор с самого начала.

Насчет крайних позиций, это методологически очень правильно, к этому надо стремиться, но это требует эволюции, и надо торопиться, но не приступать в следующий раз. Я бы предложила стремиться к тому, чтобы в декабре, до конца этого года, снова провести встречу, тоже разного формата, очень хорошо обдумать темы. Я давно хотела вернуться к начатому опыту, по-моему, это было в 7-м и 8-м номере сборника, где мы начали серьезно говорить об интересах. Проанализировать интересы. Я бы хотела продвинуть этот разговор и вместе с Россией.

Насчет добавления людей из тех стран, обществ, которые принимают участие в переговорах, это интересный момент и в какой-то степени Геворк говорил об этом раньше меня. На самом деле сегодня мы уже приблизились к такому формату, естественно, мы не политики, но гражданское общество, если широко толковать. И на самом деле мы очень хорошо дружим, все организации, которые занимаются этими вопросами и координируем нашу деятельность. И мы должны, прежде чем приглашать политиков, думать о том, как это пересекается или дублирует то, что уже делается в Шляйнинге. Это

единственное «но» по поводу этого. Когда мы встретились в Лондоне, вот эти три крупные организации Ирвайн, International Alert и Conciliation Recourses, то пришли к выводу, что наш проект – это пространство для диалога гражданского общества, и мы не должны забывать о том, что нужно продолжать в этом ключе. И сейчас мы с Ардой и Паатой достаточно детально говорили о том, как мы собираемся подытожить, проанализировать пройденное. Я бы хотела, чтобы следующий раз мы вышли с уже хорошо оформленным описанием и анализом этого дискурса, выделив наиболее важные моменты, которые уже накоплены. Хочется вытащить шедевры (*смех*), которые высказываются опять и опять, чтобы снова не возвращаться к ним, а как-то зафиксировать и идти дальше, чтобы не повторяться. Я надеюсь, что мы найдем и средства, и время, чтобы систематически подниматься на другой уровень. И brainstorming, и ролевые игры, и стратегический момент мы можем действительно включить и хорошо организовать следующую встречу и, может быть, даже подумать о какой-то серии встреч, чтобы знать, что первое приведет ко второму, к третьему и так далее.

Паата Закареишвили – На самом деле, очень важны последние часы наших встреч, потому что мы как-то подытоживаем то, что делали и строим будущие планы. И всегда возникает вопрос – для чего мы все это делаем, для какой цели? И журналисты тоже спрашивали сейчас – чего вы добились? Лично для меня уже сам процесс очень важен, потому что есть возможность передавать друг другу более-менее достоверную информацию о происходящем в наших обществах, тем более, после довольно серьезных политических событий, как в Грузии, так и в Абхазии. Это первый такой серьезный присест что ли, и обдумывание, обмен информацией, которая потом поможет нам проанализировать, на каком этапе мы находимся, и какова динамика. Но все-таки, так как мы не политики, мы непосредственно не можем реализовывать достигнутые здесь результаты. Мы должны искать другие способы, чтобы видеть то, для чего мы собираемся. Тот формат, который у нас есть, это публикация материалов наших бесед, это очень важно и нужно, и надо это продолжать. Но раз к нашему двустороннему диалогу подключилась российская сторона, и она

очень оживила и внесла другое содержание в наш диалог, я надеюсь, что двусторонняя часть не пропадет и обязательно будет продолжаться, но эта трехсторонняя также очень важна.

Неплохо было бы вернуться к той идее, с которой когда-то распрощались – проводить такие встречи у нас на местах и тем самым больше влиять на наши общества. Я понимаю, что для абхазского общества, абхазской стороны, очень трудно проводить грузино-абхазские встречи в Абхазии, потому что у вас это привязывается к Грузии, кто-то скажет: «вот, опять нас тянут в Грузию, опять с грузинами общаетесь» и так далее. Но если третья сторона подключается, по-моему, этот момент можно снять. Надо проводить грузино-абхазо-российские встречи сами по себе, но надо влиять непосредственно на наши сообщества на местах. Мне кажется, если, к примеру провести такую встречу в Абхазии, неважно в Сухуми или Пицунде, то абхазская сторона могла бы быть представлена шире. Если такую же встречу проводить потом в Тбилиси, Грузии, то уже грузинскую сторону можно представить шире. И соответственно было бы больше возможности влиять на другие сегменты нашего общества. Важно, когда абхазов в Грузии слышат, и прессу можно подключить, чтобы расширить возможности влияния на общественное мнение. Тогда этот наш проект получил бы новое дыхание и соответственно новые перспективы и новые возможности. Если мы в такую сторону будем смотреть и развиваться, это будет как раз тем неосвоенным, тем, чего на самом деле требует и ждет наше общество.

Я абсолютно согласен с господином Маркедоновым, что надо обязательно подключить агрессивные крылья, агрессивные фигуры с обеих сторон. Это очень важно. Потому что я убедился уже не раз, что когда их подключаешь, они становятся более ответственными перед самими собой, перед своим сообществом, группами и как-то более трезво начинают мыслить и реагировать. Поэтому я приветствую это и считаю, что это надо поддерживать.

А также то, что Вальтер сказал, что было бы неплохо, если другие эксперты подключатся. Но самое главное, чтобы были ведущие игроки Грузия, Абхазия и Россия. Соответственно этот формат надо выдерживать, но было бы неплохо, если бы какой-нибудь эксперт приехал из Европейского Союза и сказал бы о каких-то перспекти-

вах, о своем видении. Или потом можно из НАТО эксперта пригласить, который скажет как в НАТО смотрят на такие вещи. Это очень оживило бы и внесло бы, скажем, новый смысл в наши встречи.

И было бы неплохо обсудить то, о чем Батал сказал, что международное право вошло в тупик в вопросе о том, что преимущественно: коллективное право или индивидуальное право? Я думаю, что это очень важно в контексте самоопределения народов, которые являются на самом деле одним из основополагающих звеньев международного права. Что подразумевают в современном международном праве понятие самоопределения народов, например, в каком формате, в каком контексте? Можно было бы одну тему взять. Можно, конечно, и политические темы, но основным звеном одну какую-то серьезную тему. Самоопределение и его толкование в международном праве. Можно даже найти тех экспертов, которые противоречат друг другу. Есть в мировой практике такое, когда профессора в разных университетах по-разному преподают одни и те же темы. Можно было бы двух экспертов пригласить, которые имеют совсем разные взгляды и они могли бы спровоцировать какой-то продуктивный процесс в нашем разговоре. Или же есть мировые практики конституционных решений конфликтов, бывает, что сперва конфликты решаются, потом конституции пишутся, и наоборот. Вот такие вопросы можно было бы решать, обсуждать.

Арда Инал-Ипа – Хочу отреагировать на то, что сказали Вальтер и Сергей. Вальтер спросил, готовы ли мы постоянно только в таком формате работать: диалог ради диалога и ничего кроме него. Нет, конечно, но и диалог тоже разный бывает. Если мы немножко поменяем свои задачи, будем не просто говорить о проблемах, обмениваться мнениями, представлениями, а поставим такую мыслительную задачу – переформулировать проблемы в задачи, общие задачи, решение которых изменит ситуацию к лучшему. Мне кажется, что если мы будем смотреть под таким ракурсом, то может быть, действительно сможем найти какие-то новые аспекты.

Что касается предложения Сергея о необходимости, как вы сказали, завиральных проектов. Вот одну из таких завиральных идей я хочу сейчас предложить. С одной стороны очень многообещаю-

щая и интересная концепция еврососедства в каком-то смысле уже дошла до Абхазии, с другой стороны, есть вполне резонные интересы России, касающиеся ее непосредственного соседства. Эти два процесса, интересы с двух сторон пересеклись на каких-то территориях, в том числе и на Южном Кавказе, то есть они как бы перекрывают, наслаиваются друг на друга. Программа Еврососедства и возможная программа реализации российских интересов в ближнем зарубежье. Если бы российская сторона могла бы тоже как-то сформулировать концепцию российского соседства, если бы предложить представителям российской стороны и Евросоюза подумать о каком-то общем представлении о том, как должны развиваться процессы на этих территориях, чтобы были решены проблемы, представляющие общий интерес для всех сторон: проблемы безопасности, соблюдение прав человека, экономического развития и т.д. Мне кажется, что можно сделать так, чтобы эти интересы не были бы угрозой друг для друга, не осмысливались бы как противоречащие, как вытесняющие те или иные силы, а наоборот, воспринимались как основа для возможного продуктивного сотрудничества. Вот над этим можно было бы подумать, над такой концепцией соединения политики Еврососедства с политикой России в ближнем зарубежье.

Александр Чечевишников – Пара слов в развитие и для конкретизации того, что сказал Иракий относительно подключения к этому диалогу более конкретной тематики наряду с уже традиционной тематикой для этих встреч. Я говорю о тематике более конкретной, которую хотя бы теоретически можно вывести на практику. Я предлагаю три направления, о которых можно говорить достаточно прагматически, и представления сторон здесь могут соотноситься более прагматично, продуктивно. Это те направления, где либо уже есть практическое взаимодействие между Абхазией и Грузией, либо взаимодействие реально мыслимо.

Первое направление – энергетика. Можно приглашать вполне конкретных людей. Если эту тематику сажать в общекавказский контекст, контекст энерготранспортных проектов на Южном Кавказе, соотнести интересы Абхазии, России и других субъектов, то здесь

смогут появиться новые идеи, которыми можно «оплодотворять» практических людей.

Второе направление – транспорт, что также очевидно.

И третье направление, оно более статично, тем не менее, оно вечно, и в нем сосуществуют вне зависимости от своего желания и граждане Абхазии, и граждане Грузии – это экология. Территории очень маленькие, и что аукнется в Абхазии, откликнется в Грузии, и наоборот. Об этом, мне кажется, очень мало в контексте грузино-абхазских отношений, очень мало говорится, а для обеих стран это вопросы выживания и процветания, и нормальной жизни.

Батал Кобахия – Если говорить о трехстороннем формате, то, конечно, это один уровень. Но я хотел бы сказать об усилении возможностей, открывающихся в трехстороннем формате, я бы иногда моделировал и другие форматы. Потому что у грузин, например, есть опыт грузино-российских встреч, взаимоотношений, выяснение каких-то позиций, сторон, и в том числе они касались и Абхазии. Было бы неплохо сделать тоже какую-то встречу российско-абхазских экспертов, чтобы они тоже в спокойном, милом кругу могли обсудить какие-то проблемы, чтобы вынести их потом на трехстороннюю. Можно было бы сделать другую – осетино-грузино-абхазскую встречу, чтобы обсудить какие-то вопросы. Также неплохо было бы провести осетино-абхазо-российскую встречу или осетино-абхазскую. Для чего это? Чтобы все участники этого процесса имели равные, сбалансированные возможности для получения какого-то опыта, который они могли бы потом выложить на стол в различных форматах. И перспектива этого формата, конечно, хороша, потому что мы в первый раз как-то выходим за круг виртуальных участников, мы все время говорили о третьей силе, России, наконец, она и появилась, здесь. Наконец мы их пригласили и даже, помните, первая встреча нас немножко потрясла – мы думали, придет монолитная Россия, а они все такие разные, их точки зрения настолько разные, что мы, грузины и абхазы, в какой-то момент объединились, чтобы помочь русским консолидироваться в единое мнение. Это тоже интересный опыт для нас.

Что касается того, как мы можем влиять? Для меня всегда это важно. Кто-то тут говорил, что можно написать еще тридцать книг,

и кто-то как детектив будет их читать. Это было бы интересно. Но для меня самое главное, чтобы любые наши форматы влияли на переговорный процесс. На тех, кто в него включен официально на политическом уровне, потому что мы можем, что угодно тут решать, но если политические соглашения не будут соответствовать нашим ценностям и представлениям как разрешать конфликт, то не думаю, что конфликт разрешится. Я подумал, может нам есть смысл, и мы ни разу этого не делали, подумать не о статусе, и не о том, как могли бы вернуться беженцы, подумать не о безопасности возвращающихся, а о безопасности тех, кто их должен принять. Какие гарантии у тех, кто из примет, чтобы они не были поглощены или вовлечены в те или иные опасные процессы. Тут вопрос собственности, вопрос компенсаций различного уровня от юридического до этического и психологического. Если бы мы могли обсудить, Паата тоже говорил об этом, что важнее – индивидуальное или групповое право. Если бы смогли инициировать обсуждение определенных вопросов в переговорном процессе, например, проблему репатриации. Сама проблема ни разу вообще не ставилась на этом уровне. Она ставилась только неправительственными организациями в Абхазии. Нас всегда удивляло, что наша политическая элита ни разу не выдвигала этот вопрос. Но тут как раз-таки роль России очень просматривается, потому что, у меня ощущение, что именно российское влияние отражается в том, что Абхазия не очень-то инициирует обсуждение проблемы депортированного населения. Получается странная ситуация, депортация произошла из-за политики царской России и для всех остальных участников этого процесса – представителей народов Северного Кавказа был определен статус как репатриантов для их возвращающихся потомков, и только для абхазов, поскольку Абхазия сейчас территориально якобы находится в Грузии, вопрос не был решен. Очень странно, что по поводу одних и тех же исторических событий для одних этот вопрос был решен, а для нас нет. Но я уверен, что если бы эта проблема была включена в повестку дня на переговорах, то и Турция бы включилась и другие страны, и многие опасения у абхазов были бы снижены, потому что вопросы демографического баланса сразу как-то прояснились бы. Есть еще очень много тем.

Если бы массу этих вопросов мы решили, приняли бы репатриантов, то в конце могло бы случиться, что и Абхазия попросила бы войти в состав Грузии, а Грузия сказала бы: «какой кошмар, вы нам не нужны, лучше будьте независимым государством и мы с вами будем соседями». Либо другой вариант. Может быть, Россия пришла бы в ужас, оттого что придется нас принимать с репатриантами. Если бы мы могли способствовать тому, чтобы на официальном переговорном уровне, где участвуют не только абхазская и грузинская политические элиты, но и представители международного сообщества, вот эти вопросы были включены, для меня это был бы положительный результат. Если мы будем просто встречаться – тоже неплохо, но я против того, чтобы встречаться, например, завтра в Пицунде, или Тбилиси. Конечно, для кого-то это привлекательно, что мы ближе к телу, но это было привлекательно, может быть, шесть лет назад, на это надо было иметь мужество и все такое, а сейчас мне и в Москве не очень комфортно. Честно говоря, у меня все время ощущение, что где-то уши осла присутствуют, наблюдают и, может быть, мне было бы удобнее говорить в таком формате ни в Грузии, ни в Абхазии, ни в России, а где-нибудь в другой стране, во Франции. В Ирвайне, да, хорошо, но я туда не попаду. Туда Какабадзе попадет, он же пацифист.

Геворк Тер-Габриэлян – Я себя тоже записал. Все, что я хотел сказать, многие здесь уже сказали, просто хотел, еще раз привлечь внимание участников к тому, что, как мне кажется, одна из причин, почему конфликты на Кавказе не разрешаются – это совпадение внутривнутриконфликтных причин и внешних факторов. Это тривиальность такая. Поэтому идея о том, чтобы Россия вместе с Европой и США сели бы и пригласили грузин и абхазов, или наоборот последние бы их пригласили, кажется мне полезной. Если бы эти два процесса как бы происходили вместе, я не имею в виду правительственный уровень, хотя это было бы очень хорошо, то дело бы очень серьезно сдвинулось с мертвой точки. Правда, есть Женевский процесс и Сочинский, но мне прекрасно известны случаи, когда из-за того, что какая-то из заинтересованных сторон чувствует, что ее оставили вне процесса, какие-то договоренности не двигаются вперед. И то же самое на неофициальном уровне.

И второй момент. Очень важным, мне кажется, привлечение представителей российских, и здесь есть у нас огромный выбор, потому что их очень много, тут масштабы другие. Из Грузии и Абхазии, Армении и Азербайджана, можно привезти несколько человек, которые многофункциональны, у них есть доступы в разные сферы. А из Москвы или вообще из России очень трудно выбрать и решить – кого привлекать, и ваше участие, участие этой корневой группы, о которой уже говорилось, было бы очень важным. Здесь звучал экспертный анализ. Одной из причин того, что, несмотря на неразрешенность, в конфликтах много чего можно делать, является то, что встречаются и обсуждают конфликты люди гражданского общества, очень творческие люди. Когда ты говоришь *real politic*, ты говоришь, что это либо возможно, либо невозможно. Аэропорт или откроют, или не откроют?! А пойти, например, совместно с грузинскими, я сейчас фантазирую, или абхазскими, или русским молодыми людьми и сначала асфальт восстановить в этом самом аэропорту. Я просто фантазирую, но хочу сказать, есть возможность предпринимать очень многое, если выходишь из этого дискурса *real politic*. Я думаю, уже сложилась ситуация, когда возникает первое поколение русских, россиян, специализирующихся по Кавказу. Это не значит, что сами кавказские россияне менее значимы должны быть, но очень важно, что они привлекаются постепенно, это значит, что для самосознания России увеличивается удельный вес Кавказа и других новых независимых государств, не хочу говорить постсоветских. Вот эти люди изучают Кавказ, едут даже туда. А между тем с ним можно общаться и можно жить, и с ним можно дела делать. Вот этот уровень очень важен, чтобы он постепенно начал развиваться и возникать.

Виктор Воронков – Мне все больше нравится идея видеть в этом круглом столе, круглый стол гражданского общества, все-таки. Гражданское общество не имеет национальных границ, честно говоря, сегодня оно транснационально. Мы знаем, что есть огромное количество проблем, которые эти границы перешагивают, и решать их можно, конечно, вместе. Кроме того, мы все, кто здесь является представителем гражданского общества, сотрудничаем с гражданскими

организациями других стран, связанными с отдельными активистами, опираемся на фонды, которые являются частью гражданского общества. Поэтому мне представляется, что есть масса проблем, которые можно решать совместно, исходя не из перспективы государств, чьими гражданами мы являемся, а из другой перспективы, перспективы гражданского общества. Мы можем защищать эти основные ценности наших слаборазвитых гражданских обществ в Абхазии, России и Грузии, самоорганизовываться для решения тех проблем, которые мы считаем проблемами. Размышлять о методах переговоров с нашими государствами и давления на них, чтобы политики принимали решения, которые мы предполагаем верными. Создавать альтернативные экспертизы. У нас может быть мало ресурсов, но мы можем их объединить и помогать вместе решать проблемы в тех или иных государствах.

Я бы предложил создать такой круглый стол

Я бы предложил создать такой круглый стол, brain-storming проблемно-ориентированный. И каждый раз на встречах заниматься мозговым штурмом по решению тех проблем, которые возникают в связи с этим конфликтом или вообще с сосуществованием на Южном Кавказе. Обычно все проблемы формулируются государством, государство задает нам дискурс, в котором мы мыслим и мы многое считаем аксиоматичным. Я бы поддержал Арду, которая справедливо говорит, что есть и другие перспективы, давайте, посмотрим совершенно по-новому на эти проблемы. Проблемы со стороны людей, со стороны гражданского общества, мнение которого мы пытаемся формулировать.

Поэтому, например, вот эта интересная тема, которую тоже Арда предложила, это развитие периферий наших государств, которые находятся на границах. У государства не доходят руки, чтобы, проложить дорогу туда на край, или что-нибудь там сделать, дай Бог со столицей справиться, и справляются со столицей, особенно Россия. А вот попытки совместными усилиями сделать эти регионы новым центром развития, создав возможности сотрудничества, не обязательно на государственном уровне, на уровне людей, бизнеса, NGO и так далее, я думаю, что это перспективная задача. Не знаю, как и где, но на границе России и Абхазии это уже вполне возможно. Наверное.

Мне кажется, что развитие гражданского общества в принципе, чему мы можем достаточно эффективно способствовать такими круглыми столами, не менее важно, чем часто идиллические представления, иллюзии о том, что многие из нас могут давать советы государству, и государство будет прислушиваться. Ничего не могу сказать про Абхазию, потому что там гражданское общество так близко к государству и так с ним перемешано, что вызывает удивление и некоторую зависть, наверно.

Гурам Гумба – Я собственно хотел бы внести одно предложение, но прежде всего, естественно, необходимость таких встреч абсолютно не вызывает сомнения. Но, как сказал господин Воронков, было бы продуктивнее, если бы мы саму беседу, обсуждение этих проблем проводили не в плоскости политических международных стандартов, а на уровне тех неформализованных, глубинных интересов, которые существуют у каждой из сторон, и которые имеют влияние на формирование тех или иных.

В этой связи желательно участие тех грузин, которые раньше жили в Абхазии. Насколько я знаю, они уже участвовали в нескольких таких встречах. И с абхазской стороны есть люди, которые находятся сейчас за пределами Абхазии, но их незримое присутствие в Абхазии всегда есть, мы и они это всегда чувствуем. Это интересно, и мы свое будущее тоже связываем с нашими взаимоотношениями с ними. Это не просто слова, потому что в любой момент, в любые времена за последние 100 лет, во время любых ситуаций, происходящих в Абхазии, представители нашей диаспоры всегда оказывались рядом с нами. Так, как это было 1918 и 1921 годах. Они обязательно приезжали на родину. То есть, в период борьбы за освобождение Абхазии они принимали непосредственное участие. То же самое в 92-93 годах. Я имею в виду наших беженцев, которые проживают в Турции, в арабских странах и Западной Европе. У меня такое предложение, чтобы они могли принимать участие в этих встречах, хотя бы несколько человек, насколько это позволяет формат. Потому что для нас это имеет очень большое значение. И также интересно было бы узнать мнение грузинской стороны, тем более, российской, как этот процесс наших взаимоотношений может повлиять на решение этой проблемы.

Александр Скаков – Сначала я хотел прореагировать на слова Геворка насчет того, что как хорошо, что в России много тех, кто занимается проблемами региона, и что большой выбор, кого можно привлекать. К сожалению, немножко не так, потому что выбор на самом деле очень маленький и мало, кто находится в дискурсе данной проблематики. И вообще проблематика той же самой Абхазии отнюдь не является такой глобально доминирующей в нашей парадигме мышлений про СНГ и т.д. И даже проблемами гораздо более в данном случае важной для России Украины занимается в Москве и Петербурге очень узкий круг людей и очень мало, кто разбирается в этом серьезно. Про Кавказ я уже и не говорю, этот круг еще меньше.

Что касается примеров, один мой знакомый в нашей провинции в довольно большом городе сейчас занимается проблемами СНГ, а раньше занимался проблемами католицизма в Бразилии, не зная португальского языка и ни разу не бывая в Бразилии. Примерно такой уровень сейчас и у многих специалистов по Кавказу. Я не думаю, что вам интересно было бы общаться с такими «специалистами» по Абхазии. Мне не хочется перехваливать Сергея или самого себя, но очень многие, кто говорит об этой проблематике, постоянно путают Абхазию и Аджарию. Это тоже типично. К примеру, наш известный политолог господин Дугин, судя по одной из своих статей, был глубоко убежден, что Абхазия добилась независимости от Грузии, а Южная Осетия воевала с Грузией, но независимости не добилась. Поэтому, чтобы как-то с этой ситуацией бороться, чтобы действительно был большой выбор, мне кажется, имело бы смысл в большей степени привлекать к таким трехсторонним встречам экспертов с Северного Кавказа, которые в гораздо большей степени владеют ситуацией в регионе в целом.

И второе, о чем мне хотелось сказать, что одна из возможных тем таких будущих встреч это то, что, возвращаясь к врачебной тематике, можно назвать экономической, психологической и социальной реабилитацией Абхазии. Это, безусловно, важно для абхазов. Это очень важно для России и, на самом деле, интересно и важно для Грузии. Это затрагивает интересы всех трех сторон, и не только трех сторон, но и других участников. И опять же в этом контексте было бы полезно привлечь северокавказских экспертов, то есть они тоже могли бы, наверно, что-то полезное сказать.

Геворк Тер-Габриэлян – Смотря, во-первых, кого считать экспертом, и, во-вторых, как разобраться, кто есть эксперт, а кто нет. Дело в том, что Кавказ, как и политика, это вещь о которой имеют легитимное право иметь мнение очень многие люди: все те, кто там живет, те, кто раньше Бразилией занимались и т.п. То есть, о политике, о погоде, о Кавказе имеют право иметь мнение очень многие. В мире такие темы тоже есть, например, терроризм. Поэтому вы могли бы помочь разобраться, кого и когда нужно привлекать. Я приведу пример, когда, скажем, ты, Александр, только что привел интересную идею, думаю, она очень подходит к повестке дня Евросоюза на сегодняшний день. Было бы очень интересно скооперироваться, но кого из России приглашать туда? Тех, кто реальным бизнесом в Абхазии занимается, например, туристическим, или же тех, кто хотел бы и т.д., то есть, кого? Каких специалистов? Тех, кто хотел бы заняться реабилитацией Абхазии или тех, кто уже специалист по Кавказу? Вот огромное количество вопросов, которые возникают.

Виталий Гарнава – Я начал с того, что не питаю иллюзий от таких встреч. Дело в том, что надо преодолевать колоссальный психологический барьер, который возник, естественно после войны. Хочу привести такой пример. Для нашего поколения, для всех, кто вырос в Гаграх и в Сухуме тоже, футбол был спортом № 1. Все играли в футбол. И когда я однажды, где-то в 12-13 лет, впервые заметил, что мой отец не болеет за «Динамо-Тбилиси», я был очень удивлен, и стал пытаться его: «ты что, как это, вся страна болеет за «Динамо-Тбилиси», а ты?». А он говорит: «а я за «Динамо-Киев», и все». Какой Киев, думаю, что он говорит?! Я долго не мог понять, причем тут Киев, вообще, где Гагра, где Киев? И думал, что это все-таки связано с 37-м годом. Все-таки я допытался, почему. До 89-го года у нас был достаточно высокий уровень жизни в Абхазии, и культурная жизнь была на высоком уровне, а в культурной среде, как вы знаете, не принято выражать свою ксенофобию, даже если она в тебе есть, и даже мой отец мне никогда ничего не говорил. И только когда начались известные события, когда стали обостряться отношения, я вдруг, выяснил, что самую страшную травму ему нанесла учительница. Когда в 49-м году закрыли абхазские школы, он вынужден был перейти в

грузинскую, но не смог дальше учиться, потому что там били за каждое неправильное слово. Он ушел, и не смог получить даже среднее образование, и потом уже в тридцатилетнем возрасте доучивался взрослым, когда прошел уже определенный жизненный путь.

Поэтому мы должны научиться преодолеть этот психологический барьер, который возник, который очень трудно преодолеть. Я тоже рос в таких же условиях, как все мои близкие, у меня было много друзей в Тбилиси, и вообще, я был влюблен в грузинскую культуру. Я ездил на все матчи тбилисского «Динамо» после открытия стадиона в 76-м году. Мы собирались компанией, ездили и болели там. Я бывал в театре Марджанишвили, смотрел все постановки Роберта Стуруа. Я грузинский плохо знаю, но со мной были мои друзья, которые переводили. Я был влюблен в Рамаза Чхиквадзе. Но, когда я в первый раз в 89-м году обрадовался, что Спартак забил гол Динамо-Тбилиси, я понял, что это катастрофа. Вот как просто это все. И я не знаю, как вернуть в мое сердце снова Грузию? И не надо надеяться на это, не надо питать излишних иллюзий. Наверное, какие-то поколения должны пройти, чтобы это преодолеть. Но конечно, какие-то шаги на этом пути надо делать.

Но я благодарен организаторам, что они рискнули все это организовать в Москве. Грузины постоянно говорят, что ключ к решению абхазской проблемы лежит в Кремле, но не знаю, где эта комната, где этот ключ. Но я надеюсь, и мы все верим, что от Москвы очень многое зависит в нашем конфликте.

Манана Гургулия – Тут говорили о проблемах, которые можно обсуждать. Я перечислять их не буду. Но есть еще одна, которую можно обсуждать в трехстороннем формате. Это – проблема безопасности, как внешней, так и внутренней, разных аспектов безопасности.

Что касается самого формата встречи? Те из участников встречи, кто давал интервью журналистам, не могли не обратить внимания на то, что всех журналистов интересовал один вопрос: каков конкретный, осязаемый, ощутимый, осязаемый результат от подобных встреч. Но в данном случае важен не столько конкретный результат в виде документа, статьи, протокола, но сам процесс, диалог, обмен мнениями, уточнение позиций, взглядов и так далее. Трехсторонний формат очень интересен и перспективен.

И последнее. Это – мое предложение, а также упрек себе самой. Мне также предлагали подготовить основной доклад к этой встрече. Я в силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств сама его не сделала и не очень активно участвовала в дискуссии. Было бы интересно, если бы абхазская и грузинская стороны выступали не как содокладчики, а подготовили отдельные доклады. Кроме того, несколько человек могли бы выступить с короткими докладами по конкретным вопросам. Тогда может удастся избежать некоторых повторений, желания сказать почти то же самое, только тоном повыше или пониже, чуть более эмоционально или чуть менее.

В целом, это очень интересные и полезные встречи. В определенной степени они дополняют двухсторонний грузино-абхазский диалог, проходящий в рамках так называемого Шляйнингского процесса. Спасибо всем. Желаю всем успехов.

Пола Гарб – Спасибо вам большое. Я признаю, что приехала сюда в очень негативном настроении, с пессимизмом относительно дальнейшей работы, о моих возможностях. Но я получила колоссальный толчок, спасибо вам за это. Много действительно я слышала не в первый раз, но прозвучало и много нового, и мне будет интересно проследить все эти моменты, и надеюсь, для других это тоже стало толчком для новых мыслей.

Будем надеяться на скорейший выход этого сборника. Спасибо всем большое, и я очень жду новых встреч, вы дали очень много полезных и реальных идей.

Вальтер Кауфманн – От меня тоже большое спасибо за очень активное ваше участие и за то, что так много писали в нашу книгу заказов, действительно тут ценный материал, над которым стоит работать. И в конце я хочу просто сказать спасибо московским коллегам, потому что, дело конференции, идея, конечно, принадлежит Южно-Кавказскому Фонду Белля вместе с Полой Гарб и с коллегами из Международной Тревоги, но собственно организационную работу сделала именно Людмила Кабанова, и поэтому огромное ей спасибо. Спасибо. *Аплодисменты.*

СПИСОК УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Абхазская сторона:

Гурам Гумба – Абхазский Институт Гуманитарных Исследований

Виталий Тарнава – депутат Народного Собрания-Парламента РА

Станислав Лакоба – Секретарь Совета Безопасности РА

Манана Гургулия – Информационное агентство «Апсныпресс»

Лиана Кварчелия – Центр Гуманитарных Программ

Арда Инал-Ипа – Центр Гуманитарных Программ

Батал Кобахия – Центр Гуманитарных Программ

Грузинская сторона:

Михаил Мирзиашвили – Фонд «Открытое общество»

Лаша Бакрадзе – историк, Тбилиси

Джана Джавахишвили – программа ПРООН

Иракий Какабадзе – Тбилисский Институт Государственного
Управления

Паата Закареишвили – Центр Развития и Сотрудничества

Российская сторона:

Сергей Маркедонов – Институт Политического и Военного Анализа

Михаил Шевелев – журналист, Москва

Александр Скаков – Российский Институт Стратегических
Исследований

Александр Чечевишников – Центр Постсоветских Исследований
МГИМО

Виктор Воронков – Центр Независимых Социологических Иссле-
дований, Ст-Петербург

Александр Аузан – Институт Национального Проекта
«Общественный договор»

Вячеслав Игрунов – Международный институт Гуманитарно-
политических Исследований

Другие участники:

Пола Гарб – Калифорнийский Университет (Ирвайн)

Геворк Тер-Габриэлян – Международная Тревога (Лондон)

Марк Берендт – Международная Тревога (Лондон)

Магдалена Фричова – ОБСЕ, Миссия в Грузии

Лариса Сотиева – Кавказский Совет по беженцам, Владикавказ

Йенс Зигерт – Региональное бюро Фонда им. Генриха Бёлля
в России

Людмила Кабанова – Региональное бюро Фонда им. Генриха Бёлля
в России

Вальтер Кауфманн – Региональное бюро Фонда им. Генриха Бёлля
на Южном Кавказе

Нино Лежава – Региональное бюро Фонда им. Генриха Бёлля на
Южном Кавказе